

У наших причалов

Последний орденоносец советского флота

Это архангельский дизель-электроход «Михаил Сомов»

Вблизи, с причала, он смотрится ещё солиднее. Особый покроем корпуса с «таранным» форштевнем; сам корпус из невероятной толщины стали, за что в шутку корабль моряцкая братва прозывает броненосцем; облик главной надстройки, присущий скорее ледоколам; массивные грузовые стрелы; утяжелённые палубные конструкции. И всё же – это научно-экспедиционное (исследовательское) судно, из серии «Амгуэма», которую строили в Херсоне с 1962-го. «Михаил Сомов», наречённый в память известного нашего полярного океанографа, шёл на стапеле верфи последним – четырнадцатым, таким же мощным полярным транспортом, но с «акцентом» в проекте 550 – даже можно сказать, как плавучий научный институт.

Бог миловал

Вообще, «Михаил Сомов» – представитель достаточно редкого в современном судоходстве кораблей. Если точно по его «паспорту»: «ледокольный транспорт для самостоятельного плавания в период навигации в арктических и антарктических морях». В общем составе мирового флота таких менее 0,5 процента – уж очень своеобразна их работа – вблизи ледовых панцирей планеты. Заметим, работа не без риска, ибо у крайних широт севера и юга репутация опасных для кораблевождения. До появления многоцелевых финской постройки балкеров типа «Норильск» подобные суда считались самыми надёжными в ледовых морях.

Я же помню «Михаила Сомова», когда был он архангельским, образно говоря, наполовину: дизель-электроход высился у внешнего причала «Красной кузницы», здесь его прежние хозяева – ленинградцы передавали корабль флоту нашего Северного УГСМ. Та передача, как помнится, проходила ни шатко, ни валко, буд-

Дизель-электроход «Михаил Сомов»
в парадном строю на Северной Двине.
Фото Олега Химаныча

№ 2 (132), 2021

**Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал**

Учредитель:

редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор

Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора

Иван КОРОТКОВ

Компьютерный набор

Татьяна ЕГОРОВА

Дизайн/Вёрстка

Ольга ПЕЛЕНКОВА

Автор фотографий на обложке:

Олег ХИМАНЫЧ

Подписано в печать 20 апреля 2021 года

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:

127051, Москва,

Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,

8 (495) 694-03-65

www.north.litrossia.ru

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано в ФГУП

«Издательство «Наука»

(Типография «Наука»)

121099, Москва, Шубинский пер., 6

Заказ 359к

СОДЕРЖАНИЕ

Под полярной звездой

Олег ХИМАНЫЧ

У наших причалов..... 1

Путешествие

Игорь САФРОНОВ

Из Архангельска в Дудинку и обратно..... 8

Смелая гипотеза

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

Прародина человечества – Якутия..... 22

Загадки истории

Владимир ВАСИЛЬЦОВ

Смерть Сталина..... 34

Иди и смотри

Хабир ХАРИСОВ

Театр за Полярным кругом 38

На краю земли

Александр ОБАИМОВ

Там, где рождается рассвет..... 42

Версия

Пётр ЦЫБУЛЬКИН

Тайны Дятловского перевала..... 49

История одной любви

Вячеслав ОГРЫЗКО

Считай женой. Целую. Олег..... 57

В ладу с природой

Вадим КУЛИНЧЕНКО

Острова мечты..... 68

Живы звёзды

Вероника ВОРОНИНА

Поморский Гомер и Поморский Харон..... 70

Проза геолога

Александр ЗИНОВЬЕВ

На Мандриково..... 73

то прежние владельцы тягостно с «Сомовым» расставались, а новые не хотели его брать. Шёл смутный 1998-й год, когда о разгроме и развооружении советского флота не ведал разве что ленивый. Что вытворяли с научно-исследовательскими судами страны нечистые на руку коммерсанты, секретом не являлось – скорая судоразделка и быстрый навар. Сколько вполне ещё годных по Регистру «научников» загнали Вторчермету ельцинские «бизнесмены», и по сей день не подсчитано. Но «Михаила Сомова», к счастью, Бог миловал.

Впервые я поднялся на борт прославленно-го дизель-электрохода давним летним полднем при неясной погоде. Уже на подходе к трапу отметил: корабль пришвартован на задворках «Красной кузницы», что ближе к зарослям берегового ивняка в устье Соломбалки. Пустовал заводской причал, не было оживления и на палубах «Сомова». Не сразу нашёл вахтенного. Если честно, в том прочёл признаки второстепенного отношения к кораблю, даже его безнадзорности.

Старпом был занят, обещал подойти позже, и первым принял меня главный механик – не старший, как принято на торговом флоте, а именно главный – весьма примечательный мужчина: выше среднего ростом, спортивно-го сложения при солидной осанке, хотя и не первой молодости, но больше пятидесяти я бы ему не дал. Светлые, но строгие глаза на худощавом тщательно выбритом лице, короткая стрижка и уже заметный иней на висках. Ничто в нём не выдавало привычный облик моряка – в опрятной светлой рубашке под тонким серым джемпером, в синих джинсах, на ногах – лёгкие, чистые полуботинки – в

них бы по городским аллеям фланировать, а не по железным палубам и трапам...

По любопытному совпадению фамилия у главного механика научно-экспедиционного корабля тоже оказалась «научной» – Капица Александр Александрович. После рукопожатия я с этого и начал:

– Вас, наверное, часто спрашивают насчёт родства с семьёй академиков?

– Частенько, – признался он с быстро промелькнувшей улыбкой. – Нет, мы однофамильцы...

И беседа наша ровная, без недомолвок сложилась с самого начала. Очень интересовало и общее состояние, и особенно – «научное вооружение» судна-ветерана – всё-таки «Сомову» не один десяток лет...

– «Пароход» наш почти сразу после постройки практически ежегодно модернизировался. Главным образом для нужд науки, – пояснил Александр Александрович. – Скажем, вертолётная площадка появилась уже на второй год после сдачи судна в эксплуатацию. В 1985-м в пространстве третьего трюма нам оборудовали целый блок научных лабораторий и жилых помещений для экспедиционников, финны этим занимались... И потом наука не стоит на месте, аппаратура для исследований постоянно обновлялась, и навигационная тоже.

– А в машине?

– В машине сменили дизели на импортные, более надёжные и удобные в работе. На ледоколе «Диксон» наверняка бывали? Такие же у нас...

Капица сам предложил пройтись по местам своего основного заведования. В узком

Капитан Настеко Ю.А.
Фото: сайт «Моя планета»

коридоре, прежде чем перешагнуть комингс, отдраили тяжёлую дверь с иллюминатором. Ничего из того, что бы разительно отличало корабельные низы «Михаила Сомова» от машинного чрева крупных транспортных судов, здесь не было: несть числа стальным трубам и тем, что с тусклым отсветом меди и латуни, ровные рядки электропроводов под слоем белой масляной краски, кожухи воздухопроводов, множество вентилях, рычажков и рукоятей, крутые трапы с решётчатыми ступеньками и настилами площадок... А главное пожалуй – не ощущалась дрожь разогретого металла, столь присущего кораблям в последние часы перед отходом: «Михаил Сомов» стоял в расхолаженном состоянии. Вот и главные его машины, казалось, впали в дрему под неярким электрическим светом: двигатели, генераторы, насосы, ведущие к ним трассы магистральных кабелей, уложенные в широких подвесках. Если и цеплялся глаз, так за крупные жёлтые электрощиты с обилием чёрных ручек переключателей, циферблатов и шкал под стеклом, да ещё за ярко красные ящики и стенды с пожарным инвентарём.

На главном пульте застали дежурную смену и пожилого улыбчивого моряка, колдующего с инструментом у электрощита со снятой панелью.

– Николай Иванович Андреев – системный механик, антарктический ветеран, – представил его Капица. – Из ленинградской команды...

– Много ли ленинградцев осталось на «Сомове»?

– Кроме меня и Николая Ивановича, старший электромеханик Афанасьев, токарь Горин... Всё, пожалуй. Остальные, считай, уже сидят на чемоданах...

Капица перебросился парой фраз с вахтенными, скорой рукой сделал пометку в журнале, и мы двинулись дальше – по железным «чащобам» машинного отделения, но без спешки – знакомились обстоятельно. В главном механике чувствовалась не то, чтобы сдержанность, скорее уравновешенная манера, и потому думалось, что этот человек наверняка и работой своих подчинённых руководит в спокойном тоне...

Мореход Муся

Уходили, дверь каюты не закрывали. Когда вернулись, обнаружили на каютном диванчике гостью – чёрную длинношёрстную кошку. Впрочем, гостем в тот день был я, а не кошка...

– Наша Муся – любимица и член экипа-

жа, – представил Александр Александрович. – Однажды возвращались из Антарктиды, делали остановку в Марокко. Там подверглись нашествию крыс. Как только ни пытались от них избавиться – без толку! Пришли домой, уже стояли в порту, когда с ледокола, зимующего по соседству, явилась к нам Муся. Сама. Взяла инициативу в свои лапы – извела марокканцев под чистую... С тех пор уже четыре года живёт на борту, ходит с нами во все рейсы, хотя и не значится в судовой роли. Для неё на «Сомове» нет запертых дверей.

Муся внимательно и благосклонно слушала главного механика и, похоже, наматывала сказанное на свои роскошные усы.

Нужен был подвиг

Как не расспросить об антарктических приключениях, говоря о таком завсегдае Крайнего Юга, как «Михаил Сомов»? Это просто невозможно!

Два опасных дрейфа выпало на его долю. Первый, в 1977-м, близ полярной станции Ленинградской, и длился он 57 суток. Снова беда настигла уже в 1985-м – судно взяли в тиски битые льдины и айсберги. Чтобы выволить «Сомова», решили послать в Антарктиду дизельный ледокол «Владивосток». Спасателем возглавил Артур Чилингаров. Мне отчего-то запал на память шум центральной прессы вокруг той экспедиции: сводки о продвижении ледокола, будто с фронта – в каждом номере, и почти в каждом сообщении, дескать, экипаж «Сомова» держится стойко, мужественно...

– Это всё пафос, – улыбнулся Александр Александрович. – Сжатия, в самом деле, были серьёзные. Но в начале. Когда «Владивосток» был уже к нам на подходе, они ослабли, и мы смогли бы протолкаться к чистой воде сами, без ледокола...

– Что же помешало?

– Строгое предписание с «Владивостока», от Чилингарова – мол, оставайтесь на месте и ждите...

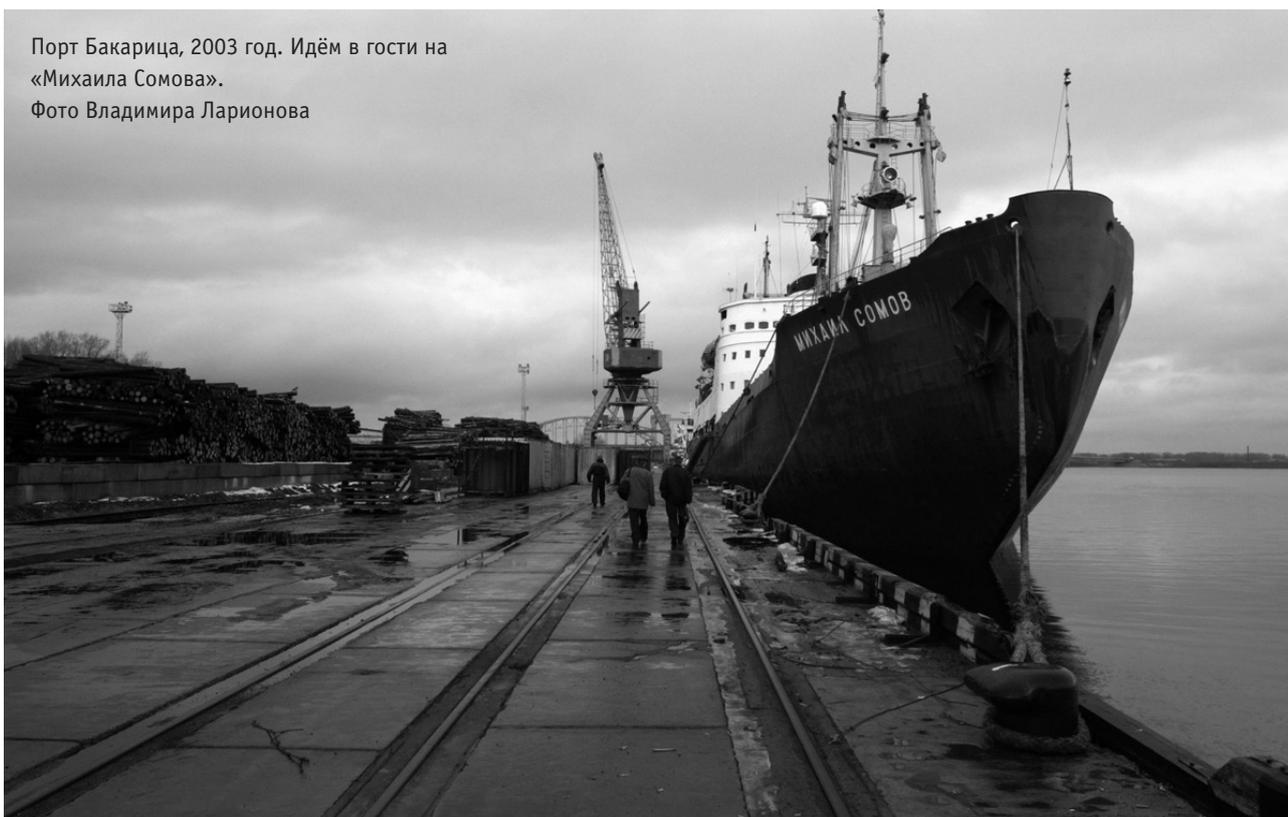
– ?!

– Видимо, позарез нужен был подвиг. Других причин не вижу, – снова мелькнул улыбкой Александр Александрович и уже с горчинкой добавил. – Не только я, многие наши недоумевали...

О прибыли

С утра Соломбалу легонько и умиротворённо окроплял дождик. После обеда нежданно, нахально ударил северный ветер, Двина

Порт Бакарица, 2003 год. Идём в гости на
«Михаила Сомова».
Фото Владимира Ларионова

помрачнела, остро взъершилась пенными гребешками, а с небес сорвался ливень.

– Куда же вам в такую непогоду? – посмотрев в иллюминатор, сказал Александр Александрович. – Сам Бог велел оставаться, пока не разгонит. Ещё и старпом, думаю, подойдёт. Значит, самое время нам почаёвничать...

А чаёвничали под разговор на вольные темы. Капица оказался книголюбом, не без особенного интереса к морской литературе. Сразу вышли на Виктора Конецкого и Юхана Смуула, как-никак, а в Антарктиду они хаживали... Вспомнили и Джозефа Конрада – американского корифея маринистики, бороздившего воды Южного океана и утверждавшего, что любой судовладелец дорожит прибыльным судном, а настоящий моряк гордится им... Случай сам подвернулся спроецировать эти его слова на полярном грузовозе-экспедиционнике «Сомове». Капица признался:

– Прибыль от изучения Антарктиды, конечно, есть. По крайней мере, будет обязательно. Однако очень сложно подсчитать, когда и каким образом вложенные средства «вернутся» – слишком долговременная перспектива. А поводов для гордости у нас, хоть отбавляй: «Сомов» – уникальный корабль. Какая ещё страна таким владеет?

– У меня, правда, ощущение – Архангельск не спешит прибрать его у рукам...

– Такого серьёзного корабля у вашего УГМС ещё не было, – пару мгновений подумав, ответил Александр Александрович и предположил. – Может, осторожничают, как бы в трубу не вылететь? Понять-то можно – найдётся ли «Сомову» сегодня работа на Севморпути? Даже на стоянке одного топлива он съедает – мама, не горюй! А топливо нынче, сами знаете, в какой цене...

Появился старпом – Юрий Алексеевич Настеко, с порога извинился – не мог появиться раньше. Выглядел он моложе своих тридцати трёх – бодр и подтянут, к тому же и форменный штурманский свитер подчёркивал его молодцеватость. Первое, о чём подумалось – если в тридцать три уже старпом на таком судне, как «Сомов», то наверняка у него ладные стезя и перспектива.

– Передаю гостя в целости и сохранности, из рук в руки, – пошутил Капица.

Прощай, Антарктида?

С Настеко поднялись на мостик.

– Ничего необычного здесь нет, – сразу заключил Юрий Алексеевич. – Разве что локация мощнее да связь новее и надёжнее, чем у пароходских...

Старпом скромничал. Необычным, точнее – редким по нынешним временам, был инте-

рьер «капитанской епархии» – конструкторы 550 проекта явно позаимствовали его из 50-х, когда Союз активно строил ледоколы на верфях Финляндии. Оттуда плавная выгнутость по оси лобового пространства ходовой рубки, утолщённые иллюминаторы, отчего-то всякий раз напоминающие мне крепостные бойницы...

Из «штурманского закутка» мы прошли в научно-исследовательский блок судна, где оборудованы лаборатории учёных и часть жилых помещений. Здесь я стал свидетелем ремонтных работ, впрочем, не оставлявших впечатления интенсивных и срочных. А шёл, напомним, 1998 год. Отношением к отечественной науке тогдашнее руководство страны не блистало. Об Антарктиде предпочитали лишний раз не заикаться. Какие уж регулярные рейсы к шестому континенту?! Что ждёт тогда прославленный корабль? Скромная роль снабженца на забытой Россией арктической окраине? И как быть с исследовательским комплексом на его борту? Спросил о том у старпома...

Сначала Юрий Алексеевич деликатно сослался на коммерческую тайну проекта, по которому велось обновление, но почти сразу намекнул:

– В Антарктиду «Сомову» путь не заказан, ведь там работают не только россияне...

– Верно, не только россияне, – подумалось мне. – Хотя и задевает патриотические чувства. Сдавать иностранцам уникальный корабль и сворачивать собственные науч-

ные программы – что это как не признание государственной ущербности и нищеты?

Шли коридором, когда Настеко отворил дверь одной из нежилых кают – никакой мебели, но у голой стены кто-то аккуратно сложил в стопки канцелярские папки и блокноты, книги и журналы знакомого формата А-4.

– Остались от прежних экспедиций, – пояснил Юрий Алексеевич. – Здесь, пожалуй, наберётся целый архив...

Я открыл один из журналов. Вёл его, очевидно, один из полярников: убористый и разборчивый текст, вклейки любительских фотографий, впрочем, неплохого качества. Потом полистал ещё один с такими же дневниковыми записями и снимками – весьма любопытными...

– Возьмите, если интересно, – просто сказал старпом. – Нам ещё долго стоять. Вернёте в следующий раз...

Признаюсь, своим доверием Юрий Алексеевич меня окончательно расположил к себе. В каюту главного механика я вернулся с ценным приобретением...

Дождь прекратился так же, как и начался – внезапно. В стремительных клочьях облаков то и дело сверкал солнечный диск. Прощались с главным механиком на палубе, у трапа. На лобовой стене главной надстройки корабля поблёскивал муляж ордена Трудового Красного Знамени. А много ли кораблей с архангельской припиской хаживало с орденами? Если по памяти: ещё до войны ледокольные пароходы «Малыгин», «Александр Сибиряков», «Георгий Седов»,

Памятная марка

ледорез «Фёдор Литке». Паровой двухтрубный ледокол «Ленин» удостоился награды уже в 1945-м...

Словно, прочитав мои мысли, Капица заметил:

– Наш «Михаил Сомов» – последний орденосец советского флота...

Охотник за айсбергами

По счастливому стечению, мои опасения не сбылись – в аренду «Сомова» иностранцам не сдали, дизель-электроход пополнил флот Северного УГМС. В мою же редакторскую практику при подготовке хроники в номер «Корабельной стороны» вошла привычка отслеживать его рейсы в Арктике. Разумеется, с последующей публикацией...

– Теперь у тебя есть подшефный корабль, – подшучивали коллеги...

В 2003-м промозглым ноябрьским днём «Михаил Сомов» ошвартовался на Бакарице. Тогда же мы с Володиёвым делали репортаж о паровом буксире «Прокатчик». Понурый, обречённый на долгий отстой, он стоял у краешка причальной линии. Закончив дело, сразу отправились к «Сомову»...

О том, что именитому кораблю не помешало бы отдохнуть, свидетельствовал его облик: местами битый льдом корпус, изъеденная морской солью, ветрами и стужей краска на надстройках и грузовых стрелах. Потёртая носовая часть, ржавые разводья выше мощного форштевня говорили, что на отдельных участках дизель-электроход вынужден был идти «на усах» – в жёсткой связке с кормой линейного ледокола...

Мой добрый знакомец Юрий Алексеевич Настеко уже капитанил на «Сомове», и принимал нас сменивший его старпом – Анатолий Илларионович Рычихин. У него спросили, где Юрий Алексеевич?

– На берегу, в семейных хлопотах, – заулыбался Рычихин. – 8 октября у него родилась дочка. Мы тем днём были в рейсе, точнее – стояли на рейде Сабетты, шутили, мол, не назвать ли капитану дочь Сабеттой...

– Наверняка в ближайших планах ремонт?

– Если пойдём «считать айсберги», – ответил Анатолий Илларионович, – тогда точно – для начала станем в док...

«Считать айсберги» – фраза необычная, образная, но за ней прозаическая работа учёных-гидрологов по наблюдению за крупными ледовыми образованиями в океане. «Михаилу Сомову» Гидромет поручает не только снабжение полярных станций, но и научно-исследовательские задачи. По словам

старпома, последние годы крупные айсберги по воле течений и ветров стали появляться не только в северной части Баренцева моря. Одного из таких великанов «Михаил Сомов» обнаружил довольно близко к матерiku.

– На 71 градусе северной широты, – уточнил Анатолий Илларионович.

– Крупный?

– Представьте себе – 480 метров длиной, 270 шириной и осадка – 70 метров!

– А скорость дрейфа?

– Два узла – почти четыре километра в час.

Похоже, у службы безопасности мореплавания может появиться новая головная боль – как бы не повторилась история с «Титаником»...

Заслуженное место

Вот уже больше двух десятков лет минуло после первого моего восхождения по трапу «Михаила Сомова». Позднее ещё не раз на него возвращался. Однажды гостил на корабле со своим семилетним сыном. Часто вижу «Сомова» на архангельских рейдах, а дважды засвидетельствовал его в парадном строю кораблей на Северной Двине в День Военно-Морского флота. Хотя и не под Андреевским флагом, но вполне заслуженное место для советского орденосца.

Сегодня стараюсь следить за его странствиями по сообщениям в газетах и в Интернете, смею утверждать – в научных походах и снабженческих рейсах «Михаила Сомова», как в своего рода зеркале, отражаются многие события постсоветской России в Арктике, со всеми её достижениями и заботами, удачами и откровенными провалами.

Очень сожалею, с Юрием Алексеевичем Настеко, руководившим экипажем дизель-электрохода много лет, ныне «Почётным полярником», связь моя оборвалась. Кажется, после «Михаила Сомова» он капитанил уже в Мурманске, не то на «Георгии Седове», не то на «Георгии Ушакове»...

А из друзей, кто последним порадовал меня снимками с борта «Михаила Сомова», стал Евгений Гусев – морской геолог из Питера. Летом 2020-го он с научной экспедицией прошёл на дизель-электроходе по Севморпути до Чукотки, запечатлел яркие кадры туманного мыса Шелагский в Восточно-Сибирском море, уже заледеневшего острова Врангеля, стлого Певека и предзимья в якутском Тикси...

Олег ХИМАНЫЧ,
морской историк

Игорь САФРОНОВ

Из Архангельска в Дудинку и обратно

Воспоминания петербургского художника

Август 1973 года. Архангельск. Свежий пасмурный полдень. Я стою на набережной Северной Двины недалеко от памятника Петру Первому. Присутствие бронзового императора как-то связывает меня с моим Питером, покинутым сегодня ранним утром и прибавляет мне уверенности... Вот и он тут отметился...

Передо мной поблёкшая фотография той поры: на ней – я, мне 22 года. На мне джинсовая пара, напоминающая комбинезон, на ногах резиновые сапоги. За мной свинцовая рябь северной реки. Я ёжусь от холодного ветра, думая: какой неуютный город...

Как-то всё сложится?... Так ли, как думалось в Ленинграде... Ведь на этот раз меня привела в Архангельск давняя мечта сходить в море на каком-нибудь серьёзном судне, чтобы почувствовать себя настоящим моряком, побывать в его шкуре, почувствовать настоящее северное море, а главное, увидеть со стороны моря, знакомое мне по прошлогодней поездке в Койду, суровое побережье, где довелось почти три недели прожить с местными рыбаками в их уютной избушке на берегу Баренцева моря, весь год я не мог остыть от увиденного и перечувствованного тогда, ещё бы, я заплатил за это своей сломанной рукой, которая, кстати, плохо срослась, пока я тогда добирался до Питера. Позади был дипломный год, упорная работа и его защита, синие корочки с написанной от руки оценкой «хорошо»... Но воспоминания того лета не покидали меня, всё ещё оживая и волнуя...

Устье Мезени, Койда, зимний берег, остров Моржовец, Канин нос... Эти названия звучали, как знакомая и желанная музыка, и мне хотелось вновь услышать её в своей душе.

И вот я в Архангельске, стою на набережной и обдумываю, как мне поступить...

А что тут думать... Надо найти северное

морское пароходство и изложить свою цель соответствующему официальному лицу, лучше начальнику или парторгу. Всё правильно, тогда вперёд, на запад!

И вот, найдя высокое здание в центре Архангельска с надписью СМП на фронто-не, я поднимаюсь по парадной лестнице и нахожу кабинет парторга пароходства. Секретарша докладывает обо мне и вот уже, мне навстречу встаёт плотный красивый человек в форме капитана морского торгового флота и протягивает для рукопожатия крепкую ладонь. Я представляюсь и эмоционально излагаю свою цель. Парторг широко улыбается и, разглядывая меня, подходит к столу и берётся за телефонную трубку. С кем-то недолго говорит, упоминающая мою фамилию и вешает трубку.

– Ну вот, Игорь Александрович, товарищ художник, будем считать, что ваш вопрос решён.

– Не позднее завтрашнего дня в Дудинку отходит сухогруз «Полоцк», это каботажный рейс, рассчитанный на 15 дней. Я думаю это то, что вам подойдёт! Я сейчас говорил с капитаном и обо всём договорился.

– Спасибо... Не ожидал, что так быстро всё решиться... Что от меня потребуется?

– Вам надо прямо сейчас переправиться в Соломбалу. Судно готовится к рейсу и стоит под погрузкой... Отправляйтесь туда, там вас встретят, сошлётесь на меня. Капитана зовут... Он назвал имя и отчество капитана.

– Я распоряжусь, чтобы вас переправили в порт.

– У меня к вам просьба... У вас будут все условия для вашей работы, и хотелось бы, показать ваше творчество экипажу, рассказать о своей работе художника, ну, что-то вроде лекции об искусстве вообще... Договорились -Конечно, я обещаю, обязательно...

– Через час, воодушевлённый таким до-

верием, я шёл к переправе в Соломбальский порт...

– Соломбала, один из старых районов Архангельска, расположенный на одном из крупных островов в дельте Двины. Район своеобразный. Это царство эклектики, его надо видеть (об этом много в интернете).

Я без труда переправился по мосту через один из самых больших рукавов Двины, реку Кузнечиху, и вскоре в южной портовой части острова нашёл наконец «своё» судно. Оно стояло вдоль причальной стенки под погрузкой.

Это было огромное судно-контейнеровоз, гигантских совершенно размеров. Оно называлось «Полоцк. Вокруг него кипела работа, в трюмы загружались разноцветные контейнеры с грузами, предназначенными для северного завоза. Портовые краны делали это очень быстро и точно. Подходя к трапу, я доложил о себе и вскоре был представлен старпому, руководившему погрузочными работами. К моему появлению вовсю шла загрузка продовольствия для предстоящего рейса. Грузились мешки с сахаром, овощами, крупами и прочим. Меня сразу подключили к этому процессу, и я с ходу и с энтузиазмом включился в него, поднося к трапу довольно тяжёлые мешки и ящики и передавая их дальше по цепочке. Через пару часов погрузка была завершена, и вскоре мы должны были выйти в море.

Между тем стало смеркаться, усилился ветер, погода сразу переменялась. Стало по-осеннему холодно и промозгло. Наконец около шести вечера ударили склянки и стали убирать швартовы. Мне не хотелось пропустить этот момент; я с нетерпением ждал, когда мы отчалим.

И вот уже огромная туша «Полоцка» едва вздрогнула, и стало понятно, что огромное судно начало медленный манёвр, чтобы отойти от причала... Я стоял на нижней палубе, у борта и, не замечая холода, ликовал. Не знаю, как другие, но меня переполняло радостное волнение: наконец-то я на настоящем большом корабле, и мы идём на север, в настоящую Арктику, чтобы Севморпутём достичь далёких берегов заполярной Сибири. То было особое чувство, похожее на гордость, что мне это удалось, и первый шаг был сделан, и всё складывается удачно. Между тем, в сгущающихся сумерках, наше гигантское судно, миновав Маймаксу (ещё один островной район города), медленно вышло на главное русло Двины и всё ещё неторопливо легло курсом на север в сторону горла Белого моря.

Меня поместили в небольшой двухместной каюте с курсантом АМШ, что означает

– Архангельская мореходная школа, молодым парнишкой – практикантом по имени Даниил, а проще – Дан. Я видел его в каюте крайне редко за всё время нашего рейса. Намайвшись за этот непростой и волнительный день, я сам не заметил, как заснул, лишь прикоснувшись головой к подушке и вытянув ноги на мягком матрасе своего каютного койко-места. Сколько я проспал, я не помню, но, когда я открыл глаза, настенные часы в каюте показывали девять вечера. Очнувшись с тяжёлой головой, я почувствовал сухость во рту и лёгкую тошноту, как если б я выпил поганой водки на голодный желудок. Что это? От голода? Я вспомнил, что я ничего не ел с самого утра. Не похоже... Встав, чтобы привести себя в порядок и умыться, я почувствовал, что пол подозрительно неустойчив, да и вся

каюта со всем содержимым словно пришла в какое-то ритмичное движение. Умываясь и смотря в зеркало на собственную физиономию, я почувствовал, что меня плавно раскачивает, словно я пьяный... Выйдя из туалета, я чуть не упал... Только теперь меня осенило, что эта качка...

Что это? Неужели мы попали в шторм? Чувство скользкой тревоги, похожей на приступ тошноты предательски расплылось по всему телу. Меня откровенно тошнило.

Ручка входной двери в каюту внезапно повернулась, и в тусклом проёме я увидел моего матросика. Я не сразу понял, что это Дан. Он сказал, что меня зовут в кают-компанию на ужин, и Дана послали за мной. Я спросил у Дана, что происходит, почему так качает судно, на что он ответил, что это пятибалльный шторм, который накрыл нас на выходе из горла Белого моря, и что здесь это часто бывает... А качает потому, что это бортовая качка, самая поганая... Я посмотрел на Дана и заметил, что он сильно бледен, движения его замедленны и его тоже качает. Ещё раз ополоснув лицо противно-железистой водой из-под крана и, внушив себе, что я выгляжу сносно, я, невзирая на тошноту, решил пойти до кают-компания. Выйдя в коридор и, держась за поручни, я неуверенно последовал за моим матросиком по длинному, тускло освещённому коридору. Но, не сделав и десяти шагов, понял, что меня раскачивает, как маятник, и, поняв, что я не дойду, повернул назад, но, не дойдя двух шагов до каюты, почув-

ствовал, что меня скрутило и сейчас произойдёт самое худшее, будет выворачивать наизнанку. Так и произошло... Я ввалился в каюту на четвереньках, лихорадочно выставив руки, как слепой, чтобы не разбить голову и буквально вполз в галюн где зашёл ужасной желчной рвотой, измочалившей меня вусмерть... Мама родная, дай мне сил пережить это! Так я не блевал даже перед срочной операцией перитонита в Институте скорой помощи, когда меня скрутило на 1 курсе института...

Сейчас бы я сказал: «Господи Милосердный! Помоги мне, пошли мне облегчение... Избавь меня от таких мук!.. спаси меня!»

Таков был мой первый опыт мореходства... Таково было моё крещение в штормовых водах горла Белого моря!

Не помню, как я оказался на своей лежанке, что со мной было потом. Весь этот кошмар закончился утром. Я лежал навзничь не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой и не верил тому, что живой... С трудом повернув пустую голову, я увидел, лежащего напротив меня курсанта Дана, и подумал, что и для него эта ночь была не меньшим испытанием на выносливость...

Утром, к нам постучали. Это оказался старпом. Капитан послал его узнать, всё ли со мной в порядке, как я перенёс бортовую ночную качку. Увидев меня бледным и лежащим, почувствовал, сказав, что ночью потрепало не меня одного, и предложил направить ко мне судового врача. Но я отказался. Тогда он приказал Дану быть при мне и как только я приду в себя, доставить меня в офицерскую кают-компанию, где меня накормят. Таково распоряжение капитана.

Но скоро мне полегчало, и я захотел выйти на воздух. Одевшись и умывшись, я, в сопровождении Дана направился по узкому коридору на нижнюю палубу, чтобы окончательно очухаться и прийти в себя...

Выбравшись из нашего трюма на нижнюю палубу, я чуть не ослеп от яркого солнечного света, бритвенно резанувшего мне по глазам, чистого вымытого бледно-синего неба, снизу исполосованного продольными перистыми облаками и, отражающего его в своих атласных переливчатых волнах, призмившего, едва волнующегося, безбрежного моря. Я зажмурился, мне показалось, что с моих невидящих глаз резко сорвали повязку, и я стал наново видеть сверкающую всеми красками, первобытную красоту неожиданно-яркого возрождённого мира...

Я сразу подумал о том, чтобы вот так по-новому увидеть и заново открыть этот

фантастический возрождённый или, словно только что созданный, юный и ослепительный мир, наверное, стоило пройти через испытания минувшей штормовой ночи и принять их как, своего рода, крещение... Или очищение страданием...

Судно наше шло ровным хорошим ходом, отваливая от форштевня пенисто синие тяжёлые волны. Воздух был холодным и прозрачным, какой он бывает в хорошую погоду только в Арктике. Где-то справа по курсу была едва заметна рыжеватая полоска земли. Вероятно, это был знакомый мне зимний берег в районе Койды, а может, скалистый Кандинским берег... Я вспомнил наше прошлогоднее сидение на тонях и на душе потеплело.

А ещё я вспомнил полюбившуюся мне с детства картину Рылова «В голубом просторе»... Я не верил своим глазам, пейзаж на картине был разительно похож на тот, что был перед моими глазами справа по борту. Не было только летящих гусей... Но гамма, чистота цвета были один к одному. Как удивительно точно Рылов схватил звонкость и чистоту цвета, и общий настрой этих прибрежных заполярных мест.

Боже, твоя воля! Какое это счастье, видеть всю эту красоту! Сейчас я чувствовал себя самым счастливым человеком на свете! Поймал себя на мысли, как ярко всё же все краски и тона на Севере, кажется, что всё пропущено через какое-то могучее и чистейшее увеличительное стекло, всё кажется отчётливо – рельефным и невообразимо – крупным.

По палубе я прошёл в носовую часть судна, чтобы увидеть впереди, что-нибудь похожее на очертания Скалистых берегов Новой Земли прямо по нашему курсу, но море было пустынно-безбрежным... И только несколько крупных чаек, маха ослепительно белыми острыми крыльями сопровождали наше могучее судно, бесшумно рассекающее своей могучей грудью покорную необозримую гладь полярного моря.

Отрешась от всего, я не заметил, что позади меня стоит молодой парень в морской тужурке. Это оказался штурман, которого послали за мной, чтобы представить меня капитану. Он повёл меня хитрым путём в рулевую рубку. Войдя в неё, я увидел несколько человек в форме со знаками отличий на рукавах. Один из них был рулевым матросом. Двое других привлекли моё внимание. Двое других привлекли моё внимание. Оба были по-своему колоритны. Правда, непонятно, кто из них был капитан, тот что пониже или тот высокий?

На обоих – одинаковая чёрная капитанская форма с характерными погонами и нашивками на рукавах, чуть выше нагрудного кармана – поплавки об окончании высшего морского училища.

Однако высокий человек с сигаретой в тонких пальцах музыканта первым приковал к себе моё внимание. Он был худощав и чуть горбился, но чёрная капитанская короткая куртка с галунами капитана дальнего плавания смотрелась на нём весьма элегантно. На вид ему было за пятьдесят. Но самым выразительным было его лицо. Желтоватое, цвета усталости, с красивым спокойным, но выразительным профилем, светло-серые, глубоко сидящие глаза под кустистыми бровями. Смотрели спокойно, но внимательно. Светлые волосы, тронутые сединой. Красивая русая борода, как у старого Скандинавского шкипера, красивого рисунка сжатые нитевидные губы, это был тип ллойдовского капитана, этакого морского волка, который классической трубке с кубинским табаком предпочёл болгарские сигареты с фильтром. Такое лицо я бы хотел нарисовать.

– А вот и наш художник, уважаемый, Игорь Александрович. Он из Питера ... Знакомьтесь.

– Наслышан... Наслышан... – отозвался тот, что пониже ростом.

Такое представление меня без отрыва от работы несколько не смутило меня, скорее наоборот.

– Как вы устроились, удобно ли вам? Будут ли какие пожелания?

– Спасибо... Очень удобно... Я даже успел принять штормовое крещение...

– Да сегодня ночью нас покачало... Невозмутимое лицо говорящего, которого я принял за капитана, тронула лёгкая полуулыбка. – Игорь Александрович! Я прошу вас чувствовать себя запросто в нашей кают-компании... И, если что-то понадобится, обращаться прямо ко мне, а ещё прошу вас разделить с нами флотский завтрак, обед и вечерний чай...

– Спасибо... Обязательно... Конечно...

– А сейчас вас проведут туда и накромят нашим флотским завтраком... я знаю, что вы ещё не ели... Это не порядок...

– Ещё раз спасибо вам, мне хотелось бы познакомиться с кораблём, я, знаете, впервые на таком серьёзном судне...

– Обязательно познакомьтесь. Если понадобится, я дам вам гида штурмана Широких.

– Спасибо ... Я немного постою в рубке...

– Конечно... Сколько угодно...

Высокий «ллойдовский» капитан улыбнулся мне доброй улыбкой... Его светлые глаза смотрели мягко и дружески. Забегая вперёд скажу, что с этим высоким капита-

ном, столь похожим на моего дядю – яхтсмена и одновременно на «морского волка», к концу рейса мы хорошо подружимся, хотя он и старше меня вдвое; капитан пригласит меня в свою квартиру в центре Архангельска, а однажды, будучи в Ленинграде с инспекторской командировкой, он позвонит мне, и я увижу его на своей чёрной лестнице с бутылкой сухого вина, и мы просидим битый час, вспоминая тот наш каботажный рейс...

Так начались мои корабельные будни художника. Я с высокой степенью любопытства принялся за осмотр и изучение этой плавучей махины, проникая во все её хитрые закоулки и отсеки, начав с машинного отделения. Это помогло мне найти интересные сюжеты для своих рисунков... Все, решительно все, кого я не встречал, шли мне навстречу, охотно, без отрыва от своих обязанностей, отвечая на мои, подчас, наивные вопросы. Каждый из моряков готов был мне позировать, без каких-либо оговорок – такая дружеская тёплая атмосфера воодушевляла меня на труды, и я работал с азартом, не чувствуя усталости. Штурман Широких на мой вопрос, что эта за колоритная личность была в рулевой рубке, когда меня познакомили с капитаном судна, чуть понизив голос с таинственным флёром, как некую тайну поведал мне, что это большая шишка из пароходства – капитан-наставник и морской инспектор – Виктор Ефимович Бугров...

А между тем, наш сухогруз «Полоцк» уверенно шёл на восток, оставляя за собой сотни морских миль. И в его чреве мерно стучал могучий дизель, а у меня в груди также наполненно и ритмично билось моё сердце, всякий раз разгоняясь и, сбиваясь с привычного ритма, когда я видел справа по борту, с подветренной стороны, таинственные берега полуострова Канин нос или скалистые утёсы острова Колгуев или, когда вдали, в десяти милях южнее, проплывали в сиреновом мареве вечеряющего дня, пустынные и дикие берега большеземельской тундры и широкого устья великой северной реки Печоры, одной из трёх больших рек Архангельской области. Часть дня я обязательно проводил на палубе, любясь игрой полутонов и неповторимых и переливающихся красок целующихся полярного моря и северного неба...

Эти нежные, а иногда напряжённо – трагические переливы и перетекания так часто трансформировались, меняясь местами, что зафиксировать их не было никакой возможности, тогда не было цветных фотоаппаратов, и мне приходилось уже по памяти воскрешать это на бумаге в своей каюте.

Поэтому я часами, как замороженный, не в силах оторваться, следил за этими колдовскими играми могучей северной природы.

К концу вторых суток нашего плавания мы подошли к архипелагу Новая Земля, но на подходе к проливу Карские ворота, были замечены большие поля пакового льда, принесённые сюда северным ветрами и приливными течениями.

Это встревожило нашего капитана. Что делать? Как их обойти? Рассматривался даже вариант обхода архипелага с севера, мимо мыса Желания. Но к счастью, в нужный момент, ветер подул на север, заставив лёд дрейфовать вслед за собой. Путь был расчищен и по большой воде, мы благополучно прошли проливом Карские Ворота и вошли в Карское море. Так вот ты какая, Новая Земля!

Сколько раз в Питере, я со сладким обмиранием сердца, произносил это название, вонзившись в очередную книгу о плаваниях по Северному морскому пути!

Новая Земля!.. Я всегда искал в этом имени особый сакральный смысл... Я почему-то всегда мечтал о Той Новой земле, которая, однажды, откроется мне посреди ледяных полей раннего разочарования и преждевременной скорби и наново обновит моё миропонимание и заставит на каком-то новом небывалом уровне принять и возлюбить этот туманный мир и себя в

нём... Отыскать тот сокровенный смысл моего явления и присутствия в этом противоречивом, ярком, желанном, но иногда, чудовищно страшном мире. Мире очищающей любви и беспросветного ужаса смерти...

Новая Земля... Возьми меня к себе, дай мне новых сил для любви... Открой во мне лучшее и могучее, с чем Господь, отправил меня в эту жизнь... Избавь от уныния и раннего разочарования. Помогите мне разобраться с собой и подари мне Надежду на встречу с неожиданным, единственным, необыкновенным...

Но передо мной медленно проплывали угрюмые и высокие скалистые берега, обложенные таящимися в их каменных складках – морщинах, ледяными языками... Мы осторожно прошли узкий и туманный пролив «Карские ворота» ворота и вошли в студёное Карское море, одно из самых холодных в России (летом температура – 0 градусов). Карское море – по-ненецки – «харе» – «торосистый лёд», очень коварное для мореплавания море. Холодные туманы и штормы – частая и привычная картина этой части Севморпути. Очень много мелких островов и резких перепадов глубин, что также является реальной опасностью для судоходства. Рано замерзает и практически весь год сковано льдом.

Но мне это всё было внове, и я с энтузиазмом первопроходца открывал для себя эти невероятно притягательные места в этой самой северной части Евразии.

Думаю, пинежанину Леонтию Шубину, в 1601 году, пустившемуся в рискованное путешествие в манящую торговую Мангазею, было куда труднее и опасней.

Нам повезло, по относительно тихой воде, мы обогнули полуостров Ямал, где-то в тумане остались его унылые тундровые берега, обский залив, устье великой сибирской реки Обь... Ещё ранее в ледяном тумане спрятались холодные лунные горы заполярного Урала...

А я поневоле включаю память... Сколько связано с этими местами... Ещё второкурсниками

Академии художеств, в короткие зимние каникулы, в суровом январе 1968 года, мы с моим другом Рыкой, оформляли в этих угрюмых местах, в Салехарде и Лабытнангах, небольшой посёлок геодезистов. Тогда это была разведка и поиски первых в этом далёком и малодоступном северном прибрежном районе Евразии месторождений газа. Пресловутого «Газпрома» с его Миллером ещё не было и в помине, а были первые геодезисты-геологи, ненцы-самоеды, зэки и

такие сумасшедшие, как мы с Сашкой...

Это ведь нам предназначался грозный окрик часового на вышке зоны, когда мы случайно подошли к ней ближе допустимого: «Мать Вашу, щас всажу вам девять грамм промеж лопаток»... Да... Такое не забывается...

Замёрзший на палубе, я спустился в трюм, чтобы согреться в своей каюте и только прилёг, как ко мне постучались. Штурман Широких, таинственно улыбаясь, сказал, что ему приказали привести меня в каюту капитана-наставника. Причём немедленно... Подойдя поближе, он негромко, как если бы нас подслушивали, заговорщицки произнёс: Чем это ты ему так понравился? Повезло Вам... Сам... Пригласил... Круто...

Что тут скажешь... Пришлось привести себя в порядок и, взяв на всякий случай, папку с бумагой и карандаши, отправится вслед за штурманом, наверх, в корабельные апартаменты высокого морского начальства...

Оставив штурмана за дверью, я вошёл в большую, хорошо освещённую каюту, условного класса «люкс». Уже знакомый мне капитан-наставник поднялся ко мне из-за хорошо сервированного стола, на котором, я это заметил, было много чего вкусного.

– Ну, здравствуйте, Игорь Александрович! Хотел с вами познакомиться!

– Меня зовут Виктор Ефимович!

– Очень приятно... Игорь Александрович.

– Прошу к столу... Я обратил внимание,

что капитан-наставник был слегка, а может и не очень, под шафе.

На столе стояла початая бутылка армянского коньяка, блюдце с нарезанным лимоном, шоколад и всевозможные закуски, в которых я не разбираюсь,

Я был перманентно голоден, порядком остыл, стоя на палубе и поэтому всё это вызвало во мне взрывной приступ аппетита. Мне реально хотелось выпить, чтобы согреться и быть в разговорной форме.

Виктор Ефимович, уверенно, по-хозяйски, налил две полные рюмки коньяка.

– За знакомство! Мы оба с удовольствием осушили их... Удовлетворённо выдохнув, мы с интересом посмотрели друг на друга.

– Как там ваш Питер? Давно там не бывал... Всё чаще в Прибалтике последнее время...

– Живёт себе, может быть, чуть лучше, чем в других местах, может, в том же Архангельске...

– Красивый город... Учился я там...

– А вы из Архангельска?

Так, слово за слово, перемежая это небольшими дозами коньяка, я многое узнал о моём собеседнике. Вопросы мои нарастали по мере выпитого.

Капитан-наставник рассказал мне о своей жизни, большая часть которой была связана с морем, и чаще с дальними плаваниями это последнее особенно меня заинтересовало, наверное, во мне, ожил в это время, когда-то несостоявшийся моряк и неисправимый мечтатель.

Виктор Ефимович довольно интересно поведал мне о своих плаваниях в качестве капитана, в северном и южном полушариях, о портовых городах Германии, Голландии, Франции, Англии... Киль... Марсель... Гибралтар... Ливерпуль... Копенгаген... Саутгемптон... Я слушал его, а в моих ушах звучала давно забытая мелодия некогда прерванной мечты и, забыв обо всём, я слышал лишь долетавшие из далёкого детства мучительно-сладкие аккорды.

Я рассказал Виктору Ефимовичу о своей нереализованной детской мечте стать моряком, о своём знаменитом дяде-моряке, о своих сухопутных странствиях, о давно вспыхнувшей любви к Северу и к северной тематике, об учёбе в Академии Художеств... о том, как мне хотелось попасть на такое большое судно и пройти северным морским путём...

Виктор Ефимович, я это чувствовал, слушал меня с неподдельным и живым интересом и участием, с блестящими глазами и улыбкой на лице, возможно, я тоже задел в его душе какие-то тайные струны... Не скрою, мне льстило внимание ко мне такого

серьёзного и авторитетного капитана. Настоящего морского волка... Прощаясь, мы договорились видеться, а я обещал нарисовать его портрет.

Однажды, я находился в радиорубке, где рисовал радиста, когда неожиданно раздались крики:

– Медведи... Смотрите, медведи... Вон... Вон плывёт!

Кто был поблизости, привалились к борту. Действительно, примерно в полумиле от нас, мы увидели голову плывущего белого мишки, другой мишка стоял на белой плывущей льдине. У кого-то оказался в руках бинокль. Я попросил дать мне посмотреть, и я хорошо, во всех подробностях разглядел, как один мишка, высоко задрал голову, с наслаждением плавает возле льдины... А потом с лёгкостью вскакивает на неё и, подойдя к другому и обнюхав его, падает на спину, переваливаясь из стороны в сторону и словно заигрывая с ним.

Работа моя подвигалась споро, я нарисовал около двух десятков сложных композиционных и портретных рисунков и несколько пейзажей акварелью. Войдя в творческий раж, я находил всё новые и новые сюжеты для своих композиций. Я выискивал интересные типажи и без долгих упрасиваний они позировали мне с видимым удовольствием. Так я нарисовал почти всю команду корабля от капитана-наставника и штурманов до курсанта АМШи. Между тем мы приближались к Диксону, до Дудинки оставалось не так уж много... До Дудинки оставалось не так уж далеко... да нет же, конечно далеко. От Диксона до Дудинки – 685 км, а в милях и вовсе за тыщу... Но это ни о чём не говорит тому, кто там не был. Это вам не Соловецкие острова с известным монастырём. Там, ребята сурово...

Я пришёл туда морем из Архангельска, переход занял четыре дня. Последние двое суток были непростыми, ледяные поля в Карском море, до Диксона пришлось с умом прокладывать курс... Ну, вот наконец ворота Енисейского залива, острова Сибиряков и Диксон. Откуда такое нерусское название этого самого северного посёлка в русском Заполярье? Это фамилия шведского купца, снарядившего экспедицию Норденшельда. Побывал в этих местах и Нансен. Остров имеет стратегическое значение как база обеспечения Севморпути. А вообще, кто здесь только не побывал. Для меня было открытием, что даже в годы ВОВ здесь хозяйничал и творил, что хотел, германский флот. Трудно себе представить, но это так! С 1942 по 1944 год здесь бесчинствовали 15 немецких подводных лодок. Пусть историки подсчитывают

ущерб, который они нанесли нашей стране в Заполярье и в особенности в Карском море. А один рейд германского тяжёлого крейсера «Адмирал Шеер» в Карское море чего стоит! Бомбардировка Диксона, уничтожение ледокольного парохода «Сибиряков» и повреждение нескольких кораблей. Всё это трагические эпизоды войны в Заполярье, сотни погибших и утонувших наших людей...

Но вернёмся к моим воспоминаниям о моём рейде. Огромный и суровый Енисейский залив Карского моря образован впадающим в него батюшкой Енисеем, с его огромным и разветвлённым руслом. Берега унылы, это – царица тундра, таймырская и всякая другая, населённая мелкими, вымирающими этносами: ненцами, энцами, долганами, нганасанами. Это древние охотники рыболовы, оленеводы, жить в этих краях значит в прямом смысле выживать, а значит в борьбе за пищу убивать, убивать, убивать, всё что бежит, плавают, летает... Но такова участь этих народов – народов Крайнего севера...

Ночью, покуда я спал мёртвым сном, мы прошли оставшийся немалый путь по широкому и полноводному Енисею и к полудню следующего дня пришвартовались в порту Дудинки, конечному пункту нашего каботажного рейса.

Это были первые дни сентября 1973 года. Преддверие долгой полярной зимы.

Город Дудинка полвека назад был очень невзрачным местом, оторванным от Большой земли. Но тем не менее она является столицей Таймыра, огромной малонаселённой территории крайнего севера, центром долганско-ненецкого нацокруга. Климат суровый субарктический. Основана на реке Дудинке, при впадении в Енисей в 1667 году русскими землепроходцами. В 18 веке здесь зимовали участники Великой Северной экспедиции – Харитон Лаптев, Семён Челюскин, Фёдор Минин. Какие имена!

Летом 1906 года здесь жил Бегичев, участник экспедиции Толля, погибшего, но так и не нашедшего таинственную землю Санникова...

Вот сюда в самый северный в мире морской международный порт и пришвартовался наш сухогруз – контейнеровоз «Полоцк», на полмесяца ставший моим плавучим домом. Два дня было отведено на разгрузочно-погрузочные работы. Экскурсию для команды в Норильск в тот раз отменили; это лишило меня возможности побывать в это индустриальном монстре, но я не особенно был расстроен. Зато мне поручили ответственную работу, своего рода заказ пароходства – нарисовать на форштевне нашего огромного

судна эмблему Северного морского пароходства, СМП. Для этого был спущен штормтрап, с двумя ведрами польской эмали, белой и чёрной, мне были вручены кисти, и я должен был на высоте пятиэтажного дома продемонстрировать своё ремесло графика и художника-оформителя. И вот, привязанный страховочным ремнём, чтобы не свалиться в Енисей с такой высоты, я залез, на эту небольшую площадку и, раскачиваясь вместе с ней, выводил огромные буквы этой аббревиатуры.

Весёленькое занятие, доложу вам... Но справился!..

Теперь воды Арктики, бороздит корабль, с нарисованным мной вензелем, на своём могучем стальном носу!

Я успел сделать прямо с палубы несколько акварелей ночного порта, представлявшего довольно красивое феерическое зрелище. Три дня пролетели быстро. Наши контейнеры с грузом северного завоза, оказались на берегу, а в бункера сухогруза, были засыпаны не то уголь, не то руда...

Кое-кому из членов экипажа удалось и порыбачить прямо с борта судна.

Мой знакомый капитан – наставник Бугров в синем спортивном костюме, видимо приняв на грудь, невзирая на холодный пронзительный ветер, со спиннингом в руке появился на палубе в сопровождении двух штурманов, чтобы сделать несколько забросов наудачу прямо с борта. Уж не знаю, удалось ли ему что-то поймать, но я видел, как какое-то время спустя, на судно подняли несколько ящиков с только что выловленными небольшими осетрами, так что наше меню на обратном пути будет весьма колоритным.

Мы отчалили от причала Дудинки 5 сентября 1973 года, где-то около полудня по местному времени. Огромная туша гружённого рудой, сухогруза эффектно разворачивалась вокруг своей оси посреди широченного и ершистого Енисея и ложилась на обратный курс.

Последний раз, прежде чем скрыться в обжитом и ставшим мне родным нутре корабля, я с полчаса стоял на палубе, содрогаемый холодным полярным ветром, полыхающим над огромной сибирской рекой и мысленно переносился в Красноярск и Абакан, где у истоков этой могучей реки мне довелось побывать прежде, и где ещё будет суждено побывать в будущем... Кстати, на берегах этой космически-неохватной реки, родился и умер мой любимый писатель Виктор Астафьев... Тяжело гружённый «Полоцк» вторые сутки рассекал тяжёлые волны Карского моря. Погода была скверной. Северный, дующий с полюса ветер подымал тяжёлую штормовую

волну до пятибалльного уровня, раскачивая огромное судно. На палубе невозможно было находиться.

Я стоял в ходовой рубке, недалеко от капитана и видел, как хмурилось его обычно невозмутимое лицо. Рядом стоял капитан Бугров с сигаретой в своих тонких пальцах, и его серые глаза часто шурились, всматриваясь в мутный, туманный горизонт... На входе в Карские ворота стало чуть поспокойнее, и, слава Богу и капитану, мы благополучно прошли их. Справа в ледяном тумане прятался далёкий южный берег Новой Земли.

В Баренцевом море стало поспокойней, будто сам Господь внял нашим тайным невысказанным молитвам.

Проходя мимо устья Печоры, на траверзе Амдермы, вспомнил почему-то Евтушенко... С его пошловатой балладой о выпивке. Он и здесь отметил по молодости на кровавой зверобойке. И гордиться тут нечем:

«Мы сто белух уже забили...

Мы шли по Амдерме, как боги...»

Смешно и грустно... И горько, когда кровавым делом ещё и гордятся. В стихах...

Я стал готовиться к устройству выставки своих, созданных за это время, работ. Мне предложили для этой цели помещение кают-компания. Как мог, с помощью, одного проштрафившегося штурмана (допустил опасное сближение судов) которого я рисовал, я расставил две дюжины своих работ по периметру довольно большого, вполне подходящего и уютного, помещения, используя для этого всякую возможность. В итоге получилось даже неплохо. Я впервые увидел всё сделанное мною за эти две недели плавания и честно говоря, остался доволен собой, а ещё и потому, что сдержал слово, данное партоту Пароходства. Дело осталось за моряками – как они воспримут всё это, что скажут... Волнение конечно, было, куда же без него... Но вышло всё лучше, чем я думал. В назначенный час в кают-компанию собрался почти весь свободный от вахты, экипаж. В основном молодёжь, но были и ветераны. Пришли капитан корабля, старпом и другие офицеры. Пришёл и сам, капитан-наставник СМП, всеми уважаемый, Виктор Ефимович Бугров.

Именно он представил меня от лица Северного морского пароходства и после небольшого вступления предоставил мне слово. Я был молод и язык у меня был всегда подвешен, но здесь я говорил о дорогом, сокровенном для меня деле. О живописи и рисовании. Почему это стало моей страстью. Я кратко рассказал свою, ещё такую короткую биографию, вобравшую в себя много творческих поездок, рассказал о моей

прошлогодней добровольной командировке в Койду, а ранее в Мезень... О том, почему мне так нравится Русский Север... Много о чём я говорил тогда с притихшими моряками, никто не решился меня перебивать, но когда я закончил свою долгую и взволнованную речь, мои деликатные слушатели и зрители стали засыпать меня вопросами, иногда смешными, но искренними, иногда серьёзными, и я старался ответить на каждый. Полтора-два часа пролетели, словно одно счастливое мгновение. Я был в ударе – всё, что накопилось за эти долгие и волнительные дни, выплеснулось из меня счастливым освобождением от каких-то важных обязательств перед самим собой, которые удалось выполнить, и в первую очередь раздвинуть, расширить свои представления о моём Севере, о моряках, об особом духе, витающем в этих в, прямом и переносном, смыслах высоких широтах, тяготеющих к этой сакральной точке земли, куда стекалось всё самое мужественное и бесстрашное, живущее в человеке.

Теперь, крестившись этим духом, я имел все основания сказать себе: и «ЭТО МОЙ РУССКИЙ СЕВЕР» Я прожил его в своей душе, растворил в ней его морскую соль, его боль, его нищету и его величие.

И это сакральное: «Я там был!» будет означать отныне и впредь вечное присутствие этой гордой силы в моём благодарном сердце.

...Прошло полвека с тех пор, как я оста-

вил эти места. Много изменилось во мне и в Родине... И меня и её качало по-полной, подчас бортовой качкой выворачивало все внутренности, не говоря о душе. Я мечтал, влюблялся, разочаровывался... Попытка в этом жизненном шквале зацепиться якорем своего сердца за уходящую из-под ног землю. Ту землю, которую я считал своей, родной, кровной, но с известных пор, неизвестно кому принадлежащей... Пришли иные времена. Времена жадных людей, жадных от бессилия, от собственной нищеты, от всеобщего оскопляющего убожества... Не северных людей...

Убедившись в этом, я ушёл в себя, заперся в своей каюте и выбросил билет на этот сомнительный ковчег, несущий нас в грозные ворота смутного будущего...

Сейчас вот всех накрыло шальной десятибалльной волной коронавируса и, судя по всеобщей панике на этом ковчеге, кончится всё очень плохо...

А может всё-таки хорошо?... Может, не потонем, спасёмся, выплывем, доберёмся до спасительного берега! А там... А там – заживём по-новому, по хорошо забытому старому... По-человечески здоровой и уважающей себя жизнью?..

Ответь мне, мой Север! Ты никогда не лгал мне...

После моего выступления в кают-компании мой друг, капитан-наставник пригласил меня в свою каюту:

– Ну, Игорь Александрович, ну молодец,

ну орёл! Потряс... Потряс... наших морячков, – это было первое, что я услышал. – Каков молодец! Вот это по-питерски, вот это по-нашему!..

Виктор Ефимович, буравя меня своими глубоко посаженными улыбочивыми голубыми глазами, со страстью тряс мою руку.

– Ну садись... Остынь... Давай-ка отметим твой успех... Это настоящее событие. Для нас всех... Такого на моём веку ещё не было...

Виктор Ефимович пододвинул мне стул и стал открывать бутылку шампанского. Придя в себя, я обзрел большой стол. На нём было много чего вкусного. Капитан подошёл к телефону внутренней связи, и я слышал, как он кому-то сказал:

– Зина, приноси!

Подойдя ко мне с двумя бокалами шампанского и вручив один из них мне, он коротко произнёс:

– За Вас, Игорь Александрович! И за Ваш успех!

По правде говоря, я ещё не мог прийти в себя, думая не слишком ли я переусердствовал, не перегнул ли палку, не выглядел ли, не дай Бог, самоуверенным гордецом?.. Не унизил ли таким самовосхвалением этих крепких и бывалых морячков? Не смешным ли выглядел в их глазах?..

Я прямо спросил об этом капитана Бугрова... Он подошёл ко мне, по-отечески обнял меня за плечи и, посмотрев мне в глаза серьёзно, произнёс: «Я же сказал это по-нашему, по-северному, народ у нас понятливый и не глупый. Ты сам видел, как они благодарны тебе. Для них это праздник! Такое они запомнят на всю жизнь и детям своим расскажут!..»

Он подошёл к столу и спросил:

– Давай-ка коньячку? Сейчас принесут осетрину!

В это время в дверь постучались, и в каюту вошла наша официантка, белокурая и пышнотелая Зина, в белом кружевном фартучке и белом накрахмаленном кокошнике. В руках она держала поднос с, как оказалось, горячими расстегаями с запечённой енисейской осетриной. Она поставила поднос на стол и, посмотрев на Бугрова, спросила: «Что-нибудь ещё, Виктор Ефимович?». Капитан улыбнулся; «Посиди с нами, Зина... Вот, познакомься: Игорь Александрович, художник из Ленинграда... Сегодня он потряс нас своей выставкой! Выпей с нами». И он налил Зине рюмку коньяку. Зина смерила меня цепким взглядом бывалой женщины и, мило улыбнувшись, и поднеся рюмку к крашенным губам, произнесла: «Поздрав-

ляю!» – и разом схлопнула её. Мы просидели целый час, беседуя на разные темы, и воспользовавшись случаем, я решил задать ему один мучающий меня вопрос...

Мне очень хотелось спросить Бугрова о том, что давно волновало меня и не давало покоя, с тех пор, как я посетил Койду, как он, как архангелогородец, и потомственный моряк, относится к кровавому промыслу поморов, веками жестоко убивающих в горле Белого моря беззащитных детёнышей гренландского тюленя – бельков? Я рассказал ему, о том, что услышал об этом в Койде, и с тех пор не могу не думать об этом спокойно.

Виктор Ефимович отставил рюмку и, посмотрев на меня серьёзно, перевёл взгляд в иллюминатор, словно хотел высмотреть там что-то. Лицо его посуровело, выдержав паузу, словно собираясь с духом, он, чуть изменившимся голосом произнёс:

– Если серьёзно, я отношусь к этому как убийству человека, а как можно отнестись к убийству человека? И считаю, что этот пережиток дедовских времён, не может быть оправдан никакими аргументами. Это несмыслимый позор на всех нас и его должны были давно запретить...

Я был очень признателен этому уважаемому мной человеку, за честный и прямой ответ.

Услышанное полностью совпадало с моим отношением к человекоубийству, и я так же, как и он считал, что здесь не может быть двух мнений. Человек, даже очень голодный, убивающий других живых существ опасен, этого человека стоит опасаться, ибо он, убив в себе человека, смертельно опасен и для других людей. Я знал от матери, как люди вели себя в годы блокады, да был и каннибализм, но были и те, кто последние крохи отдавали друзьям нашим меньшим.

Но сейчас не блокада, и кормить себя чужой чей-то другой жизни хуже каннибализма. Это вопрос этический и, не решив его для себя, нельзя считать себя человеком.

Я поздно вернулся в свою каюту, и, уставший от волнений этого непростого дня, мгновенно уснул... Проснулся с ощутимым облегчением. Лежал с полчаса, закинув руки за голову и всем телом чувствуя лёгкую вибрацию огромного судна, представляя, как подо мной, и его днищем завихряется солёная беломорская вода, огромные тонны воды, держащие наш корабль, как на ладони...

Встал, умылся. Сел на койку и представил себе наше возвращение. Подумал о том, что за этот рейс я так породнился с кораблём, почти, как с отчим домом, где всё

до боли знакомо с детства.

Каким же будет прощанье? Представил, как моряк навеки прощается со своим судом... Вспомнил как я простился со своим первым «Москвичом», на котором проездил 20 лет, это сложно объяснить, кто это не пережил.

Мысли мои унеслись в далёкий Питер. Вспомнилось, с каким холодным ожесточением жены сопровождался мой отъезд в Архангельск и уход в рейс....

Ранняя бесшабашная моя женитьба сразу дала трещину. Рождение ребёнка не сблизило, а ещё больше разъединило нас. Единственная офицерская дочь, выросшая в военных городках, в меру избалованная, окончившая библиотечный Ликбез, как называют в Питере институт культуры, она без раздумий выскочила за меня, только окончившего Академию. После шумной свадьбы и рождения ребёнка выяснилось, что ничего более противоестественного, чем наш брак, трудно себе представить, диапазон интересов обоих был настолько разителен, что сразу стало ясно, что я попал... К тому же очень быстро мне стало понятно, что я интересовал её более всего в качестве добытчика, а отнюдь не художника... И то сказать, у меня на счету на момент развода было около 7 тысяч рублей, заработанных до неё в моих оформительских поездках по стране.

Дело шло к скорому разводу, и это было только вопросом времени... Естественно всё это угнетало меня... Уже на судно она прислала мне две телеграммы весьма недвусмысленного содержания, где главным был упрек в том, что я живу, как хочу...

В каюту постучался Дан, сообщив, что погода тихая и солнечная, что входим в горло Белого моря, скоро будет остров Моржовец. Мне захотелось на палубу, увидеть этот остров и может быть Койдинский берег.

Море действительно было тишайшим, на его зеркальной поверхности ослепительно играло скупое сентябрьское солнце. Мне даже показалось, что это Финский залив в тихое июльское утро. Неужели и на Севере бывает такая тихая погода? Вспомнилось, как меня травило в этом месте полмесяца назад, когда мы попали в шторм. Вскоре появился маяк на острове Моржовец, а потом и его высокие песчаные берега. Этот овалный остров называют убежищем поморов, его удачное расположение в горле Белого моря спасло не одну жизнь во время осенних штормов. Правда поблизости от него от тех же жестоких человеческих

рук погибло огромное количество моржей и их незащитных детёнышей.

Как ни упрекали и ни будут упрекать меня впоследствии поборники такого жестокого живодёрного убийства незащитной жизни, ссылаясь на, якобы, «традиции» и невозможность насельникам этих берегов – поморов заняться ничем иным, кроме этого варварства, моё сердце никогда не смирится с этим массовым убийством животных. Поэтому я смотрел на Койдинский берег с борта нашего судна с содроганием и думал о безысходности этого тяжёлого места, о том, что у него скорее всего не будет никакого будущего, кроме этих мрачных «традиций», на которые они ссылаются, и будущее, едва ли даст им шанс переменить и научиться жить иначе. Ведь как я уже говорил – убивая других, убиваешь себя. А если так, что остаётся от человека?... Труха... И как следствие – пьянство, откат населения и медленное и неизбежное угасание...

По тихой воде мы шли хорошим ходом к недалёкому Архангельску. Впечатления пережитого плотно спрессовывались у меня в душе, и я знал, что, когда-нибудь они заговорят во мне на том единственном наречии, на котором я общался со всем, что обрушилось на меня в эти долгие и неповторимые 15 суток. Мысленно я подводил итог моему предприятию. Слов нет – я возвращался в Архангельск совсем другим человеком. Увиденное собственными глазами, услышанное собственными ушами, эмоционально пережитое в своей собственной душе, осмысленное собственными мозгами и, наконец, запечатлённое собственными руками на бумаге – всё это составило неопценимый и долгосрочный задел на долгие годы вперёд. Подобного по синтезу всего перечисленного ещё никогда не было в моей жизни и скорее всего уже не будет... Я понимал и другое, что за всё это, я скорее всего, заплачу крушением моего первого официального брака, и может никогда не увижу своего сына, что и произошло в дальнейшем. Да, всё сложилось так, как сложилось и моя первая неудачная семейная жизнь по факту была принесена в жертву моей свободе.

Мы приближались к Архангельску. В последний раз я обошёл весь корабль, побывал, в машинном отделении, в кают-компани, попрощался с теми, кого рисовал и с кем успел подружиться. Поднялся в судовую рубку, постоял в ней минут двадцать, увидев в иллюминаторы, портовые

краны приближающейся Соломбалы... Ну что, други мои, будем заканчивать с этим фрагментом моей биографии? Или продолжим?..

Сегодня великая страстная суббота. 17 апреля 2020 года. Самый тяжёлый день для всего христианского мира. Погребение Христово, канун великого торжества – его великого воскресения. Я заперт в своей Сестрорецкой каюте, связанный нашим и заслуженным наказанием Господним – разящей всех пандемией коронавируса. У дверей храма стоят стражники и не пускают таких ветеранов, как я, приложиться к плащанице. Поэтому буду переживать это событие в одиночку, читая Иоанна Златоуста...

Прошло 50 лет, после описываемых событий моей биографии. Если точнее – 47. Но под углом вечности, это даже не миг, ничтожная молекула Времени, да и что такое время, несущее нас холодным лабрадорским течением неведомо куда.

Давайте наберёмся мужества и посмотрим на всё с капитанского мостика Неминуемой смерти и грядущего воскресения и поймём, наконец, цену нашей земной суетливости. Я о том, можем ли мы так обустроить наш земной корабль и себя в нём, чтобы не было «мучительно больно» перед своей совестью, то бишь присутствием Бога в нас, и чтобы достойно уйти в небытие, и возможно когда-нибудь воскреснуть, подобно Господу нашему Иисусу Христу?..

Я понимаю, у каждого свой катехизис, каждый из смертных живёт своим своеволием, своей жалкой секундой, взирая на неё свысока, а то и вовсе не задумываясь, но вот наступает момент – истины (а хотя бы и эта пандемия), и земная ось наклоняется, изменяет угол и всё начинает видиться по-другому – страшнее и правдивее... Возможно, так посмотрел на всё происходящее вокруг капитан «Титаника», последним сойдя с своего поста и без ропота, как и подобает истинному моряку, приняв заслуженную и неизбежную СМЕРТЬ... Так склоним же свои выи перед этим молчаливым подвигом и задумаемся о преходящем...

К чему бы это я? О чём?.. А вот ни о чём, просто, чтобы вы, дорогой читатель, кто будет читать меня, включили свет и узнали бы себя в своём подземелье...

...Огромный сухогруз «Полоцк» вошёл в устье Северной Двины и, сделав красивейший (!) поворот на 90 градусов, на траверзе Маймаксы, осторожно и качественно пришвартовался в угольном порту Соломбалы. До сих пор у меня перед глазами стоит этот краси-

вейший разворот... Вот если бы люди, были способны совершать такой манёвр – видеоизменяться, чтобы узнать себя или посмотреть назад, чтоб посмотреть вперёд...

Ещё вчера, когда мы отмечали мой успех, в каюте капитана-наставника, договорились встретиться после рейса у него дома, и когда я в очередной раз попрощавшись со всеми, кого знал и успел полюбить, стал спускаться по трапу, покидая навсегда родной мне «Полоцк», Виктор Ефимович и штурман Широких уже ждали меня внизу. Штурман услужливо подхватил мой рюкзак, я же нёс тяжёлую папку со своими рисунками.

Вспомнив о своём фотоаппарате, я попросил штурмана сфотографировать нас с капитаном на память на фоне судна, где мы подружились. Эту фотографию почти полувековой давности, я обязательно приобщу к этой странице своих воспоминаний.

Покидая территорию порта, я ещё раз, оглянувшись, посмотрел на наш корабль... На его форштевне чётко читался нарисованный мной символ. Прощай мой Калипсо, дай Бог, тебе всегда долгого и удачного плаванья!.. Помни обо мне... И я буду помнить тебя всегда!..

Перейдя мост через Кузнечиху, мы, наконец, вышли в город. Это конечно особое, чуть незнакомое и странное чувство, вновь почувствовать себя городским жителем, почувствовать под отвыкшими ногами незнакомую и благонадёжную твердь...

Направляясь в центр Архангельска к дому Бугрова, мы шли по набережной Двины, и проходя мимо памятника Петру Первому, я вспомнил, как стоял полмесяца назад невдалеке от него и думал о том, удастся ли осуществить то, что я задумал – попасть на судно, чтобы выйти на нём в море... неужели это было со мной и это я иду сейчас рядом с двумя бывальными моряками и в нас ещё не началась медленный беломорский отлив. Я спросил Бугрова, каким был его первый выход в море. И чем он запомнился ему. Бывалый капитан остановился, посмотрел на широкую серебрящуюся Двину, лицо его стало задумчивым, мне показалось, что морщины возле глаз, на его красивом эффектном лице, слегка разгладились...

– Такое не забывается... в 1950 году, я закончил Архангельскую мореходку, мне было тогда 22 года, и я штурманом первый раз сходил на Новую землю, на старом ледокольном пароходе «Иосиф Сталин». Это был октябрь, и мы тогда с трудом пробивались к мысу Желания... Всё было, и приличный шторм у Колгуева и сплошной лёд на подходе к Новой Земле. Как штурману пришлось проявить всё своё умение, но это была настоящая школа, ведь капитаном был герой ВОВ, знаменитый

капитан Воронин Владимир Иванович... Кстати, похоронен у вас в Питере на Шуваловском кладбище...

Незаметно мы дошли до дома Виктора Ефимовича на главном проспекте Архангельска. Попрощавшись, и крепко пожав руку штурману Широких, мы с кэпом вошли в подъезд старого трёхэтажного дома.

Квартира капитана была довольно просторной, при первом впечатлении, в чём-то смахивающая на холостяцкую, чисто, но как-то неуютно, как если бы не коснулась её заботливая и любящая женская рука. Супруга, по его словам, работала экскурсоводом, уехала на два дня на Соловки, но ему к этому не привыкать...

Мы решили отметить наше возвращение в родную гавань в привычном мужском формате. В руках у хозяина как-то сама собой появилась бутылка рома. Что-то из необходимого дополнения к выпивке нашлось в холодильнике. Но прежде, чем сесть за стол, Виктор Ефимович показал мне различные редкие и экзотические вещицы, привезённые им из, малодоступных, по тем временам, далёких стран, самой крупной из которых, была стереомагнитола известной голландской фирмы, недостижимая мечта многих меломанов в тогдашнем СССР, предшественница современных классных музыкальных центров. Поставленная кассета с какой-то спокойно-релаксирующей мелодией сразу внесла в наш скромный мужской праздник желанную загадочность и романтический настрой.

– Садись, Игорь... Бугров назвал меня на «ты», и мне стало приятно....

– Давай, дорогой... За наше возвращение... Мне показалось, что как-то невесело произнёс он эту фразу. С уставшими и грустными глазами...

– Так вдвоём, разговаривая обо всём, мы просидели часа два. Музыка давно погасла, а мы делились самым сокровенным и глубоко личным. Почему Бугров так доверился мне, что до такой степени открыл свою душу?

Я тоже был предельно откровенен: рассказал ему невесёлую историю своей опрометчивой женитьбы, поделился своими нехорошими предчувствиями... Я видел, что эта история ему знакома не понаслышке... Неужели мы оба не встретили тех единственных, способных понять и любить?.. Но у меня ещё был запас времени, а у него... Тяжёлая это история, тяжелей всякой крутой качки!..

Вспомнил он и Питер, годы учёбы в Макаровке... Свою молодость...

Мы осушили бутылку гавайского рома и почти опустошили холодильник, с его скудным запасом. В ход пошли даже яйца, из которых мы сварганили большую яичницу...

Уж и не помню, как я заснул на постеленном мне диване... Утром я проснулся от запаха крепко заваренного кофе. Виктор Ефимович был уже на ногах, хлопотал на кухне, готовя нам завтрак. Я знал, что в одиннадцать ему надо было быть в Пароходстве, поэтому я быстро привёл себя в порядок.

Кэп выглядел бодрым... За завтраком был в меру разговорчив и даже улыбался... Это порадовало меня и вселило уверенность, что всё преодолимо... Чтобы сделать ему приятное, я достал из папки рисунок Бугрова в профиль и подарил ему на память.

Оказывается, он узнал расписание авиарейсов до Питера и договорился с кем-то о билете для меня. Время до моего вылета ещё оставалось. Мы оба вышли из дома, прошли какое-то расстояние вместе... Мы расстались с ним на одном из перекрёстков... Каждый из нас спешил... Мы скупно по-мужски обнялись, договорившись поддерживать связь... Нелёгкое это было расставание для нас обоих...

Оставшись один, я прошёлся немного по набережной Двины, было отчего-то грустно, но надо было взять себя в руки и не расслабляться... Я остановил такси и через полчаса был в аэропорту.

Самолёт описал полукруг над городом, над серебристым изгибом широкой Двины, над Солломбалой, над крошечной точкой стоящего у причала угольного порта «Полоцком» и, плавно набирая высоту, взял курс на Ленинград...

Прошёл год, и однажды, в Питере, в начале лета, в телефонной трубке раздался голос Бугрова. Проездом через Питер в Вентспилс, он решил навестить меня... Надо ли говорить, как я был рад этому.

И вот, я вижу, стоя на площадке седьмого этажа, где расположена моя мастерская, как по моей чёрной лестнице подымается наверх, мой дорогой друг и наставник... Полярный капитан Бугров.

Поднявшись и выдохнув, он произносит сакраментальную фразу: – «Так вот они какие, старые петербургские дома...» Мы обнялись. В руках у него портфель, завернутая в бумагу бутылка сухого вина... Наш час пролетел в жарких воспоминаниях. Провожая его на своей лестничной площадке, я видел его в последний раз в жизни...

Жизнь закрутила, затянула меня в свою воронку, и наша связь прервалась...

Прошло без малого полвека, многое смыло океанской волной торопящейся жизни, но грозными утёсами Новой Земли остались стоять в моей памяти – мой Русский Север, пересекающий тяжёлые волны Карского моря сухогруз «Полоцк» и незабвенный капитан Бугров...

г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

Прародина человечества – Якутия

Так считал великий археолог Юрий Мочанов

Главная достопримечательность России (Якутии, Сибири, Азии, планеты Земля) несомненно и безусловно – урочище Диринг-Юрях («Глубокий ручей»), первая рабочая стоянка человечества. Сибирская колыбель землян. Пока не доказано – абсолютно, но – неопровержимо!

Много в нашей необъятной России достойных достопримечательных мест – но Диринг-Юрях главное из них.

Берега Великой сибирячки – реки Лены. Окрестности божественных Ленских Столбов.

Неописуемая, но чисто земная красота.

Где бы вы хотели родиться?

На земле с невнятным прошлым?

Вам: всё – равно?

Или: скажем, на прародине человечества, на первой земле – колыбели цивилизации?

Гордость – продукт непредсказуемого сердца.

Но если твоя родная земля, скажем, Сибирь – не просто рядовая территория, а прародина человечества – это и предмет истинной гордости, и стимулирующая эмоция. Жизнь на такой гордой родной земле, ясное дело, уютнее.

Понятно, тогда всё это выглядело иначе. Но Господь знал, что делал, когда выбирал место для прародины человечества: здесь всё было столь же величественно, впечатляюще выразительно. Любимое человечество могло появиться только в невероятно красивом месте планеты.

Как ни сился – трудно представить свою привычную планету фундаментально иной и, скажем, вечномерзлые земли, которые мы сегодня зовём Якутией – представить вечнозелёным цветущим

Эдемом. Как это было, скажем, всего каких-нибудь 2 «с хвостиком» миллиона лет назад. Но вот если представить: тогда всё понятно, и ясно как божий день. Тогда всё бесспорно и – никаких вопросов, а вот в южносрединной Африке – оледенение и полоса холода.

Человеку свойственно – глагол неважный, но другого не отыскалось – присваивать себе и пространство, и время. Мы же, не задумываясь, говорим: Моё время. Моя земля.

Мы не обязательно претендуем на время-пространство как частную собственность. Они – на всех современников, но непременно и – мои. Я – хозяин: и моего времени, и моей земли. Я плоть этого космоса.

Но лично я сделал открытие для себя, персональное открытие. Расширяющееся время. Расширяющееся пространство. Лично моё. Но это вовсе не: отведённые мне жизненные сроки и обозримые границы.

Ничего себе не присваивая, я могу себе их присвоить – пространство-время.

...Случилось это давненько, на, пожалуй, экваторе моей жизни, и – ну, понятно же – на золотом осеннем Алтае.

Хотя ничего не обещало...

Алтай. Денисова Пещера. Спрессованное время.

Прожив уже немало в этой жизни – как-то нечаянно в случайной тесноватой алтайской пещерке в распадке долины реки Сибирячиха, я пришёл к неожиданному для себя выводу. Вот этой безымянной пещере, в которой явно обитал древний примат, давний первочеловек – пара десятков тысяч лет, может быть, двадцать.

Я этим интересуюсь, я интересуюсь прошлым, я интересуюсь историей родной земли.

Что это мне даёт? Мне это что-то даёт? Даёт!

Я интересуюсь человеческим прошлым. И к моей жизни, личной, персональной жизни я добавляю осмысленные прошедшие века. Я не становлюсь старше, но становлюсь взрослее на многие сотни лет. Я интересуюсь, скажем, прошлым предтечи Тюмени – древнего города Чинги-Тура, и автоматически добавляю себе (себе!) восемь веков городской истории. А если я заинтересовался концентрированным прошлым уникальной алтайской Денисовой Пещеры? Смело прибавим 50 тысяч лет, если не все 300 тысяч. А Диринг-Юрях? Возраст которого никак не меньше двух миллионов лет?

Спрессованные тысячелетия входят в мою духовную плоть. Скорее всего, я при этом – физически – молодею, стремительно взрослею и мудрею.

Спрессованное время собственной души, как расширяющаяся Вселенная личности. Попробуйте сами. Почувствуйте.

Ты ничего не присваиваешь, не прихватываешь, не приватизируешь, но становишься неожиданно богаче – на столетия, тысячелетия, миллионнолетия.

Они несомненно присутствуют в двадцать одном грамме твоей души. Объём личности = пережитое пространство + прожитое время.

Богаче на человеческие века.

Ты преодолел пространство – и оно вошло в тебя.

Ты погрузился во времена – и они вошли в тебя.

Человек: преодоленное пространство и спрессованное время.

И это всё – о Диринг-Юряхе.

Бог создал человека сразу эстетом. Первое творчество первобытного человека вовсе не наскальные рисунки – а выбор места для жизни. Разве тот, кто выбрал это место для стоянки сородичей – не был великим художником? Такие красоты!

А как масштабно творил!
Творчество – пространством.
Маэстро пространства.

Диринг-Юрях.

Когда и где на планете появилось человечество? Откуда пошли люди и народы по планете? Вот сейчас здесь, на Диринг-Юряхе тишина и, может быть, это хорошо, неведутся археологические раскопки, исследования. Это место предоставлено самому себе. Я так предполагаю, всё здесь приблизительно так, как миллион, два миллиона лет назад. И вот этот, совершенно типичный сибирский пейзаж, ну ни за что не заставит подумать, что это – прародина человечества. Но, тем не менее, вот даже тот раскоп, уже зарастающий археологический раскоп, свидетельствует, что здесь, в этих местах, почти 2 миллиона лет назад жил, действовал и работал homo sapiens sapiens. Два миллиона лет назад! По общепринятой версии, homo sapiens появился в Африке всего один миллион 850 тысяч лет назад. То есть здесь – более древняя стоянка человечества.

Это первобытное место открыл великий отечественный археолог Юрий Мочанов. Именно он выдвинул гипотезу о том, что родина человека, прародина человечества – это Сибирь, а не обязательно африканские тропики. Естественно, в его открытии многие усомнились: у него не нашлось особо весомых и безукоризненных доказательств. Может, это гениальное озарение учёного, может быть, гениальное заблуждение. Но наш современник археолог Юрий Мочанов доказательно показал, что прародиной человечества может оказаться любое место на планете. Может быть, ваше родное место. Покопаются ещё археологи, уточнят, усовершенствуют свои методы и найдут убедительные свидетельства того, что человечество началось там, где родились вы, и вы – прямой потомок и продолжатель рода человеческого. Я полагаю, каждому жителю нашей планеты такое чувство необходимо.

О чём молчит Диринг-Юрях

Омельчук: Юрий Александрович, тишина на Диринг-Юряхе – о чём она молчит? Диринг-Юрях всё, что знал, рассказал учёным-исследователям?

Шипицын: Можно и дальше копать, но уже не в этом совсем смысл. Почему? Данное место обнаружено в начале 80-х годов XX века в процессе работы Приленской археологической экспедиции. В рамках исследований сделан вывод, что в данной местности люди выполняли некие виды промысловых работ. Возможно, это были поиски железа, может, какие-то ремесленные работы. Скорее всего, люди здесь всё-таки не жили. Когда это было? На сегодня есть версии в рамках современных методик исследования возраста проживания и работы здесь людей – 3, 2, 1, 8 миллионов лет назад. В рамках этих исследований мы многие вопросы закрепили, проведены были лабораторные исследования, вынесены соответствующие авторитетные решения. На данном этапе здесь нет смысла дальше работать. Но – тем не менее: задел сделан очень хороший, Диринг-Юрях на сегодня – в скрижалях истории навсегда зафиксирован. Очень много изданий, которые сделали Юрий Алексеевич Мочанов и Светлана Александровна Федосеева, которые в 80-х годах эти раскопки и начали. Часть научных тематик на сегодня завершена, и в принципе, если требует дальнейшего продолжения, то не сегодня.

Юрий Шипицын – директор Арктического Центра РАН.

Омельчук: Вы строгий учёный, строгий

исследователь, но ответьте как современник Мочанова и его коллега по исследованиям – мы здесь стоим, и это – прародина человечества? Вы в это верите, или ваши учёные мысли заставляют вас сомневаться?

Шипицын:

– Честно говоря, я всё-таки имею базовое геологическое образование и доверяю, прежде всего, фактам.

Омельчук: Но – верите?

Шипицын: Да, верю однозначно. Здесь – прародина человека?

Я патриот. Во-вторых, я как профессиональный геолог верю фактам, которые научно обоснованы. Ну и в-третьих, главное, мне просто хочется верить.

Омельчук: И доказательств уже не нужно дополнительных...

Шипицын: Ну, у нас....

Омельчук: Или мы их обязательно найдём?

Шипицын: Дело-то в том, что современные научные исследования, которые имеются у нас, разные типы методик, они никем сегодня не отрицаются. То есть то, что возраст определен пусть «разбегом» в миллион лет, но он полностью научно подтверждён, мотивирован. И на сегодня ни от кого мы никаких противоречий не слышим, никто нам не возражает, все с этим согласны. Всё научное сообщество.

Омельчук: Я, конечно, «учёный патриот», но всё-таки поводы для сомнений...

Шипицын: Уровень науки. Как люди сейчас живущие, мы считаем, что это абсолютно верно. Но вдруг пройдёт какое-то количество времени (наука – вещь быстро забывающаяся) и возможно, будет просто

Раскопки Диринг-юряхского могильника. 1987 год.

некое уточнение, но парадигма временная – она всё равно такой и останется. Здесь то же самое – будут уточнения, но не будет опровержений и версий о прародине человечества точно.

Вечность – под ногами.

Мы идём по знакомой тропинке, скажем, к калитке родного дома, стоим ли на песчаной косе берега родной Оби, ползём в невысокую, но упрямую горку, даже копаем колодец – но редко кто вспомнит, что у него под ногами не просто земля, а планета Земля – её миллионнолетия, её миллиардолетия, спрессованные в твердь космической вечности.

В наших буднях и быте жизни это – не нужно. Да и вообще: стоит ли знать и помнить об этом – до тех самых пор, когда и сам не станешь планетарным прахом.

Но есть, наверное, особые места на планете, где об этом невозможно не вспомнить. Да, есть *особые* места на Земле, где не можешь не почувствовать священного озноба сопричастности к планетарной вечности. Таков и наш неприметный, внешне не особо примечательный Диринг-Юрях.

Омельчук: Можете достать из своих фондов диринг-юряхских самый главный, самый важный артефакт, аргумент, который вдохновил Юрия Алексеевича, на его гениальное прозрение, что прародина человечества может быть только здесь, на якутской земле и нигде иначе.

Николай Кирьянов – археолог, Арктический Центр:

– Вот у меня в руках чопинг, большое кварцитовое орудие, заострённое с обеих сторон. Мы считаем, что он относится к эпохе нижнего палеолита, это период самой древней человеческой истории, начиная от 150-ти тысяч лет назад до нескольких миллионов. Юрий Алексеевич Мочанов считает, что возраст этих каменных орудий составляет несколько миллионов лет. Не меньше двух. Это кажется странным – два миллиона лет назад и мы, но камень – самая долгодолжная порода, которая и после нас ещё пролежит столько же времени.

Омельчук: Но у него были основания считать, что возраст этого орудия – несколько миллионов?

Кирьянов: Основания были: палеомагнитная датировка, а также целый комплекс работ, в том числе, стратиграфических, палеонтологических. Проверенные лабораторные методы позволили ему аргументировано говорить о возрасте в несколько миллионов лет.

Омельчук: Какое совершенное орудие человеческого производства! Это ж какое

Юрий Шипицын

умение надо, чтобы сделать его?!

Кирьянов: Это камень-булыжник, который использовался в качестве наковальни, мелкой наковальни. Здесь видны следы забитости активные, то есть клался небольшой камень и при помощи отбойника раскалывался.

Омельчук: И этим забитостям тоже два миллиона лет?

Кирьянов: Да, да, может быть, вполне.

Омельчук: Наш земляк два миллиона лет назад – очень разумный, очень sapiens, очень трудолюбивый. Адское терпение, да?

Кирьянов: Человеческий труд.

Мы всё ещё мало знаем о себе, о планете. Мало.

Омельчук: А скажите, у профессиональных геологов бывает вдохновение?

Шипицын: Безусловно...

Омельчук: Прозрение, озарение?

Шипицын: Безусловно, когда человек сталкивается с возможностью предположить, выдвинуть версию и сделать какое-то открытие. Конечно, сразу звезда по макушке – искра прилетает, и остановиться потом уже не можешь. Это творческая профессия – прежде всего и однозначно.

Омельчук: Диринг-Юрях – это звёздное прозрение Юрия Алексеевича Мочанова, как считаете?

Шипицын: Открытие.

Омельчук: Звезда долбанула...

Шипицын: Однозначно. Такое открытие – некий дар за работоспособность, за целеустремлённость, за его влюблённость в археологическую профессию.

Омельчук: Есть – профессиональные археологи, а есть, как Мочанов – от Бога?

Шипицын: Здесь без влюблённости никак. Юрий Алексеевич и Светлана Александровна – люди сильные по характеру от природы, жёстко верили и верят. Юрий Алексеевич-то, дай Бог ему здоровья, жив, и верит в то, что они сделали. «Только безделье не пахнет никак» – как говорил Джанни Родари. В этом и суть учёного, тем более великого учёного: доказать научными методами то, что нельзя никак опровергнуть, отрицать. Но у любого сильного человека, отстаивающего своё мнение, всегда должен иметься сильный оппонент. Это заводит.

Омельчук: У него было ощущение: я здесь, в Якутии, на Диринге сделал всё, что мог, и даже больше?

Шипицын: Музей арктической археологии – там 450 тысяч артефактов. Он сделал всё, чтоб сохранить древнюю культуру и древнюю историю, то, что он считал своим вдохновенным предназначением.

Чтобы стать настоящей истиной, сначала идея должна считаться по-настоящему безумной.

Буйных безумцев ищите среди тихих, спокойных, системных специалистов. Ничто не предвещает, как говорится.

Диринг-Юрях – это Юрий Мочанов. Понятно, такое открытие – это масса людей, самых разных специалистов. Но и само открытие выбирает своего главного героя. Диринг-Юрях выбрал советского сибирского археолога Юрия Мочанова.

Вот что рассказывал о Диринг-Юряхе сам великий учёный, Юрий Мочанов, первооткрыватель Диринг-Юряха (Архивная запись «Клуба кинопутешествий»)

– Мы с вами видели нолиан и древнейший галечник. Потом на этом галечнике начали образовываться красные русловые донные пески. Мощность их 15 метров. Красный цвет – за счёт большой насыщенности железом. Ясно, да? Светлые прожилы – следы древнейшей мерзлоты, здесь ей – два с половиной миллиона лет. И сразу же на этих красных песках, как только Лена ещё немножечко врезалась, здесь был остров Диринг-Юрях – остров на Ленской протоке. Появился человек. Температуры воздуха были -12° - -14° среднегодовые. Понятно. В этих холодных условиях появился человек. Вот перед вами валун большой, видите, это наковальня, на наковальне при помощи таких отбойников валуны кололи. Всё также на месте лежит. То есть, всё на том же месте, где человек работал и жил, всё тут же и осталось. А это знаменитые чопперы, такие вы можете встретить лишь на древнейших стоянках Африки. Посмотрите, как выделывали чопперы. Человеку было трудно держать окатыш, выскользывает, но какой он умный два с половиной миллиона лет тому назад: сделал два скола, чтоб пальцем прихватить, и уже удобно. И пошёл дальше работать. Делали диски, со всех сторон обработанные. Вот знаменитый чоппер-павиан, видите, на павиана похож.

Проблеме внетропической прародины человечества, о которой впервые в 1871 году написал баварский академик Мориц Вагнер, делая доклад в Ванкувере на Всеамериканском Конгрессе археологов и антропологов, я посвятил доклад Морицу Вагнеру. Он писал: Дарвин, ты умный человек, я тебя уважаю. Эволюционное учение твоё правильное. Но обезьяна на юге никогда бы не стала

Юрий Мочанов

человеком, она бы ела себе бананы и ананасы. Только на севере, в суровых условиях, скорее всего, обезьяна стала человеком.

Омельчук: Слишком нафантазировал Мочанов, или всё-таки у него были весомые аргументы?

Кирьянов: Юрий Алексеевич вообще не склонен к фантазированию. Он, понятно, творческий человек, но выдавать фантазию за реальные доводы, конечно, не будет. И не стал. Он основывался на той сумме фактов, которые собрал. Проблема в том, что для нашего представления ещё странно, что в таких экстремальных условиях человек мог обитать и очень-очень давно. Скорее всего, мочановское открытие просто опередило своё время. Юрий Алексеевич пока оказывается непонятым оппонентами, а как мы знаем, все великие преждевременные открытия начинались именно с этого.

Омельчук: Какие погоды стояли, скажем, в августе два миллиона лет назад?

Кирьянов: В Якутии никогда не было покровного оледенения, здесь никогда не стоял ледник, как, скажем, на севере Европы. Зимой было ещё холоднее, летом – ещё жарче. Если сейчас в августе у нас среднегодовая температура +25+30, тогда она была +30+35. Очень интересно, как наши древние предки приспособивались к таким сумасшедшим условиям.

Омельчук: Юрий Алексеевич догадался, что как раз такой климат – стимул развития человека?

Кирьянов: Собственно суть теории Мочанова в том, что разум человека проявился под воздействием жесточайшего стресса, которым являлся климат. Холода, морозы про-

сто стимулировали, подталкивали наших предков искать формы защиты и адаптации.

Омельчук: Вы постоянно сомневаетесь или – убеждённый сторонник Мочанова?

Кирьянов: У меня нет оснований сомневаться в датировках Юрия Алексеевича. Тем более, новые данные подталкивают к этой самой цифре, потихоньку-потихоньку возраст Диринга – со стороны оппонентов – всё удревняется и удревняется. Просто Юрий Алексеевич такую завышенную планку поставил, от которой просто все ошалели, пока и до сих пор не могут прийти в себя. Но потихоньку, я думаю, мы к этому придём и найдём ещё новые факты и аргументы.

Омельчук: Юрий Алексеевич не ожидал, что судьба, научная судьба подарит ему это гениальное открытие. А у Кирьянова есть ощущение, что он всё-таки благополучно закончит дириг-юряхскую эпопею и после его работ уже ни одного скептика не объявится?

Кирьянов: Я надеюсь, что не смогу пройти мимо очевидных фактов, которые, уверен, будут встречаться и находиться. Но дириг-юряхскую эпопею мы, конечно, продолжаем вместе – с вами в том числе.

Омельчук: Вот спасибо!

Кирьянов: Я уверен, в самом ближайшем будущем появятся новые данные, чтобы преподнести миру и оппонентам самое главное. Если это заблуждение – это гениальное заблуждение. Окончательной истины, скорее всего нет. Но – истинен путь поиска истины.

Омельчук: Не взвешивали, сколько килограммов (или тонн) аргументов в вашем фондохранилище?

Кирьянов: Конечно, взвешивали. Несколькими тоннами.

Омельчук: Тонн?

Кирьянов: Эти все камни, каждый из них...

Омельчук: Поштучно?

Кирьянов: Поштучно? Количество предметов в фондохранилище, которое, кстати, всё время пополняется, составляет на сегодняшний день 450 тысяч артефактов. Каждый год наша коллекция обогащается в среднем на 5-6 тысяч экземпляров.

Омельчук: Скажем, заходит профессионал, естественно, профессиональный специалист, скептик бешеный, в ваше фондохранилище, открывает каждый ящик и уходит – убеждённым сторонником Мочанова?

Кирьянов: У нас бывали коллеги, ещё собираются приехать. Они не выходили из фондохранилища убеждёнными, но – по-

точнее бы найти слово – поколебавшимися, это точно.

Омельчук: Несколько тонн аргументов помогают в этом?

Кирьянов: Уверен, да. Есть чоппинги, орудия с носиком, отбойники, отщепы, заготовки. Основной массив каменных артефактов Диринга – наковальни, чопперы, чоппинги и отщепы. Туристы, понятно, хотят, чтобы древние дирингюряхцы жгли костры, и эти камни были обожжены. Диринг – поднял, как наболевшая точка, много дискуссионных вопросов, и только в ходе общих исследований и споров, даже очень ожесточённых, очень острых, можно добиться их разрешения.

Омельчук: Николай Сергеевич, сейчас это полувозвышенность, а два миллиона лет назад это был простой бережок Лены?

Кирьянов: Уровень Лены был выше, чем сейчас. Лена размывает русло, всё более углубляется и углубляется. Насколько? Остров ли Диринг? Много спорных вопросов, я не смогу на всё ответить. Если я был просвещённый Будда, я бы конечно, знал истину...

Это находки более позднего времени. Это свидетельствует о том, что люди и после первонасельников Диринга приходили на эти места и занимались обработкой камня. Они старались обработать камень полностью, что говорит о более высокой технологии обработки. Диринг-Юрях критикуют, там же действительно не обнаружены следы человека. Но дело в том, что Диринг-Юрях – это мастерская человека, это как бы сегодня назвали – рабочий офис. Соответственно, понятно, что человеческих останков здесь быть в принципе не может. Люди селились где-то рядом. Где конкретно? Может быть в пещерах Ленских Столбов, до которых отсюда можно добраться.

Кем были эти люди, которые оставили каменные орудия, как они выглядели? Были ли это люди, в том смысле, который мы сейчас вкладываем? Вопрос вопросов. Но если мы там хотя бы на полшага приблизимся к разрешению, я думаю, будущим поколениям будет гораздо легче решать вопросы своего смысла жизни: откуда мы пришли, зачем? Нужны новые прорывные методы. Надеюсь, в обнадёживающем будущем они появятся.

Омельчук: У верующего истово и истинно верующего Шипицына есть убеждённость, что в Якутии возможен Диринг-Юрях-2, Диринг-Юрях-3, 15, 19? – Памятники такой же глубочайшей человеческой и планетарной древности?

Шипицын: Скорее всего. Почему? Человек – это же существо, которое на месте не

сидит, не сейчас, не тогда – тем более. Надо было передвигаться, начинать пасти скот, изыскивать ресурсы для проживания и пропитания, в конце концов, войны древности никто не отменял. Мы же с вами находимся на вечной мерзлоте. Ледник двигался, всё в движении, природа во многом поменялась.

Омельчук: А я думал, брусника на Диринг-Юряхе – это вечное?

Шипицын: А вдруг она пришла с тем слоем земли, как-то мутировала. Может, была повыше.

Омельчук: Брусника деревьями росла?

Шипицын: Да, деревьями. Мы имеем несколько версий о переселении азиатско-сибиряков в Америку, и много чего. Находка Юрия Алексеевича, его открытие – наверняка не последнее. Я больше чем уверен. Наверняка.

Для тюменского академика, ведущего геокриолога, учёного-мерзлотоведа Владимира Мельникова Якутия, можно считать, родная – он там долго жил и работал. В родной Якутии академик Мельников (с группой сотрудников) совершил не менее – чем Диринг-Юрях – уникальное открытие – в вечной мерзлоте обнаружена живая бактерия, её возраст 3! миллиона! лет. На планете, выяснилось это в Якутии, существуют живые организмы, которые могут жить миллионнолетия!... Это ли не ключ к бессмертью? В том числе и человеческому. Открытия – одного ряда! Они об одном: планета Земля неразгаданно непредсказуема в своих живых проявлениях.

Омельчук: В родной Якутии – всё возможно, включая бессмертные бактерии?

Владимир Мельников – мерзлотовед, академик РАН: Всё возможно. Найдена на Мамонтовой горе бактерия, которая нам открывает мир долголетия. Здорового долголетия, ничто так не восстанавливает иммунную систему, как эта бактерия.

Омельчук: В ваши якутские годы не были знакомы с археологом Мочановым?

Мельников: Много слышал. Юрий Алексеевич по существу став археологом-северянином, открыл столько артефактов, что сейчас я задаюсь вопросом (после долгих споров с великим академиком А.П.Деревянко) а вдруг Мочанов прав? Я бы поискал артефакты в тайге. Почему? Сейчас весь мир «трещит» о глобальном потеплении, таёжный же покров сохраняет состояние будто никаких потеплений и похолоданий не было. Поискать в тайге, где по существу слой сезонного подтаивания не меняется столетиями.

Омельчук: Продолжать археологиче-

ский поиск нужно именно в Якутии?

Мельников: Не только. Ведь Юрий Алексеевич Северо-Восточную Азию всю облазил и много чего нашёл. Но для решения таких коренных вопросов о происхождении жизни, надо искать, конечно, в Якутской тайге. Одно от другого неотделимо. Бактерия, которую мы нашли, свидетельствует о том, что сохранять жизнеспособность миллионы лет можно только в воде.

Омельчук: А о чём зубатились академик археологии Деревянко и доктор истории Мочанов? Не признавал Анатолий Пантелевич гениальности Мочановского заблуждения?

Мельников: Тут надо говорить о психологии и философии. Вот мы, европейцы, американцы не похожи на китайцев, для которых сначала всё целое, а мелочи – второстепенно, и они уходят от дебатов по любому вопросу. Но признают за каждым высказыванием, за каждым предложением право на существование, они считают, дебаты, споры – это путь к вражде. Они обошли весь мир в своих открытиях, они коллективом всё решают, отменяя мелочи и говоря о целом поле чего бы-то ни было.

Омельчук: Европа – это по мелочам?

Мельников: По мелочам. Не исключено, что Мочанов прав, может быть, человек произошёл (и в том числе) в холодных регионах. У самого Деревянко много открытий,

он просто увлечён своим направлением. А Мочанов глубоко и много узнал о Северо-Восточной Сибири, о Дальнем Востоке и ему по существу, не с кем было спорить.

Омельчук: Скажите, Владимир Павлович, какую всё-таки, если принёс истину человечеству, если принёс – сам Диринг-Юрях?

Мельников: Конечно, принёс. Он уже не мальчик, Мочанов, он заставил многих археологов посмотреть в перспективу. Именно эта перспектива – за ним и останется. Он навсегда уже родоначальник нечто нового.

Омельчук: В науке, особенно в археологии, уже обязательно «оглядываться на Мочанова»: соглашаешься ты с ним или нет?

Мельников: Нет. Не оглядываться надо на него, а думать о глубине образов, которые Мочанов создал. Это потрясающая вещь! Я сам сейчас этим занимаюсь, поскольку все сибирские оледенения и потепления – такая интересная история земли. Она тоже связана с Мочановым.

Омельчук: Родное?

Мельников: Родное. Я просто иногда во сне вижу, куда надо свои мозги направить.

Зачем мне Диринг-Юрях? Мне – лично, персонально?

Мне чего-то не хватило в жизни?

Почему я хватаюсь за эту ненадёжную ниточку-соломинку, как за спасительный

спасательный круг: я родился на земле прародины родного человечества? Это первоначальное? Или дополнительное счастье?

Земляне. Только множественное число. Мы – земляне.

Я землянин? Звучит неловко. Земляк – да, но землянин – неловко.

Земляне – космическое сообщество. Родной русский язык чувствует это в тончайших нюансах.

Омельчук: Юрий Константинович, вы побывали во многих местах на этой грешной планете. Для вас важно, где учёные, рано или поздно, обнаружит окончательную прародину родного человечества?

Юрий Шафраник – первый тюменский губернатор, председатель Совета Союза нефтегазопромышленников России:

– Спор ещё впереди. А где и когда слово «человек» начинается? Думаю, это будет очень долгий процесс... Н почему зациклились – условно – на Африке, как прародине человечества? Всё-таки это не истина в последней инстанции, это и сейчас подвергается капитальному сомнению. И я лично сомневаюсь.

Омельчук: А если вдруг окажется (путь к окончательной истине бесконечен) что прародина человечества – родная для вас Сибирь. Согреет это знание?

Шафраник: Конечно! Ты здесь жил, живёшь и оказывается – у этой земли о-ё-ёй какие корни! Одно дело там Эфиопия, Кения, а другое – Якутия, Сибирь, Денисова Пещера.

Омельчук: До Карасуля рукой подать?

Шафраник: Или Усть-Ишим, «ишимский человек». Конечно, греет душу, в твоём доме, а не в чужом. Ты не пришёл из этого чужого – к себе, а жил здесь и живёшь.

Омельчук: Юрий Константинович, первооткрыватель Диринг-Юряха, ваш тёзка Юрий Мочанов, считал открытие этой археологической стоянки – мастерской первого человека, своей выдающейся удачей, нечаянным счастьем заурядной учёной археологической жизни. Но даже он подвергался искушению, сомневался, честно выслушивал всех оппонентов-скептиков. На ваш взгляд: заблуждение важнее истины?

Шафраник: Философски... Слово заблуждение в этом контексте. По-разному к заблуждениям относишься. Конечно, я считаю, все большие открытия так или иначе через заблуждения приходят. Заблуждение в кавычках.

Омельчук: А в своей жизни?

Шафраник: Не, не, я ж реестр не веду.

Омельчук: Реестр заблуждений?

Шафраник: В контексте о том, что ты говоришь, не только возможно, но приветствуется. Возможно и нужно. Уж лучше пусть заблуждается. Жизнь поправит или все придут к тому, что, слушай! да, это ж не заблуждение – это истина. Но и истина уходит, сегодня одна истина, завтра...

Омельчук: Можете про себя сказать: верю – два с половиной миллиона лет назад на Диринг-Юряхе работал первый мастеровой хомо сапиенс сапиенсис?

Шафраник: Не настолько категоричен.

Омельчук: «Верю» категоричность не подразумевает.

Шафраник: Это вполне возможно. И грело бы душу, если это подтвердят будущие исследователи. И фактура.

Омельчук: В скором времени?

Шафраник: При нашей жизни. Давай вздохнём: нам мечтается и хочется, чтоб всё свершилось при нас – основное. Так что удачи нам и дождаться исследователей, которые подтвердили бы капитально и безусловно.

Стража... Ленские Столбы похожи на строгую стражу.

Стражу вечности.

То, что они знают тайну – точно.

Знают, но молчат.

И будут молчать.

Видно, они поклялись хранить тайну. И клятву не нарушат.

Человек может узнать тайну. Но – не от них. Молчаливая стража.

Они молчат на таком языке, который не расшифрует – никогда! – ни один и человеческий, и нечеловеческий интеллект.

За природой нет такого греха – она не творит шедевров искусства. Она поручила это своему созданию – человеку.

Творчество природы – в другом.

Но когда сталкиваешься с этим величественным и протяжённым произведением непревзойдённого искусства – неизбежно впадёшь в искушение догадаться:

– Нет, здесь природа сделала для себя исключение и позволила создать невероятный – не природный, а творческий шедевр. Ленские Столбы.

О чём он, этот шедевр? Столбы...

Но расшифровывается исключительно как шедевр человеческого творческого гения.

Невероятно!

Омельчук: Алексей, почему остров называется Царский?

Алексей Алексеев – шерп, якутский старожил:

– Там жили мои предки – родственники якутских царей. Остров – колыбель якутской нации, с этого острова все пошли. Якутский царь Тыгын тоже родом отсюда, с этого острова, поэтому он так и называется Великий остров, Господин Остров. Огромный, 80 километров длиной. Рай для скотоводов, можно несметное количество скота разводить. Остров – он кормилец.

Омельчук: Ты сам островитянин – на острове родился?

Алексеев: Ну да. Наше поколение до 50-х жило на острове. Булгунняхтах – от названия речки одноимённой, Булгунняхтах называется – это на самом устье, там находится курган, от кургана и название Курганное. Тут мои предки жили, кангалассы – общее название.

Омельчук: Ты царский наследник?

Алексеев: Да, я царский наследник. Мой пра-пра-пра-пра дед воином был, предводителем всех манжигарцев. Он ездил по всей Якутии, воевал, всех пытался собрать.

Мы любим родное место, может быть потому: что оно – любит нас.

И раскрывает свои сакральные священные тайны.

Алексеев: Это сакральное место, ага. Есть легенда. Она как бы библейская такая легенда. Бог, как известно, сотворил Землю за 6 дней. 6 дней творил и устал. Устал и лёг отдохнуть возле Тихого океана. Лёг и смотрит...

Омельчук: Устал, уработался?

Алексеев: Уработался... Устал – столько

сделать, ага, конечно, он устал и решил отдохнуть. Короче, лежал возле Тихого океана, огляделся: какую хорошую я Землю сделал.

Омельчук: А ты за ним подглядывал?

Алексеев: Нет, ну так легенда гласит, ага. Лежит: её надо бы населить, она тут ненаселенная. Вспомнил, что до этого он сотворил Сириус, планету, по-якутски Сигутала называется. Сигутала – «сиг» – вода, а «тула» – вокруг. На той планете одно озеро всего, вокруг озера народ саха жил там, он создал, и они там жили. Он вспомнил и думает, эти саха бедные, живут в плохих условиях, одно озеро всего, надо их сюда переселить. Подумал и сразу ногой вот так сделал, говорит: пусть это будет Сахалин, земля Саха, и телепортировал туда народ Саха. Те туда сели, оглянулись, смотрят вокруг: чё-то тут ветрено, вокруг вода, сыро, ага. Бог это услышал: ага, ёлки, я вас на такую прекрасную землю привёз, а вы ещё ворчите. Не будет тут всяко разное, зачерпнул песку из океана, посадил народ Саха и полетел отсюда в Африку. Я там сделаю для вас жаркое место и будете жить. Летит оттуда, тут бык холода стоит, вон на той горе, смотрит, летит, испугался и заорал, короче, этот бык, а у него из ноздрей холод 60 градусов. Бог удивился, услышал, остановился, уставился на быка, что за диво? А это бык мой. А в это время у него между пальцев высыпался песок, вон там, это Тухлан называется. Вместе с песком народ Саха и высыпались, но он не заметил, полетел дальше. Прилетел на Африку, высыпал остатки, говорит: пусть это будет Сахара, земля Саха. Посмотрел, а там ни одного саха нету. Ту-у-у думает, э-э-э они, наверно, там высыпались и замёрзли. И

Из серии Якутский героический эпос олонхо.
Художник Тимофей СТЕПАНОВ

пошёл из глины лепить Адама. Короче, это другая история. Он Адама слепил, но это уже не наша история. А якуты, саха высыпались и вот сюда пришли. Смотрят, такой остров хороший, очень много сена тут, благодатный край. Вот в какой хороший, благодатный край наш Бог нас привёз. Начали обустраиваться, стоянку сделали, короче: лето здесь – а зимой на острове туда. И каждый год так.

У каждого из нас – свой кусочек планеты, но Бог-то лепил одну планету на всех.
Произнесите: моя планета.

Алексеев: Саха тут издревле жили, потом понаехали всякие туда-сюда, которых называют: «которые плывут», «приплыли, короче, которые».

Омельчук: Не понаехавшие, наприплывшие?

Алексеев: Приплывшие. Это Булгунняхтах, на самом конце сопка и её охраняют пять великих шаманов. Пять великих шаманов охраняют эту сопку. Тут жили мои предки, по-русски если перевести – «джимуха» называется. Вон там на горе жило племя называется берте, борте. Они пришлые, они к саха приплыли эти племена.

Омельчук: По дороге с Тихого океана?

Алексеев: Нет, из Китая, по-моему, со стороны Китая. Берте – это жена Чингисхана... Джамуха его закадычный друг. Почему они здесь оказались, эти племена? Почему

курган охраняется пятью знаменитыми шаманами, почему охраняют его? Никто просто так не может туда приблизиться, даже приблизиться, потому что охрана – пять шаманов. Если они узнают, с каким-то умыслом – тебе туда уже не попасть. Вот я переложил на вас мою секретную тайную ношу.

Омельчук: Ясно. То есть это род жены Чингисхана?

Алексеев: И род друга Чингисхана. Вот два племени пришли в одно время и обосновались здесь, стали жить с якутами вместе.

Только большой юморист мог назвать (безнадёжно неразумного) невразумительного homo – sapiens sapiens.

Самообман, ведущий к самоисчезновению.

Счастливый случай. Ищущему воздаётся.

На Дириг-Юрях по Лене нас должен был вести проводник – хозяин недалней бизоньей фермы. Но что-то у якутских бизонов не заладилось, и на Дириг-Юрях по широкой речке Лена нас вёз лихой речной ковбой и мудрый местный шерп Лёша. Значительный человек! И просто – бонус к счастью свидания с Дириг-Юряхом.

Омельчук: Все тайны мира здесь?

Алексеев: Да, да, все тайны мира здесь.

Омельчук: Которые охраняют пять шаманов?

Алексеев: Да, великих шаманов.

Омельчук: Как далеко ты сам постиг, что охраняют пять великих шаманов?

Алексеев: Я этого не знаю. Озарение было, где-то лет в 60. Всем хотел рассказывать, но никто – ноль внимания. Этого никто не может понять. И даже, если поймут – подумают, что такого не может быть, потому что такого не может быть никогда.

Омельчук: На твой взгляд, Алексей, когда приземлялись здесь, на Дириг-Юряхе, на космодроме «Дириг-Юрях» инопланетные корабли? Инопланетолёты?

Алексеев: Когда зарождалась человеческая цивилизация, наверно. Они же сделали нас. Ну мы, скорее всего, наверно, биороботы. Приматы. Сейчас такое мнение человек не от приматов произошёл, его привезли. Вот доказательство, может быть.

Омельчук: Пыль на этих камнях?

Алексеев: Да, она помнит, пыль, космическая пыль, как мы сюда прилетели.

Омельчук: Версию инопланетного происхождения не рассматриваете?

Кирьянов: Нет, почему? Рассматриваем. Мы же там неподалёку нашли тарелку инопланетную.

Омельчук: Ну-ка, ну-ка, ну-ка.

Кириянов: Да, инопланетную тарелочку. Она там укрыта, но поскольку человечество ещё не готово к встрече с инопланетянами, мы пока никому не рассказываем и не показываем.

Мы как-то зашли, яма, там сидят инопланетяне, они с нами поздоровались, мы тоже сказали: здравствуйте. Спросили: ну что, мы устроим встречу рас и цивилизаций? Мы отвечаем: нет, к сожалению, человечество пока ещё не готово. Давайте начнём хотя бы с Диринга.

Омельчук: И как они отреагировали?

Кириянов: Они: у нас впереди ещё вечность, так что мы готовы ждать.

Омельчук: Они ждут в той яме или улети на родную планету в надежде на встречу?

Кириянов: Вот этого не знаю. Так что вот так вот.

Серьёзным авторитетным учёным, наверное, всё-таки не все свои глупые вопросы можно задавать. Авторитет знания для них священен и непререкаем.

Но академик мерзлотоведения Мельников ещё и поэт. Может, рискнём?

Омельчук: Нас на Диринг-Юрях водил Алексей Алексеев, местный шерп-проводник. Он нам намекнул, ну очень так по якутски деликатно, что скорее всего, у него есть некоторые доказательства и артефакты (камни и пыль), показывающие, что Диринг – инопланетолётотроп. У вас эта дерзость шерпская, кроме смеха, кроме улыбки...

Мельников: Нет, вы знаете, я улыбаюсь, почему? Вы не представляете, сколько ещё невероятных открытий впереди, как у археологов, так и у геологов, астрономов, и геохимиков, и геокриологов. Невероятно много всего впереди, что сегодня видится невероятным.

Юрий Мочанов.

Дерзость человеческой личности. Беспредельна. И дерзновенна.

Незаметная песчинка Вселенной – он представляет себя равным Вселенной.

Человек – космос. Человек сам – Вселенная.

Я – Вселенная.

Правда, человек – в буднях и быте – редко об этом вспоминает, если вообще вспоминает.

И всё же: что – мне, зачем мне Диринг-Юрях? Да, я здесь побывал. Да, я продолжаю верить – это прародина родного человечества. Сибирская колыбель землян.

И если моей сибирской прародине – два миллиона лет – эти миллионнолетия – плоть моей души.

Какая незаметная, но – какая вечная и просторная душа!

И думая – на Диринг-Юряхе – о своём современнике Юрии Мочанове:

– Да, человек сам – Вселенная.

Но.

Вселенная – его дом?

Или он сам, человек – дом Вселенной?

Смерть Сталина

Умер вождь от болезни или его убили?

Ответ однозначный, конечно же, убили. По-другому и быть не могло. Все тираны умирают насильственной смертью, это аксиома; в виде редкого исключения – от болезни (например, как Наполеон от язвы желудка). Сталин же, как самый великий из тиранов всех времён и народов, никак не мог попасть в число исключений и был обречён умереть насильственной смертью.

Некоторые возмущаются, когда европейцы сравнивают Иосифа Виссарионовича с Гитлером, но возмущаются напрасно. Они два сапога-пара. Схватка этих монстров была неизбежна и являлась всего лишь вопросом времени. Каждый видел себя единственным императором единолично управляющим миром. Каждый, получи первый ядерное оружие и имей его достаточное количество, не моргнув глазом превратил бы половину земного шара в лунный ландшафт ради достижения абсолютной власти. Почему же всё-таки Сталин величайший? Иногда некоторые вещи трудно объяснить.

За всю историю существования бокса были и есть талантливейшие спортсмены. Но спросите профессионалов: «Кто же самый великий?» Большинство ответит: «Мохаммед Али». В нашей стране были и есть уникальные, потрясающие певицы. Но спросите: «Кто же самая самая?» Большинство скажет: «Пугачёва».

Так же и в вопросе о самом великом тиране. Трудно сказать, почему лично для меня именно образ Сталина возвышается главной фигурой над всеми тиранами как возвышался его прижизненный 57-метровый монумент на Волгодонском канале. Величие тирана определяется не только количеством замученных им людей (по этому показателю Гитлер опережает Сталина, поскольку все жертвы Второй мировой войны на его совести), но есть и другие показатели. Почему из двух несомненно самых великих Гитлера и Сталина последний всё-таки первый? Хотя бы потому что из схватки между собой победителем вышел именно он. Хотя бы потому что Гитлер убивал людей, как он считал, для блага своего народа. Сталин же уничтожал миллионами граждан своей страны.

Итак, вывод о насильственной смерти вождя согласно аксиоме о смерти узурпаторов сделан. На этом можно было бы поставить точку, но остались вопросы: кто, как и почему? На них также есть ответы, ибо «Нет ничего тайного, что не станет явным».

Одним из исследователей, раскрывших тайну этого тёмного дела является замечательный историк Эдвард Радзинский. Эдварду очень повезло, и не потому, что он был одним из немногих получивших допуск к архивам Сталина, а потому, что в 89 году ему посчастливилось встретиться с единственным оставшимся в живых на тот момент из всех охранников, дежуривших в ту ночь, после которой вождя обнаружили лежащим на полу в предсмертном состоянии. Показания этого охранника по фамилии Лозгачёв позволили Радзинскому понять, что Иосифа Виссарионовича ликвидировали.

Какова хронология событий той роковой ночи, согласно этим показаниям?

Вечером Сталин, как обычно, проводил время на ближней даче, что находится в 30 км от Москвы в компании Берии, Маленкова, Хрущёва и Булганина. После того как гости уехали, вождь был в хорошем настроении и самочувствии. Никаких крепких спиртных напитков за ужином не употреблялось. Перед отходом ко сну через старшего охранника по фамилии Хрусталёв Сталин якобы отдал всей группе охраны следующий приказ: «Мне от вас ничего не нужно. Я иду спать, и вы все также идите спать». После чего все охранники пошли спать. Эти слова охрана услышала не от самого вождя. В чём фишка? В том, что мог ли тиран, страдающий шизофренией, подозревающий всех и вся, более 90 процентов головного мозга которого было занято вопросом личной безопасности, действительно отдать распоряжение не охранять себя? Подобных приказов никто и никогда от него не слышал. И именно в эту ночь, когда внутренняя охрана была снята и произошло несчастье с великим и ужасным, на следующий день вечером его обнаружили в полумёртвом состоянии на полу и через несколько дней он умер.

Могло ли это быть простым совпадением? Данный вопрос перетекает в другой: были ли рядом с вождём люди заинтересованные в таком результате? Ответ: практически всё его окружение. Видя, как он расправлялся со

своими бывшими соратниками, с которыми всё начиналось, да и не только с ними, каждый прекрасно понимал, что в любой момент могли прийти и за ним. Неприкасаемых при Сталине не было, над каждым висел топор и мог опуститься в любой момент. Но особое предпочтение Иосиф Виссарионович отдавал руководителям органов безопасности и имел привычку периодически их расстреливать. Ягода, Ежов, Абакумов поочерёдно были назначены сакральными жертвами. Поэтому руководитель на тот момент Министерства госбезопасности товарищ Берия прекрасно понимал, что в очереди козлов отпущения он стоит под номером один и как никто был заинтересован, чтобы товарищ Сталин как можно быстрее прекратил своё существование в этом мире. По сути, он был загнан в угол. Отважиться на то, чтобы организовать смертельно опасное покушение на вождя всех народов, могли только исключительные обстоятельства. И такие обстоятельства были именно у Берии. Вопрос на тот момент для него стоял буквально так: кто быстрее, ты меня или я тебя? Возможно, у него были сообщники, но мотивирован больше всех был он, и это во-первых. Во-вторых, лаборатория бесследных ядов находилась под его контролем. И тут уместно сообщить об одном интересном факте. Ещё при Ленине в СССР была создана секретная лаборатория по разработке бесследных ядов, то есть веществ, которые, убивая, не оставляют в организме своих следов. Человек умирает, а непонятно от чего. В-третьих, как руководителю службы госбезопасности ему было гораздо проще, чем кому-либо найти исполнителя.

Что же касается сообщников, то вряд ли можно представить, что в той атмосфере всеобщего страха реально было организовать заговор против вождя хотя бы только потому, что, даже заикнувшись на эту тему истории, нельзя было быть уверенным, что тот, с кем ты завёл этот разговор, сразу же тебя

не сдаст. Но сообщники у Берии нашлись, как говорится, «по ходу пьесы», то есть «почувствовали кровь», узнав что произошло, поняли, что это шанс избавиться от тирана, и сделали всё, чтобы он исчез с лица земли. В подтверждение тому есть два косвенных факта. Первый: довольно долго вождю не вызывали врачей. Как рассказывал ещё один свидетель тех событий: «Мы звонили и Игнатьеву (начальнику службы охраны), и Булганину, и Берии, а было такое ощущение, что вокруг стена: никто не едет, врачей не вызывают. Затягивание оказания медицинской помощи пострадавшему – это тоже фактически соучастие в убийстве. Второй факт: как-то довольно быстро стал лишним и опасным для правящей верхушки главный организатор убийства Берия. С одной стороны, его расстрел есть следствие борьбы за власть. Но с другой – почему в этой борьбе погиб только он один из всех руководителей? По большому счёту Берия, не очень уж сильно отличался от остальных членов правящей банды. А вслед за ним, по удивительному стечению обстоятельств, ровно через год практически день в день умер далеко не старый непосредственный исполнитель убийства охранник Хрусталёв. Всё напоминало логику действующих лиц одного известного фильма, когда двое случайных свидетелей убийства просили убийц: «Не убивайте нас, мы никому ничего не скажем, будем молчать как в могиле!» На что им было сказано: «Лучше в могиле, для верности». Может быть, те, кто пришли к власти после смерти Сталина, были заинтересованы в том, чтобы непосредственные организатор и исполнитель убийства вождя молчали в могиле, для верности?

Теперь следующий вопрос: «Каким способом убили?»». Поскольку голова узурпатора была на месте, как и другие части тела, огнестрельных, колотых и резаных ран не наблюдалось, как и прочих следов насилия, то единственным оставшимся вариантом являет-

ся отравление. Отравить можно несколькими способами:

1. Непосредственно введя яд в кровь, то есть путём инъекции.

2. Через кожу путём соприкосновения с ядом.

3. С пищей и питьём.

4. Через органы дыхания.

Радзинский предполагает, что попрощались с вождём путём инъекции, но в этом моменте он ошибается.

Во-первых, этот способ был бы крайне опасен для исполнителя, а следовательно, и заказчика. Поскольку укол довольно болезненная процедура, то Сталин скорее всего бы проснулся, как только стали колоть. Стали бы кричать, сопротивляться. Преодолевать сопротивление пришлось бы силой, в результате чего на теле остались бы следы насилия. Шум и крики могла услышать и скорее всего услышала бы внешняя охрана. И хотя внутренняя охрана в этот момент была снята, то внешняя, дежурившая под окнами дома, в абсолютной тишине, услышала бы крики. Ведь под окнами Сталина и внутри помещения никто не шумел, тишина всегда стояла такая, о которой говорят: «Упадёт лист на воду – и то слышно». А на должность охранников подбирались люди с безупречным здоровьем, стопроцентным зрением и прекрасным слухом.

Во-вторых, все, кто знаком с медициной, знают, что след от укола легко обнаруживается на теле человека. Оставленный не в том месте, куда обычно колют, он вызвал бы подозрения. Ведь убийца не мог попросить убиваемого, чтобы тот закатал рукав рубашки для внутривенной инъекции или приспустил шта-

ны и оголил верхнюю внешнюю часть ягодичцы для внутримышечной. Так что в темноте пришлось бы колоть куда придётся, а в дальнейшем этот след легко бы обнаружили.

В-третьих, если бы было решено отправить генералиссимуса на тот свет всё-таки этим способом, то организатор данного мероприятия не пожалел бы для него яда и зарядил в шприц такую дозу, которая быстро убила даже слона, и Сталин скончался бы практически мгновенно. Но он, как известно, прожил ещё несколько суток после покушения.

Поэтому по совокупности всех обстоятельств этот вариант исключается.

Убийство путём нанесения яда на кожу имеет тот же недостаток, что и предыдущий способ. Где гарантия, что Сталин не проснулся бы от прикосновения к своей коже? Данным путём яд поражает человека гораздо медленнее, чем все остальные варианты, и вовремя оказанная медицинская помощь могла бы его спасти. Что бы произошло затем с заговорщиками, нетрудно представить. Быстрая смерть для них была бы большим счастьем.

Итак, остаются два способа: с пищей, питьём или через дыхательные пути. Есть версия, что отравили, подсыпав яд в бутылку с «Боржоми». Можно было бы покончить с вождём и через отравление воздуха. На тот момент в СССР уже имелись противогазы и средства распыления. Всё, что нужно было преступнику, войдя тихо в апартаменты, надеть на себя противогаз и, подойдя к комнате, где спал Сталин, распылить яд, не заходя в саму комнату. Очень просто и безопасно. Даже если бы Иосиф Виссарионович не спал

или случайно проснулся, то ничего бы не понял. В случае, если бы убийство не состоялось и вождь бы выжил, то внезапное ухудшение здоровья списали бы на возраст или обострение многочисленных болезней.

В принципе, это и не очень важно, каким именно способом избавили российский народ от диктатора. То, что он умер не от болезни, а именно был убит, более ясно видно, если обратить внимание не только на саму смерть, но и проследить всю цепочку событий до и после неё. Первым шагом в этой цепи было отстранение от Сталина самого преданного телохранителя – начальника службы охраны Николая Власика. Пока он находился рядом с тираном, вряд ли можно было совершить это покушение. А устранили Власика очень просто: путём оговора, зная, что вождь очень подозрительный. Убрав главное препятствие следующим шагом сняли внутреннюю охрану, что позволило Хрусталёву ночью зайти незамеченным в апартаменты вождя. После смерти Сталина со всех охранников взяли расписки о неразглашении. И завершающим звеном стали смерти непосредственного организатора и исполнителя преступления. Именно вся цепочка событий даёт понимание, что после снятия охраны Сталин неслучайно оказался на полу в предсмертном состоянии.

Также убийство вождя подтверждает один из моих любимых авторов, которому бесконечно доверяю, – Даниил Леонидович Андреев в своей книге «Роза мира» написанной примерно 70 лет назад. То, что этому писателю можно доверять, подтвердило само время. Одно из его пророчеств: «Объединение мира начнётся с объединения Европы» наполовину сбылось. Европа уже объединена. Вторая его часть, судя по скорости, с которой интегрируется наша планета, безусловно, также сбудется.

Ещё один интересный момент, описанный в его книге: события произошедшие с царём Александром Первым, под руководством которого в войне России с Францией 1812-1814 годов был побеждён Наполеон. По официальной информации, Александр Первый скоропостижно скончался в Таганроге ранней зимой 1825 года. В действительности он инсценировал свою смерть. В книге Даниила Андреева Александру Первому посвящена целая глава, в которой подробно описаны не только причины его оставления престола, но и вся его дальнейшая жизнь начиная с момента, когда он в одежде простолюдина вышел из Таганрога и направился в город Саров. На сегодняшний день исследователями биографии царя факт фальсификации его смерти подтверждается.

Сталину в своей книге Андреев отвёл целых две объёмных главы. Привожу выдержку, касающуюся смерти вождя и участия в этом Берии: «...несколько человек сновавших у смертного ложа постарались, чтобы он не вернулся к жизни. Мотивы руководившие этими людьми были различны. Некоторые боялись что он развяжет войну. Но был среди приближённых и тот кто столько лет стоял у руля механизма безопасности. Он знал, что вождь уже наметил его как очередную жертву, подачку глухо ропщущему народу. На него должна была быть возложена в глазах масс вся ответственность за миллионы невинно погибших. Кончина Сталина приоткрывала для него шанс к тому чтобы самому занять его место...»

Итак, вопросы: кто, как и почему, закрыты. Закончить статью мне хочется тем с чего начал: «Все тираны умирают не своей смертью». Интересно, что данная аксиома касается не только их, но и разного рода злодеев, представителей криминального мира так называемых «воров в законе», просто воров и разного рода преступников, хотя многие из них не пятнают свои руки кровью. Так происходит потому, что большая совокупность относительно нетяжких преступлений приводит к тому же результату, что одно очень тяжёлое и тянет преступников на дно с той же силой. В этом механизме всё просто как в арифметике. Если представить образно одно тяжкое преступление объектом весом, скажем, в тонну, то двадцать относительно лёгких преступлений, каждое по 50 килограммов, дают в своей совокупности тот же самый вес. Я ради интереса изучал биографии элиты преступного мира. Имена Япончика, деда Хасана, Сильвестра, Монгола, Крыла, Васи Бриллианта, Джема, Росписи, Кэмала, Бабона известны многим. Их судьбы то поднимаются вверх к шикарному образу жизни, то опускаясь в самый низ к тюремным нарам, причудливо петляя и переплетаясь друг с другом, в конце концов сходятся и заканчиваются в одной точке. И эту точку ставит, как правило, пуля, онкология или инсульт. Биографии генералов преступного мира ценны тем, что у всех на виду и хорошо изучены, по ним можно сделать соответствующий вывод. И вывод этот такой: закон возмездия охватывает довольно значительную часть нашего общества – всех, кто погряз в преступлениях. Его можно было бы сформулировать следующим образом: «Те, кто приносят зло в этот мир, от этого зла и погибают».

Владимир ВАСИЛЬЦОВ

Театр за Полярным кругом

Нынешний сезон Дудинский Камерный театр открыл замечательной премьерой «Свой путь» Ярославы Пулинович. Спектакль поставила Мария Булатова, а главные роли исполнили Катерина Ушакова и Марк Осипенко.

Свой путь Марии Булатовой

– «Свой путь». Это современная пьеса, новая, ещё во всю свою мощь не прозвучавшая, написана в 2018 году молодым драматургом Ярославой Пулинович. Это достойный, известный театральный писатель, её пьесы ставятся по всей России, очень популярный и востребованный автор, поднимает жизненные, животрепещущие темы, понятные и близкие любому зрителю. Мне показалось, что спектакль этого драматурга будет интересен в городе, где мало звучит современных произведений. И мне очень интересно творчество Пулинович, поднимающей и вечные вопросы, и жгучие проблемы современности.

Гость нашего города и Камерного теа-

тра – Мария Булатова, молодая актриса и режиссёр независимого театра, пользующийся у любителей театра известностью не только в Красноярском крае. Окончила Красноярскую академию музыки и театра, получив актёрское образование на театральном факультете, курс мастера Валерия Аркадьевича Дьяконова. Поняв, что хочет заниматься режиссурой, в 2017 году получила также режиссёрское образование. Специализируется в современной драматургии и экспериментальном театре.

– Всегда занималась частным театром, мне интересно делать то, что хочется в данный момент, – поясняет гостя. – Ставлю спектакли по Красноярскому краю и другим городам, у нас частный молодёжный независимый театр «Вспышка», являю-

щийся резидентом Красноярской филармонии. Театр экспериментальный – нет необходимости в привычной сцене-коробке. Многие спектакли идут вне сценического пространства, то есть пространство подбирается под спектакли. Условно говоря, для постановки спектакля достаточно иметь лишь коврик. Ещё выигрываем порой гранты – так и существует частный театр.

Мария Булатова по большей части занимается современной драматургией. Из авторов близка Ярослава Пулинович, ныне, пожалуй, самый известный российский драматург, много раз ставила Ивана Вырыпаева.

– С классикой дело обстоит сложнее – нет практически такого запроса, но мне было бы интересно, – признаётся Мария. – Училась многому у Камы Мироновича Гинкаса, большого специалиста по Чехову, в студенчестве много играли Чехова. В Красноярском институте до пандемии репетировали Шекспира, но спектакль выпустить не удалось. Пандемия вынудила искать новые формы – мы увлеклись аудиотеатром, очень много над этим работали. Аудиотеатр – не совсем то же самое, что радиотеатр, но во многом перекликается.

– Из современников Николай Коляда мне интересен как личность, но его драматургией не занималась. Это настоящий мастодонт: много пишет, с трепетом читаю его, много ставит, печёт драматургов, как блины: Ярослава Пулинович, Маша Конторович, Олег Богаев и много других – его ученики. «Коврик постелил – вот тебе и театр!» – это его установка. И пост в интернете, задание для студентов: сделать Гамлета из ничего. Архипопулярный в недавнем прошлом Евгений Гришковец – достаточно устаревший уже, на мой взгляд. Виктор Астафьев? Не доводилось ставить, не доросла ещё. Астафьева много в Красноярском крае, он же наш – много ставят, интерпретируют. Когда-нибудь попробую...

– Не хочу ли ставить местных, таймырских авторов? Нет, даже не читала никого пока, но тоже, разумеется, хотелось бы прикоснуться, ведь я тоже почти таймырец – мама и папа жили в Хатанге, где отец работал лётчиком, там родились и росли старшие сёстры, а я уже в Красноярске. В детстве была в Хатанге, но помню плохо. Зато хорошо помню огромную – всю ванну заняла – рыбину, которую папе прислали. Икру ели ложками. Ожидала, что на Таймыре будет холоднее, но по ощущениям – в Красноярске как будто сильнее мёрзла, из-за большей влажности, видимо. Дома я столько пешком не хожу. И ещё – здешние

постоянно пьют чай, может, оттого в домах теплота гораздо ярче, чем в большом городе.

Спектакль Ярославы Пулинович «Свой путь» актёры нашего Камерного театра вместе с режиссёром Марией Булатовой репетировали совсем недолго – всего 2 недели. Но всё успели, даже отшлифовать. Забегая вперёд, доложу, что отшлифовали до блеска, как показала премьера.

– Про пьесу рассказывать – дело неблагодарное – улыбается Мария, слегка грустновато, как всегда бывает после завершения большого и трудного, дорогого сердцу дела. – Пьеса для двоих, главные герои – Марк и Катя. Но хотелось задействовать всю труппу, поскольку, по моим ощущениям, здесь гораздо больше персонажей, и главный из них – Россия. Рассказ не только о взаимоотношениях мужчины и женщины, но и о месте героев в жизни страны, в гуще событий непростого, переломного времени. Пьеса большая – состоит из 6 частей, и мы придумали, как помочь ребятам, как-то оформить паузы между частями. Каждая часть – это новая жизнь героев – с 1987 года по 2025-й – эпичный материал, достаточно сложный в актёрском плане, очень игровой. При простых, достаточно узких возможностях площадки, мы создали с художником Владимиром Лобановым сцениграфическое решение – простое, но очень интересное. Получилось как бы само собой – на первых встречах мы только разговаривали, каждый рассказывал свою историю, было интересно следить за развитием событий в стране через призму личных историй. Это настроение, как фон, как иллюстрации мы и использовали, какими-то историями даже дополнили пьесу.

Художник театра Владимир Лобанов предложил оформление сцены скупыми, но очень точными штрихами, иллюстрирующими самую суть отображаемого в спектакле отрезка времени. Это и оригинальные коллажи, оживляющие интерьер, реалистичные, характерные костюмы актёров, и попадающие в самую суть мелодики времени музыкальные вставки популярных звёзд.

– Репетировать «Свой путь» мы начинали по видеосвязи, поэтому представляла поначалу ребят как-то по-другому. Сейчас заканчиваем собирать спектакль, мы должны почувствовать весь объём. Здорово работалось! Вообще, люблю ставить в малых городах, здесь театр – особая структура. В маленьком городе – дух сплочённости, здесь маленький дорогой мирок, актёры и художники, и декораторы, и костюмеры

– получают гораздо больше ощущений от того, что они делают. А в большом городе больше отвлекающих моментов. Когда актёр сам создал свой реквизит – и отношение другое. Вообще, коммуникации между людьми в маленьком городе проще, что позволяет создавать более качественный продукт.

– При работе с актёрами хотелось внести какой-то новый пласт, важно придумать образы, основываясь на органике ребят. Получилось, по-моему, прикольно. Но, повторюсь, пересказывать пьесу – дело благодарное, надо смотреть. Приходите в театр! Приходите в театр для того, чтобы изучать себя. Зритель – главный, ключевой момент в театре. Театр – не столько место, где показывают спектакли, но место, где их смотрят. Важно, если зритель понимает, что приходит не развлечься, а узнать что-то новое для себя, про себя, про место, где живёт и зачем живёт. Это увлекает более, чем просто посмеяться или поплакать. Актёр всегда трепетно ждёт встречи со зрителем, понимающим, насколько он важен...

– Дудинскому Камерному желаю именно такого, равнодушного, зрителя. Говорят, что театр – это только для 5% избранных, но в Дудинке наверняка больше – театр должен объединять людей, это его социальная миссия.

В поисках Шамбалы

Премьера спектакля состоялась в малом зале, максимально (насколько позволяли меры предосторожности при пандемии) заполненным зрителями. Спектакль большой, многоплановый, но артистам замечательно удалось на всём протяжении действия держать внимание зрителя. Пьеса состоит из шести частей, и каждая часть – отрезок жизни героев, мужчина меняется в каждой части кардинально, ища и не находя свой, особый путь, меняется вместе с быстропеременчивым временем за дверью квартиры, в которой ждёт его наивная девушка, зрелая деловая женщина, одинокая мать – тоже в каждой части внешне разная, но остающаяся всё той же любящей, верной и ждущей Женщиной...

Герой Марка Осипенко даже постоянно имени в пьесе не имеет, в зависимости от очередного своего увлечения он – Анархист (совершенно отвязный и безбашенный шалопай, любитель рока, скорости и неограниченной свободы); Лорд (по моде лихих 90-х – «удачливый» бизнесмен); Серафим (некто монашествующий, причём выну-

жденно, и как будто раскаявшийся, «осознавший и воспринявший», но тоже как будто); Батка (остепенившийся, женившийся и обзаведшийся детьми, но опять же как-то понарошку); Палыч (ну это вообще (ваще): – якобы политик, ниспровергатель и так далее, но тоже ненадолго и не всерьёз); и, наконец, Шаман (самоназначенный, разумеется).

И после каждой этой своей социальной роли герой приходит, разумеется, к Вере, к Женщине, которая ждёт, растит его дочку, подняла с нуля бизнес, пока мужчина находился в поисках смысла, определилась и окрепла, оставаясь при этом прежней романтической... Дурочкой? Или – Женщиной? Всё прощающей, всё понимающей, всё преодолевающей и неукротимо ждущей... Замечательная, хорошо знакомая землякам актриса Камерного театра Катерина Ушакова в роли Веры открыла зрителю новые грани, глубину и многоплановость своего таланта.

– Две недели плотной работы – и вдруг Маша, Мария Юрьевна уезжает... Грустно! Нам так плодотворно работалось вместе! Вообще, это время нам надолго запомнится. Благодарна коллективу, классно раскрыли себя ребята, самозабвенно репетируя, какой-то совсем другой, очень творческой, лучшей своей стороной повернулись. Пьеса Ярославы Пулинович «Свой путь» – очень сложная, большая, интересная и неоднозначная, есть где развернуться актёрам. Моя героиня, Вера, – личность, она постепенно раскрывается. Когда героиня не нравится, мне, как, наверное, и каждому актёру, – играть трудно. Но Вера мне по-настоящему близка, я её понимаю, мне кажется, вполне, а если что-то мне не давалось – помогала Мария. И с Марком мне, разумеется, работать комфортно – мы с ним на сцене вместе так давно, что понимаем друг друга буквально с полувзгляда...

В каждой своей ипостаси Марк Осипенко разный, узнаваем его герой только по какой-то странной, завораживающей, щемящей нотке неуверенности, потерянности, бесприютности вечного странника и искателя смысла (таковы даже наглый Лорд и самоуверенный Палыч)..... Смысла чего? – Существования? Или Бытия, самой Жизни?.. Может быть, благодаря этой щемящей нотке и не удивляется зритель, за что, собственно, и полюбила Вера Анархиста – такого странного и беспутного, такого никчёмного и бесприютного.

Актёры труппы Анна Щипунова, Владимир Лобанов и Ильяс Ибрагимов совместно с режиссёром Марией Булатовой творчески

проработали замысел молодого драматурга Ярославы Пулинович и мастерски создали колорит, незабываемую ауру каждого отрезка времени, по сути – каждой эпохи, в которых и происходит действие оригинального спектакля. Часто для этого им достаточно использовать лишь краткий музыкальный штрих или просто упоминание о нашумевшем авторе. Герои молодых актёров (которые, может быть, и живут-то в спектакле не совсем по воле драматурга) – это Работяга (потому что постоянно вкручивает лампочки), МНС (младший научный сотрудник, поскольку в очках) и Продвинутой Гёрла (потому что классно провела сеанс полузабытой аэробики). Итак, Работяга, МНС и Продвинутой Гёрла (впрочем, называть их волен всяк по-своему) – слушают музыку, танцуют, поют и просто не мешают жить, любить и страдать Анархисту и Вере... Но так органично не мешают! Настолько, что при минимуме средств и предметов антуража безошибочно узнаваем каждый период жизни героев.

Кстати, с автором пьесы можно было бы и поспорить. Как это можно, дескать, любить такого неорганизованного и несознательного Анархиста? Ведь вовсе, редиска, не тянет на образцового строителя капитализма! Что это, мол, за мода такая – до 40 и более преклонных лет искать без ума-без памяти эту, как её, блин, Шамбалу смысла лучезарного? Смысл жизни искать изволили? А за станком стоять – Пушкину?! И вообще – нетрудно было бы посетовать на излишний эгоцентризм молодости молодого драматурга (простите за тавтологию): что

это, мол, вы всё о себе да о себе, любимых, а как же народ?!.

Но ни спорить, ни сетовать отчего-то не хочется. Потому что получилось талантливое, высокохудожественное прочтение умной пьесы, заставляющей задуматься. О чём задуматься? – Да обо всём...

– Весной у нас в планах детский спектакль (приоткрою завесу тайны) – «Карлссон, который живёт на крыше», готовим его в рамках акции «Жить побеждая», – рассказала в кулуарах, когда смолкли аплодисменты и расходились зрители, режиссёр Камерного Катерина Ушакова. – На осень тоже планы имеются. Будем готовиться к юбилею театра, вспомним всех причастных к Камерному поимённо – а таких на нашем талантливом Таймыре чуть ли не полгорода. Осенью также будет новый спектакль, рабочее название – «Заполярные сказки». Часть сказок мы сочинили сами. Будем ставить на большой сцене, задача – передать национальный, северный колорит, привлечём к работе молодёжный танцевальный коллектив, спутник ансамбля «Хэйро» – национальную хореографическую группу «Альта». Работаем, и это волнительно, это приятно, потому что для нашего зрителя!

– ...Зачем мы были? – спрашивает Вера в финале пьесы. Кого спрашивает – Анархиста? Лорда? Серафима? Батьку? Палыча? Шамана? Или?..

Хабир ХАРИСОВ

г. ДУДИНКА
Фото автора

Александр ОБАИМОВ,
начальник авиаметеостанции Тикси

ТАМ, ГДЕ РОЖДАЕТСЯ РАССВЕТ...

Каждый раз, отправляясь в очередную экспедицию, я жду от неё не только новых впечатлений, прекрасных фотографий, но и незабываемых встреч с интересными людьми. И, как правило, это всегда происходит. В последние годы НЭС «Михаил Сомов», начальником экспедиции – которого мне приходилось быть неоднократно, регулярно совершает рейсы к самым восточным рубежам нашей Родины – к берегам Чукотки, в частности на остров Врангеля.

Другого такого острова в Арктике нет. Недаром его называют осколком древней Берингии и оазисом жизни: здесь, далеко за Полярным кругом, сохранились до наших дней редчайшие виды растений и животных. Этот остров – крупнейший в мире «родильный дом» белых медведей и единственное в стране гнездовье белых гусей, лежбища моржей и птичьи базары, стадо акклиматизированных недавно овцебыков и стаи легендарных розовых чаек...

Наша справка: Остров Врангеля – российский остров в Северном Ледовитом океане между Восточно-Сибирским и Чукотским морями.

Находится на стыке западного и восточного полушарий и разделяется 180-м меридианом на две почти равные части. Отделён от материка (северное побережье Чукотки) проливом Лонга, шириной в самой узкой части около 140 км. Административно относится к Чукотскому автономному округу. Входит в состав одноимённого заповедника.

Первым, кто официально сообщил правительству Российской империи и миру о существовании острова, стал лейтенант Российского флота Фердинанд Петрович Врангель. Сведения о существовании острова были получены им от аборигенов Чукотки, по гражданскому статусу – подданных Российской империи.

Право открытия и государственная принадлежность острова Врангеля долгое время оспаривалось Канадой и США на том

Каургин Гриша на охоте на моржей

основании, что первыми, увидевшими остров Врангеля, и высадившимися на нём были американцы.

За этими претензиями последовали авантюрные попытки Вильямура Стефансона ввести остров под юрисдикцию Британской Империи в лице Канады путем незаконной колонизации. Попытка захвата острова привела к трагедии – все четверо мужчины из первой группы погибли, другие попытки закончились депортацией нелегальных колонистов.

Для обеспечения государственного присутствия Советского Союза на острове Врангеля, в 1926 году на нём, под руководством советского исследователя Арктики Георгия Алексеевича Ушакова, было основано постоянное поселение. С этого момента началось систематическое изучение и освоение острова.

Когда в первый раз мне довелось ступить на эту далёкую землю, то я был поражён увиденным зрелищем. Вершины хребтов в погожий день, подсинённые солнечным светом, делают этот край величественным и непокоренным царством.

В горной части острова чувствуешь себя как на чужой, незнакомой планете – пологие каменные холмы, скалы и мёртвая вода полувысохших речек. Ни рыбы, ни каких-нибудь жуков и козявок нет в этих речках, питаемых снегом. Только синева неба да белые совы на бугорках напоминают: это все-таки родная тебе планета Земля.

Остров Врангеля – один из самых недоступных заповедников мира, объект всемирного наследия ЮНЕСКО, царство льдов, ветров и полярных сияний. Постоянного населения, кроме шамана Григория Каургина, отказавшегося покидать остров в конце 90-х, не осталось. Путёвка на Врангеля в рамках двухнедельного круизного тура по Чукотке

стоит от 700 тыс. рублей, однако есть и альтернативные пути для тех, кто влюблен в мрачноватую красоту Арктики. В первую очередь можно стать научным сотрудником заповедника «остров Врангеля» и тогда вы сможете наслаждаться всеми прелестями этого острова в полной мере. Также можно стать сотрудником полярной метеорологической станции Остров Врангеля, но без разрешения и сопровождения инспекторов заповедника передвигаться по острову нельзя.

Медведи на этом острове кардинально отличаются по поведению от собратьев с той же Новой Земли. Местные мишки всегда толстые, упитанные, и обычно безобидные и пугливые. После крайне худых и агрессивных новоземельских медведей это кажется фантастикой.

Полярная ночь на этом острове длится около двух месяцев. Когда нет облачности, часто видно северное сияние. Несколько раз я наблюдал многоцветное и очень масштабное сияние, это сказочная картина. Лето здесь наступает в июле, оно короткое, но яркое – тундра цветёт, всё оживает. Есть грибы, комаров нет. В летний сезон приходят туристические корабли, которые делают тур по Чукотке. Судно подходит к острову, на борт поднимается сотрудник отдела охраны заповедника, и сопровождает туристов на высадке, смотрит, чтобы их не съели медведи, и чтобы туристы не навредили природе острова. Гости высаживаются в нескольких точках, смотрят на зверей, птичьи базары, фотографируют и уходят. Едут, в основном, обеспеченные европейские пенсионеры, но и из Австралии и Новой Зеландии людей тоже немало.

На острове Врангеля проживает любопытное животное – песец. Весьма разговорчив, причём издаёт разнообразные звуки: урканье, плач, скуление, кудактанье,

верещание, но чаще всего песцы лают. Они лают при патрулировании границ своего участка, перемещении по территории, переключке друг с другом, никогда не стесняются подходить первыми, людей практически не боятся. Песец внимательно смотрит, нюхает, оценивает на возможность что-нибудь стащить и съесть. Обычно питается мелкими грызунами, особенно любит леммингов, а также птиц и птичьи яйца. Быстр и хитёр. Жизнь возле колонии белых гусей для этого красавца – настоящее пиршество. В день песец может стащить у гусей несколько десятков яиц.

Экологический туризм в заповеднике «Остров Врангеля» начал развиваться ещё в 90-е, но большой отклик он нашёл именно сейчас. Люди – и иностранцы, и наши соотечественники – более решительно стали отправляться в далекие экстремальные туры. В путешествие люди часто берут профессиональную фототехнику, и увозят с собой потрясающие снимки, которые затем облетают весь мир.

Сейчас на острове Врангеля есть девять экологических маршрутов, самый популярный из них – кольцевой, вокруг острова на судне. Туры организуют Travel Pacific и Pacific Network. Из-за труднодоступности острова путешествие нужно планировать заранее, путёвки раскупаются быстро. Туристические суда приходят с конца июля по конец сентября, и, если позволяют погода и ледовая обстановка, подходят к острову Врангеля, высаживают пассажиров на берег для прогулок и осмотра, а также подходят к заповедному острову Геральд. В начале туристического сезона к острову не всегда удаётся пробиться, а к его финалу льда порой почти не остаётся. Одежда для

путешествия нужна не просто теплая, а ветрозащитная. Нужно быть готовыми и морально, и физически, ведь за день может быть по нескольку высадок на берег для долгих прогулок. К счастью, в заповедник приезжают энергичные, любознательные, сознательные гости, способные оценить хрупкую красоту русской Арктики.

Летом Арктика пробуждается от долгой полярной ночи, и к прибытию первых туристов остров Врангеля зацветает ярким ковром из арктических растений, поражая многообразием видов и красок. Я, например, могу смотреть на это очень долго, пока позволяет время. Когда льды окружают остров, в объективы камер то тут, то там попадают белые медведи, моржи, нерпы и лахтаки. Тысячи морских птиц оглушают при приближении к базарам – местам их скопления на отвесных скалах в нескольких районах. Самая крупная гнездовая колония белого гуся в Азии занимает огромную территорию в глубине острова. Всюду кипит жизнь, и важно не навредить. Например, в период гнездования птиц даже сотрудники заповедника ходят, пригнувшись. Перед высадкой сотрудники отдела охраны знакомят всех с нормами и правилами поведения на территории заповедника. Особенно важна безопасность при встрече с белым медведем, когда нужно работать единой командой.

ПОСЛЕДНИЙ ШАМАН ОСТРОВА

Как и обычно, нашей основной задачей было обеспечение местной метеостанции и работников заповедника жизненно необходимым грузом для зимовки. Надо сказать, что с нашим прибытием на этот

далёкий край земли, жизнь островитян заметно оживилась. Ко мне подошёл человек индейской наружности с повязкой на голове.

– Вы здесь старший? – безошибочно угадал он во мне начальника экспедиции.

Я кивнул головой и представился. Он протянул свою мозолистую руку, также назвал себя. – Я Гриша Каургин, может быть слышали?

– Конечно, слышал, Григорий. Я Вам диск привез с видеоклипом, помните, наши ребята снимали Вас?

– Помню, спасибо большое! Получилось хоть?

– Пойдёмте в дом, сами увидите.

После просмотра фильма и рюмки коньяка из моей походной фляжки Григорий сразу пришёл в благодушное состояние: «Хорошо сделали, музыка ритмичная, мне очень понравилось».

– Григорий, а Вы здесь давно?

– Я местный коренной житель, – не без гордости в голосе ответил мне он и поведал мне свою историю.

Григорий Каургин живёт тем же укладом, что и его предки сотни лет назад. Приезжающих с Большой земли он не чурается, но сам туда ни ногой. Природа здешних мест ему куда ближе, чем люди. И встреча с хозяином Арктики – белым медведем, пугает его меньше, чем современная цивилизация. Он – последний обитатель некогда большого посёлка Ушаковский. Ещё его, чукчу с индейскими корнями, считают последним хранителем древней шаманской династии, который знает язык животных. Он пишет стихи акынского свойства: по принципу «что вижу, то пою», людей рассматривает, как природное явление и даже сопоставляет их с определёнными видами животных.

– После распада совхоза, когда заповедник

здесь появился, и власти запретили охоту на моржей и белых медведей, наши все уехали на Чукотку. Кто куда – Провидения, Лаврентия, Шмидта, Чаун. Ну, в общем, туда, где можно охотиться, вести привычный образ жизни...

Ему тоже много раз предлагали переехать на материк, но Григорий на это отвечает категорическим отказом. Говорит, в тундре весь его смысл жизни. Выжить «последнему шаману» в совершенно пустом посёлке помогают сотрудники заповедника и метеостанции, хотя Григорий Каургин уверяет, что выжил бы и без этой помощи, на острове хватает рыбы, морского зверя, оленей, но в условиях заповедника о навыках охотника и рыбака, как сам он утверждает с сожалением, вспоминает только в ритуальных танцах.

Тут моё внимание привлекла очень красивая лайка чёрного окраса с белым галстуком на груди, этакий аристократ острова Врангеля. Григорий перехватил мой взгляд и опередил мой вопрос: «Это Чук, удивительно преданный и умный пёс, столько раз меня выручал. Вот смотри: «Чук, где медведь?»

Собака насторожилась, начала оглядываться, вставать на задние лапы, стараясь расширить для себя горизонт, потом залаяла.

– Чук очень хорошо чует медведя, ни за что не пропустит. Я по острову спокойно передвигаюсь безо всякого навигатора и оружия, зная, что собака со мной. Попадал я и в метель много раз. Собираешься, надеваешь вот такую кухлянку, собаку к себе под бок подбираешь, и спать, прямо в медвежьей берлоге. Это вам не в городе на простынях. Если ты не знаешь тундру и землю, здесь не выживешь... Знаете, как называют наш остров

эскимосы? «Умкилир» – «Медвежий остров». И это действительно так. Невозможно его себе представить без хозяина Арктики.

На острове раньше жили люди разных национальностей: чукчи и эскимосы, русские и украинцы, литовцы и татары – да мало ли кто ещё. Похоже, национальные вопросы тут никого не волновали. Безусловно, зверобоев лучше эскимосов не было, хотя береговые чукчи тоже искусные охотники. В свою очередь, оленные чукчи были твёрдо уверены, что из эскимосов никогда не выйдет настоящего чаучу, то есть оленевода. Но вслух

это не обсуждалось. Тем более, что на острове нередко были смешанные браки. Например, у Гриши Каургина жена была эскимоска, а сам он – чукча.

Надо заметить, что женщины северных народностей несколько отличаются от южанок. Не все, например, знают, что чукчанки не кричат во время родов, в кровь искусывая губы от боли. Считается, что кэлы (злые черти) только и ждут рождения нового человека, чтобы залезть к нему вовнутрь и оттуда отравлять жизнь ему и окружающим. Также они (черти) поступают и при болезни

ребёнка. Поэтому чукчи иногда с болезнью ребёнка даже меняют ему имя, чтобы обдурить чёрта.

Эскимоски внешне очень спокойны, обладают врожденными способностью к рисованию, прекрасные матери и хозяйки, но, по словам их мужей, у каждой черт сидит внутри и только караулит момент, чтобы выскочить и устроить какую-нибудь пакость.

Грише, например, на всю жизнь осталась отметина на лбу и сильно искривлённый нос. Это жена в порыве ревности его молотком

стукнула. Был даже суд, но Гриша на свою жену был не в обиде – сам повод дал.

На прощание Григорий подарил мне очень красивую друзу горного хрусталя, которая затем заняла достойное место в музее на НЭС «Михаил Сомов».

ПЕРВОЗДАННАЯ ТУНДРА

Кроме того, что остров Врангеля знаменит своими белыми медведями, есть у него ещё одна изюминка – овцебык или мускусный

Памятник Г.Ушакову,
основателю поселения
на о. Врангеля

бык. «Умингмак» («бородатый»), так его называют эскимосы острова Нунивак, откуда в 1975 году их в количестве 20 особей переселили на остров Врангеля. И они замечательно прижились, сейчас ученые заповедника насчитывают более 800 голов. Несколько тысячелетий назад овцебыки были обычными обитателями Евразии. Они паслись бок о бок с мамонтами, первобытными бизонами и волосатыми носорогами на огромной территории от Испании до Чукотки. Однако из-за изменений климата большинство представителей так называемой «мамонтной» фауны вымерло. Овцебык оказался одним из самых стойких. Его многочисленные стада сохранились до нашего времени в тундрах Северной Америки и Гренландии, куда он когда-то проник по «берингийскому мосту».

Встретить этих длинношерстных великанов на острове Врангеля теперь стало совсем не сложно. Они спокойно относятся к присутствию человека, да и белый медведь не слишком охоч до его мяса, которое по сравнению с нерпой все-таки жестковато. Волки – единственные естественные враги овцебыка – очень редко посещают остров. Так что североамериканским переселенцам тут полное раздолье. С такой шубой им не страшна даже суровая местная зима. Кста-

ти, в 2010 году «Михаил Сомов» вывез в Певек десять овцебыков для дальнейшей отправки в Московский зоопарк. Так что популяция «бородатых» уже известна далеко за пределами Чукотки...

В конце июля – начале августа к острову Врангеля приходят тысячи тихоокеанских моржей, мигрирующих на север после зимовки в Беринговом проливе. Каждое лето у берегов острова появляются серые киты. Осенью мимо берегов острова проходят стада белух. Острову Врангеля везло: в последние ледниковые периоды он ни разу полностью не покрывался льдами, а в глобальные потепления не бывал полностью затоплен морскими водами. Именно поэтому здешние почвенные покровы и растения дают нам уникальное представление о том, как выглядела тундра в эпоху плейстоцена.

Когда попадаешь на остров Врангеля – то словно переносишься в прошлое на сотни тысяч лет. Биологическое разнообразие здесь и по сей день остается таким же богатым, как в древности. По мнению палеонтологов, остров Врангеля был еще и последним оплотом шерстистых мамонтов. Когда совсем недавно учёные принялись изучать кости мамонтов на острове Врангеля, они сделали удивительное открытие: оказалось, что последние мамонты жили там менее четырёх тысяч лет назад. Точнее — три тысячи семьсот лет назад. Это значит, что последние мамонты острова Врангеля были современниками египетских пирамид и вавилонской башни.

Остров Врангеля – место, где кончаются заповедники РФ. Побывав тут, вы узнаете о том, как выглядит не просто Дальний Восток, а самый «крайний восток» нашей страны.

В 2010 году заповедник объявил акцию «Чистый Остров», цель которой очистка территории заповедника от антропогенных загрязнений, оставшихся со времён функционирования на острове Врангеля отделения оленеводческого совхоза, поселка Ушаковское и военных баз. Очистка территории заповедника от техногенного мусора была одним из условий включения в 2004 году острова Врангеля в Список объектов всемирного природного наследия ЮНЕСКО.

«Жемчужиной Арктики» называют остров Врангеля, осталось только навести лоск, чтобы название соответствовало этому. Ведь согласно легенде на этом острове, за мысом Уэринг, рождается рассвет.

г.ТИКСИ

Фото автора

Тайны Дятловского перевала

Материалы о происшествии, которому посвящена эта статья, я стал собирать задолго до того, когда вокруг него возник наблюдаемый сегодня ажиотаж. О версиях происшествия не высказывался только ленивый. Поэтому я долго остерегался публично выражать свою точку зрения – чтобы не становиться в ряд с теми, кто пиарится на этой трагедии, и не попасть под обвинения в стремлении «защитить мундир». Хотя оснований для интереса к данным событиям у меня, наверное, больше, чем у других исследователей.

В начале февраля 1959 года в горах Северного Урала погибла группа туристов Уральского политехнического института под руководством Игоря Дятлова.

Тема мне близка, во-первых, потому, что я тоже выпускник радиофака УПИ, только окончил его на двадцать лет позже, чем должны были это сделать участники похода. Некоторое время тоже был участником турклуба института, пока плотно не увлёкся творчеством. Там, при инструктаже и услышал впервые о студентах, погибших в зимнем походе.

Во-вторых, я не один и даже не два десятка лет, а больше половины своей жизни и почти всё здоровье отдал той самой организации, которую отдельные представители нынешней свободной культурной интеллигенции называют «наиболее преступной, стоявшей вне и сверх закона», и которая, по версии большинства исследователей, убила дятловцев.

Данную версию, кстати, озвучил два года назад в одной почти рекламной телепередаче великий путешественник, тоже выпускник УПИ, Рудольф Седов. Магаданец. Это в-третьих. Почему одному магаданцу можно высказывать своё мнение, кстати, влияющее в нынешний поток антироссийской информации, направленный на дестабилизацию обстановки в стране, в том числе формированием

агрессивного отношения к правоохранительным органам, а другому нельзя? В порядке альтернативы. Тем более слова Рудольфа Владимировича поспешно переозвучили местные СМИ, в том числе партнёр иноагента, получающий деньги из кошелька, ориентированного за океаном на «противодействие российской пропаганде».

Ну а в-четвёртых я скажу ниже.

Прежде всего хочу выразить соболезнование и сопереживание близким и друзьям погибших, у которых каждый новый вброс информации на данную тему, наверное, отдаётся болью в сердце, и попросить у них прощение за то, что я тоже не удержался.

Касаясь турклуба УПИ (а также альпклуба – есть и такой), нужно отметить традиционно тщательную подготовку к походам под руководством опытных инструкторов. Кандидаты в течение учебного года тренировались в условиях города и в помещениях в установке палаток, ориентировании на местности, укладке рюкзаков – вообще во всём, что нужно для похода. Даже в подборе рациона и приготовлении пищи. Закрепляли всё это на практике в ходе туристических слётов. Если не показал инструктору, что усвоил необходимый минимум навыков, до похода не допускали. Перед выходом в поход тщательно изучали местность по маршруту. Более того, группы подбирались с учётом психологической совместимости. И эта совместимость проверялась, подтверждалась и закреплялась в процессе коллективных мероприятий в городских условиях – совместные экскурсии в кино, празднование дней рождений. Даже играли в «Зарницу». Поэтому мнения некоторых исследователей о непрофессионализме руководителя группы и её участников или внутреннем конфликте я отвергаю.

Версий о причинах гибели дятловцев кон-

Группа студентов из г. Куйбышева, погибших на Кольском полуострове зимой 1973 года

спирологами высказывается бесчисленное множество, но я остановлюсь на анализе той, в которой считаю себя более-менее компетентным. А именно на том, что к гибели туристов якобы имеют отношение спецслужбы.

Во-первых, и об этом говорилось уже не раз, в таком случае не осталось бы никаких следов. Таковы правила подобных структур. И мы бы сейчас говорили не о гибели туристов, а об их таинственном исчезновении. К такому же выводу можно прийти даже если принять во внимание позицию людей, которые как раз и занимаются формированием агрессивного отношения к силовикам, и насаждаемые в процессе этой кампании образы злых и коварных «палачей-НКВДшников» и «ГэБистов» — уж такие следов за собой не оставляют.

Во-вторых, при наличии интереса спецслужб к данным событиям никто бы не допустил к поискам пропавшей группы обычных студентов, к осмотру обнаруженных тел — провинциального медика. А ведение следствия не доверили бы провинциальным юристам, и обязательно организовали бы оперативное сопровождение. Хотя бы для контроля — или непосредственно сотрудниками заинтересованного ведомства, или через доверенных людей.

Надо также вспомнить, какой это был год — шестой после смерти И.В.Сталина и третий после XX съезда. После жесточайшей их критики по правоохранителям «прошлись» так называемым «хрущёвским» сокращением, чисткой. Многие сотрудники были осуждены и получили сроки заключения. Принят ряд постановлений, устанавливающих за органами контроль. С этой целью в их ряды был

влил поток представителей партийных и комсомольских аппаратов. Карательные меры, а значит силовое решение вопросов, осуждалось. Возражения против политики «развенчания культа личности» приравнивались к враждебным и антисоветским высказываниям. Проводилась кампания, как всегда у нас кое-где превратившаяся в кампанейщину, на усиление воспитательной работы с преступниками. И я этого уже не раз касался в своих очерках. Иногда дело доходило до абсурда: лиц, совершивших тяжкие преступления, отпускали на свободу под честное слово, что они «больше так не будут». Наглядные примеры — фильм «Верьте мне, люди!» с К.Лавровым, а также биография Почётного гражданина Магаданской области В.Туманова. Ну и результат — новочеркасские и им подобные события, где представители криминала, число которых в некоторых местах превышало критическую массу, а где-то под их контролем даже находились целые населённые пункты, провоцировали переход мирных протестов в массовые беспорядки.

Об обстановке в органах в тот период рассказывают в своих воспоминаниях М.Апик и А.Шиверских в альманахах «Место действия — Колыма», №№ 1 и 3 (г.Магадан, 2008 и 2009 г.). Похожая ситуация в «органах» наблюдалась и в конце 80-х, после чего, как известно, развалился Советский Союз. Не хочется думать, что и сегодняшние попытки их дискредитации это звено из той же цепи.

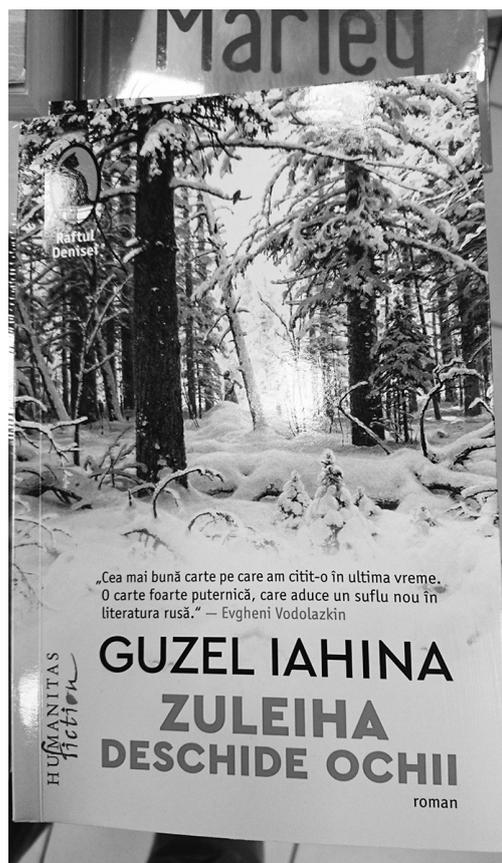
Поэтому в тех условиях принять решение и дать указание о «зачистке» — это пойти против линии партии, а, значит, лишиться не только

карьеру, но и всего в жизни. Хотя, для партапаратчика карьера – это, наверное, и есть самое главное в жизни. Единственно, кого можно было бы подозревать в принятии подобных решений – Н.С.Хрущёва, «идеолога оттепели», в нарушение им же подписанных постановлений.

Сама по себе «зачистка» – это не единовременное мероприятие. Должны устраняться не только сама угроза, но и возможные предпосылки к утечке информации. Почему не «зачистили» студентов, принимавших участие в поисковых работах? Это ведь так просто – сколько у нас людей на природе пропадает. Делая такой вывод, понимаю, что даю ещё одно направление конспирологам для исследований в доказательство их версий – выяснять кто и при каких «подозрительных» обстоятельствах из участников поисков ушёл из жизни. А у последних могу спровоцировать признаки мании преследования.

Трое из девяти участников похода были студентами радиотехнического, один – физико-технического факультета, а один или даже двое уже работали на режимных предприятиях. На указанных факультетах имелись закрытые лаборатории, где занимались исследованиями и студенты после оформления соответствующего допуска. Будучи студентом, в такой лаборатории работал и я по теме своего диплома, связанной с минимизацией антенных устройств ракетного оружия – никаких секретов я не выдаю, поскольку мой научный руководитель уже является гражданином государства – всемирного эталона и экспортёра свободы и демократии, для чего, наверное, и нужны указанные разработки. Остаётся только порадоваться достижениям нашего заокеанского соседа в различных науках, в том числе в развитии космической и летательной техники, достигнутых в результате перестройки и сопутствующей данному процессу «утечке мозгов». Стипендия «очников» радиофака была выше обычной вузовской на 15 руб. (в ценах после реформы 1961 года), потому что большинство выпускников направлялось на работу в оборонную сферу. Все студенты об этом знали и ещё в период учёбы были знакомы с первым отделом. К старшим курсам, после производственной и преддипломной практик, и, работая над дипломным проектом, уже являлись обладателями настоящих секретов, а не мнимых, якобы, появляющихся после взрывов. Поэтому убийство дятловцев из-за того, что они стали свидетелями каких-то испытаний, противоречит всякой логике. Пятеро из них теоретически уже были подготовлены к проведению подобных испытаний.

Многим известно правило правоохрани-

тельных органов, часто демонстрируемое в художественных произведениях, – «до окончания следствия никаких комментариев на сторону». В случае с гибелью группы Дятлова это правило было нарушено, и все следователи и исследователи находились и до сих пор находятся в плену предположений, насаждаемых общественностью, основанных на домыслах. А вывод о причастности спецслужб делается на фоне сформированного в нашем обществе о них за последние годы мнения, что они «плохие», «палачи», «душители» свободы и т.п. Участники поисков изначально находились в плену этой версии и обращали внимание только на те признаки, которые её подтверждают.

К сожалению, версия о спецслужбах довольно живуча, несмотря на то, что выдвигают её некомпетентные люди, считающие себя профессионалами в других делах – туристы с большим стажем, журналисты в угоду конъюнктуре. Ещё в таких случаях стало модным спрашивать известных артистов, певцов (в нашем случае – путешественника), используя не их компетентность, а медийность, как катализатор собственного рейтинга. Консультации с экспертами из числа представителей правоохранительных органов и спецслужб сейчас приветствуются не особо, будь то даже сценарий обычного художественного или документального фильма.

Некое лукавство просматривается в поведении отдельных известных мне родствен-

ников погибших, подогревающих лишь одну «правду» – гибель от нештатных ситуаций в результате испытаний ракетного оружия или «зачистки» спецслужбами, что предполагает, наверное, какую-то компенсацию от государства.

Случаев гибели туристов, альпинистов, полетчиков при необычных и неуставленных обстоятельствах, к сожалению, довольно много.

По данным МЧС Киргизии ежегодно на пике Ленина, на Памире, где в августе 1974 года погибла группа Эльвиры Шатаевой (см. фото), происходит до десяти аварийных ситуаций, требующих спасательных работ, из них до трёх – со смертельным исходом. Несчастные случаи обусловлены как субъективными факторами, формируемыми самими людьми, так и природой гор.

14-го февраля 2021 года в горах Магаданской области погиб турист, принадлежащий, как с удовлетворением обыграл это один одиозный блогер, «к особой касте» – преемнику «наиболее преступной, стоявшей вне и сверх закона» организации.

В том же районе, который сейчас называется «Перевал Дятлова», в 1960-м году в трёх авиакатастрофах погибли девять геологов и лётчиков, в 1961-м – девять туристов из Ленинграда. В выводах

расследований данных происшествий, как и всех им подобных случаев, не имеющих свидетелей, есть сомнения. Может сторонникам неприземлённых версий гибели дятловцев объединить все эти расследования? Вот где простор для фантазии.

Но именно к гибели дятловцев приковано больше всего внимания. И вот тут, я думаю, можно поговорить о причастности спецслужб.

Следует вспомнить, что конец пятидесятых – начало шестидесятых – это годы активной разработки и испытаний ядерного оружия. В этот период испытания советских разработок были перенесены из оренбургских степей на Северный Урал, на Новую Землю. Их последствия в виде повышенного уровня радиации фиксировались на вершинах уральского хребта. Я сам лично сталкивался с такими проявлениями в процессе походов аж в восьмидесятых годах. Этим можно объяснить и обнаружение радиации на одежде дятловцев. А если говорить о единовременном радиоактивном заражении в результате испытания, от которого якобы погибли туристы, то следы радиации остались бы и на поисковиках, и отразились бы на их здоровье, чего мы не наблюдаем.

Случаев непреднамеренного попадания в зоны испытаний оружия так же много, как и случаев гибели групп туристов. Семья отца

моего одноклассника в детстве проживала в Оренбургской области поблизости от испытательного полигона. Мальчишкам удавалось проникать на его территорию и играть в построенных там макетах сооружений. При появлении военных они прятались. Однажды эти игры чуть не закончились трагически – мальчишки попали под настоящий обстрел, но никто, к счастью, не погиб. По окончании стрельбы их обнаружили, но не «зачистили», не наносили удары в височную область и по рёбрам. Отец моего одноклассника вырос, закончил финансовый институт, работал бухгалтером. Но умер в молодом возрасте. Как тогда говорили, от «белокровия».

Ко времени гибели дятловцев весь мир уже знал об аварии на комбинате «Маяк», имелся опыт борьбы с последствиями. Что-то скрывать подобное не было оснований. Если б на месте гибели было радиоактивное заражение, то сделали бы зону отчуждения с оцеплением, не только с целью заботы о здоровье людей, но и в интересах сохранения секретов. И не было бы туда паломничества, ни туристов, ни журналистов. Ни тогда, ни сейчас. Хотя бы из их опасений за своё здоровье.

Интерес спецслужб вероятного противника СССР к Северному Уралу реализовывался в виде полётов над его территорией самолёт-разведчиков. Один из них – ведомый лётчиком Пауэрсом – сбит как раз над Свердловском. Бывший заместитель губернатора штата Аляска Дэвид Рамсер в презентованной им в 2018 году в Магадане книге «Растопить ледяной занавес» рассказывает (стр.12), что таких полётов американские ВВС совершали более 40 в месяц, а операция называлась «Звёздная пыль» (видимо, чтобы растопить ледяной занавес и нужно было участие военных и спецслужб). Они решали задачу обнаружения повышенного фона радиации и не раз получали подтверждающие это данные. Естественно, самолёты оснащались всей возможной разведывательной аппаратурой, включая средства радиоперехвата, что на тот момент было самое простое.

И о гибели туристов в горах Северного Урала тогда поведал «Голос Америки». Все «голоса», вещавшие на советскую аудиторию, дали ставку на информацию, которую по тем или иным причинам власти нашей страны скрывали, и на изложение событий в выгодном противной стороне контексте. В данном конкретном случае партсоаппарат не был заинтересован в том, чтобы население узнало о трагедии, поскольку только что завершился XXI съезд КПСС, провозгласивший переход Советского Союза к коммунизму, который по прикидкам «идеолога оттепели» должны были построить к 1980 году, а в советской прессе

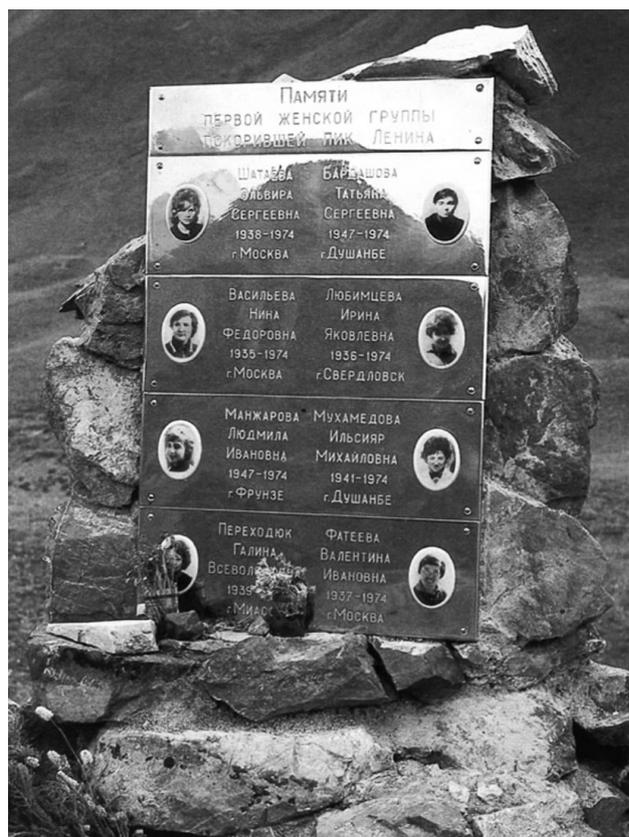
обсуждались «исторические» решения партийного форума. Переговоры поисковиков, а также разговоры чиновников по открытой связи о том, чтобы не предавать происшествие огласке, и были перехвачены.

Обнародование их содержания тогдашним противником Советского Союза имело цель – дискредитировать политику СССР. То есть то, чего боялись партийные и советские власти, скрывая информацию.

Но ограничение породило повышенный спрос, и у нас, и за рубежом. В начале 90-х дополнительный импульс теме гибели дятловцев придала Н.Ельцина. Правда, из благородных побуждений увековечения памяти своих сокурсников. Но, как всегда в подобных случаях, учитывая её высокий общественный статус, нашлись те, кто подыграл и использовал это в собственных интересах, в отсутствие конкретики используя художественный вымысел. Если б на месте Наины Иосифовны был другой выпускник УПИ, эта тема бы умерла. Но она из информационного пространства не исчезает до сих пор, ныне подогреваемая уже СМИ, действующими в русле конъюнктуры и установок, что в прошлом в России всё было только плохо.

Надо полагать, что если бы в районе, где находилась группа Дятлова, проводились испытания или случилась нештатная ситуация с образцом, самолёты-разведчики США это бы зафиксировали. Либо позже перехватили передвижение или переговоры поисковиков от конструктора и производителя данного образца. И это было бы использовано в анти-советской пропаганде. Но не использовано, и никто даже не догадался в то время подобное сочинить, хотя эффект от такой информации в плане противодействия советской идеологии был бы разрушительным. Можно, конечно, допустить, что американцы умолчали о задокументированном ими факте, чтобы не раскрывать свои секреты, и ограничились лишь распространением факта гибели группы туристов, чтобы спровоцировать поток слухов и версий, в котором вылавливать то, что заслуживало внимания разведки. Однако о полётах над территорией СССР их самолётов-разведчиков советской стороне уже было известно, но для наших средств ПВО до определённого времени они были недостижимы, и всё это, с другой стороны, не было тайной для военных США. Кстати, о сбитом лётчике Пауэрсе оперативно поведал тот же «Голос Америки».

Сейчас, конечно, в условиях обострения информационного противоборства кто-то может «найти» соответствующие «материалы» в архивах разведки, может, «случайно», и использовать их. Но это уже будет вписываться в сценарий о чудесных исцелениях поло-

жительных для Запада героев от отравлений веществом нервно-паралитического действия с необратимым влиянием на психику и стопроцентным летальным исходом. Останется только удивляться, почему в случайной ситуации, при ураганном ветре яд (допустим) подействовал смертельно, а те, кого «отравили» целенаправленно, выжили.

Попытки тогдашних свердловских властей скрыть информацию о гибели туристов могли иметь ещё одну подоплёку. В том случае, если причина трагедии была бытовая, к примеру, алкогольное отравление. Данная версия уже высказывалась рядом авторов и в её подтверждение в открытых публикациях, которыми кишит информационное пространство, можно выделить ряд признаков. Публикаций достаточно много, поэтому я не буду злоупотреблять ссылками.

Прежде всего обратим внимание на исследование уральца Валентина Дегтярёва (ura.ru) дневника З.Колмогоровой, в котором ему на пустых страницах удалось обнаружить давлённый текст записки, где, в частности, есть слова: «мы ослепли».

Обстановка в обнаруженной палатке указывала на то, что дятловцы готовились ужинать. А, может, закусывать, отмечая чей-то день рождения или иной повод? 2-го февраля день рождения С.Золотарёва.

В советское время спирт «доставали» на предприятиях, члены группы имели связи в

«оборонке», а на каждом таком производстве имелись химлаборатории и химцеха. Количество задержанных лиц в нетрезвом виде на выходе с таких предприятий порой на порядок превышало число задержанных в подобном состоянии на входе. Особенно в период антиалкогольных кампаний. Каюсь, в своё время приходилось «пробовать» спирт со свердловских заводов оптико-механического и электроавтоматики. Можно допустить, что дятловцы случайно «достали» не тот спирт или ещё что-то на него похожее, более ужасное (то, что «разливается» и выпадает при испытаниях).

В палатке дятловцев обнаружен разрез изнутри. Однако такой разрез делается не только для того, чтобы в спешном порядке покинуть палатку, но и для доступа воздуха, в растерянности или даже в панике от того, что кому-то резко становится плохо. Кроме того, снаружи, где белый снег, светлее, даже когда небо закрыто тучами, и сделав разрез, можно быстро проверить, действительно ли зрение ухудшилось.

Если в районе нахождения группы выпал осадок какого-то ядовитого топлива или отравляющего вещества, то не надо было покидать палатку, а опытные и теоретически подготовленные дятловцы это могли бы сообразить. Не зря в случае техногенных аварий и загрязнений в населённых пунктах МЧС рекомендует не покидать помещения и плотно закрывать окна и форточки. В городе Припять, во время чернобыльской аварии, те, кто последовал этим рекомендациям и дождался спасателей, получил меньшую дозу облучения, чем в суете попытавшиеся побыстрее выбраться из города.

Покидая палатку, туристы не взяли верхнюю одежду. Такое возможно не только с испуга, но и в том случае, когда выходят на

непродолжительное время, чтобы позвать товарища, который, почувствовав себя плохо, вышел на свежий воздух и потерял ориентировку. В результате тоже потеряли ориентировку.

Обнаруженные следы указывают на то, что пострадавшие шли цепью – так удобнее, чтобы не терять друг друга в отсутствии видимости или потери зрения, а также что-то или кого-то искать.

Позже палатку пытались найти наиболее физически сильные туристы. И именно более физически сильные в меньшей степени страдали от отравления.

Переломы рёбер у погибших могли быть не только от ударов, но и в результате оказания первой медицинской помощи в виде искусственного дыхания. Особенно с левой стороны.

Перечисленные признаки, описывающие действия дятловцев в экстремальной ситуации, подчёркивают то, что они до конца и профессионально боролись за выживание.

По свидетельству участника поисков выпускника УПИ С.Согрина, на телах погибших туристов, у рта обнаружена пена со следами крови, как при отравлении. Данных о других следах отравляющих веществ не имеется. В частности, на поверхности палатки.

С.Согрин также обращает внимание на то, что у туристов принято оставлять записки. Делается это на видном месте, чтобы легче было найти. Поскольку мы говорим о профессионализме дятловцев, то тот, возможно вырванный из дневника, листок или сам дневник с этим листком и текстом, который выявил В.Дегтярёв, они тоже положили с таким расчётом. Но записка в деле не фигурирует. Как и исчезли куда-то данные гистологического и химического исследования тел погибших. А на первое место выдвинута версия стихийной силы с неочевидными доказательствами (лавина, снежная доска), что, естественно,

вызвало недоверие и подозрение у населения в сокрытии властями истинных причин и добавило загадочности в обстоятельства происшествия.

К сожалению, следственные действия на месте гибели дятловцев проводились после того, как там изрядно потоптались поисковики. В таких условиях сложно определить, кому принадлежит тот или иной след или предмет. А многие доказательства могли быть просто уничтожены – «затоптаны». То, что на месте гибели дятловцев позже, во время следственных мероприятий, стали регулировать и ограничивать передвижение поисковиков, ни о чём не говорит – такое отношение к посторонним – не участникам следственных действий, по всем требованиям должно быть при каждом осмотре места происшествия.

Расследование всех резонансных происшествий, а гибель дятловцев была именно таким событием, в советское время стояло на контроле в партийных органах, куда в первую очередь докладывалась поступающая новая информация. Допускаю, что, как только появились данные, указывающие на возможное алкогольное отравление, поступило указание не придавать их огласке. И именно это стало причиной ограничения доступа к материалам дела (не «засекречивания», как выражаются многие).

Потому как мало того, что потеряли группу студентов, активных комсомольцев, почти инженеров, так ещё и по причине, компрометирующей всю идеологическую и воспитательную работу с молодёжью. Особенно, если уже успели протрубить в высшие инстанции, что поход был посвящён проходившему в эти дни XXI съезду КПСС. И это как раз в тот момент, когда вся страна в едином порыве взялась за строительство коммунизма!

Поисковики из числа однокашников погибших студентов, обнаружившие следы «пиршества», очень легко могли пойти на уговоры скрыть вещественные доказательства. Не угрозам, а обоснованием того, что пусть погибшие лучше останутся жертвами стихии, почти героями, чем банального алкогольного отравления. И ёмкость, в которой находился этот алкоголь, вероятно, постигла та же участь, как и записки З.Колмогоровой, гистологической и химической экспертиз.

Многих исследователей вводит в заблуждение разночтение в датах возбуждения уголовного дела. Где-то это 26-е февраля, а где-то 6-е. Необходимо отметить, что по нормативным требованиям к формированию некоторых дел, дата их заведения должна соответствовать дате появления первого документа. Почему, наверное, и возникает путаница – у одних уголовные дела возбуждаются, у других – заводятся. В данном случае эти глаголы обозначают разные действия – ведение следствия и ведение делопроизводства.

Но 6-е февраля здесь фигурирует также, наверное, не случайно. XXI съезд КПСС, которому был посвящён поход, завершился 5-го февраля. Скорее всего именно в день его закрытия и прозвучал рапорт о том, что поход дятловцев посвящён данному мероприятию. Разумеется, такие инициативы встречают одобрение. С этой целью возвращение группы было взято на контроль, и возник документ (или документы), подписанный 6-м февраля, с которого началась история о поиске группы, а затем доследственная проверка. В виде указания, телефонограммы, протокола или стенограммы.

Здесь становится объяснимой цель включения в группу самого старшего участника – С.Золотарёва. Как член КПСС он придавал

походу идеологическую составляющую и для него это был не поход, а партийное поручение. Необходимо подчеркнуть, что это было не время «позднего застоя», когда в партию принимали кого ни попадя. Возможно, туристы должны были оставить на одной из вершин хребта или вымпел, или капсулу, или ещё что-то подобное с посвящением мероприятия съезду или посланием потомкам 1980 года, «живущим при коммунизме». А для такого ответственного поручения и нужен был такой коммунист, как С.Золотарёв, с фронтовым и походным опытом и соответствующей теоретической подготовкой. Скорее всего, по возвращению ему отводилась роль пропагандиста с выступлением в СМИ о результатах выполнения поручения.

И тут, не привязываясь к версии о якобы причастности к гибели дятловцев манси, резонно будет затронуть мистику. Поговорка северных народностей гласит: «Если много о чём-то говорить, это уходит из тебя, и духи могут забрать то, чем ты не дорожишь». Выражаясь по-русски – сглазили.

В подтверждение изложенных в статье выводов полагаю изучить документы Свердловского обкома, Ивдельского райкома КПСС, парткома и Комитета ВЛКСМ УПИ того периода. В первую очередь материалы по переписке, стенограммы и протоколы заседаний. Если посчастливится – стенограммы заседаний XXI съезда КПСС, особенно в заключительный день. Также думаю, что на телевизионную передачу, где участников проверяют на детекторе лжи, надо бы пригласить поисковиков, которые первыми обнаружили палатку, и задать им вопросы в соответствии с озвученными мною выше предположениями.

Кому-то может показаться, что моё повествование направлено на осуждение истории нашей страны в советский период. Я такой цели не ставил и, более того, считаю социалистический строй прогрессивным. А неудачный опыт России в его строительстве человечество ещё изучит через годы или, может, столетия, когда внутренне будет к этому готово, и созреют все необходимые предпосылки и условия.

По моему убеждению, те процессы, которые в результате привели к развалу социалистической системы, начались как раз в так называемый «послесталинский» период, когда настоящих идейных борцов за коммунизм, генофонд системы, погибших за свою идею в первых рядах, стали всё больше заменять те, кто сумел отсидеться в тяжёлые годы, приспособиться. Именно тогда партаппарат начал ассоциироваться с партией и стал бесконтрольным, в том числе по причинам, которые я уже указывал. И эта тенденция к бесконтрольности чиновников на фоне последовавших из-

вестных решений, ударивших по уровню жизни простого населения (снижение расценок, повышение цен и т.д.) показывает, что начатое на XX съезде было прежде всего и в большей степени в пользу первых.

История правоохранительных органов знает немало примеров, когда выдвижение так называемых «космических» версий криминальных происшествий с привлечением разыскников высшего уровня заводило следствие в тупик.

В том же Свердловске в конце шестидесятых была жестоко убита еврейская семья. Каких только версий не было – в том числе провокация западных спецслужб, антисемиты. Естественно, все силы были ориентированы на отработку этих направлений и безрезультатно. В конце концов, когда давление «сверху» снизилось, и местные разыскники вздохнули свободно, выяснилось, что это обычный разбой, объектом которого стал глава семьи, продававший разливное пиво у Автовокзала и, по оценке преступников, зарабатывавший на «недоливе».

В 2005 году в г. Магадане 33 человека умерли от отравления метиловым спиртом. Тоже одна из приоритетных навязываемых версий – кавказский след. Все обращались в сторону правоохранителей. Но причина оказалась тоже банальной – недобросовестное предпринимательство. Я возглавлял ведомственную группу, был членом городской чрезвычайной комиссии по расследованию данного происшествия, знакомился со всеми материалами, поэтому могу считать себя экспертом в проведении розыскных мероприятий по подобным чрезвычайным ситуациям. Это то, что в-четвёртых (см. выше).

Поэтому и в деле дятловцев, я думаю, также надо «заходить» с другой стороны. С позиции опера-зональника уголовного розыска или участкового, которые работают на «земле», а не витают в облаках, как большинство исследователей. И никакие не враги, как пытаются сформировать представление о них в пластилиновых мозгах наивных малолеток пациент московского СИЗО и его взрослое окружение, наверняка рассматривающие подростков в качестве будущих метателей «коктейлей Молотова», поджигателей автомобильных покрышек и участников первых рядов столкновений с полицией.

Собственно, в этом также одна из причин, по которой я взялся за статью, отклоняющую версию причастности к гибели дятловцев силовых структур, и встал на их защиту.

Работайте, братья...

Пётр ЦЫБУЛЬКИН

г. МАГАДАН

Вячеслав ОГРЫЗКО

Считай женой. Целую. Олег

В конце 60-х – начале 70-х годов Олег Куваев часто прилетал на Кавказ. Там в Терсколе в Высокогорном геофизическом институте работала его родная сестра. Она вместе с мужем и сыновьями занимала часть выделенного ей коттеджа. В этом же коттедже жили ещё несколько семей. В одну из комнат начальство вселило, в частности, Наталью Таранец. А комната напротив была отдана переводчице института Светлане Гринь и её мужу – инструктору горного туризма Валерию Дурнову.

У Олега Куваева со всеми соседями сестры были нормальные отношения.

«Ты, – пишет в своих ещё нигде неопубликованных воспоминаниях Светлана Гринь, – приезжал к сестре в Терскол каждую весну и зиму. Работал, катался на горных лыжах. Мы пили кофе в общем коридорчике семейного коттеджа, интересно беседовали – просто жили по-соседски. Я была с тобой на «Вы», несмотря на все твои уговоры перейти на товарищеское «ты». Ты вёл себя настолько просто, что все вокруг забывали, что ты писатель, и держались с тобой по-свойски, а не так, как принято обычно относиться к знаменитостям. Правда, я иногда старалась говорить «по-умному, специально для писателя», но ты не поощрял моё манерничанье, и я быстро поняла, что самый лучший способ общения с тобой – это естественность. Да ты и не располагал к иному поведению».

Перед приездом Куваева в Терскол весной 1970 года Светлана Гринь захотела узнать, что именно написал брат её соседки. Но соседка отправила в библиотеку, куда только-только поступил свежий номер московского журнала «Вокруг света» с куваевским рассказом о Полесье «Дядя Яким».

Рассказ Светлане Гринь понравился. Но когда Куваев появился в Терсколе, она заговорила с ним не о «Дяде Якиме», а о книгах других авторов. Как выяснилось, Гринь много что из полезной литературы упустила. Но всё

быстро наверстать в Терсколе возможности не было. До тамошней библиотеки доходили далеко не все книги. Куваев пообещал помочь и что-то дослать. Гринь потом ему об этом напомнила письмом, заодно попросив и о каких-то других вещах.

«Светлана! – ответил Куваев из подмосковного Болшева. – Других свечек я что-то не нашёл, но можно ведь и эти зажечь?»

Далее: до Джеральда Дарелла я ещё не добрался. Посылаю, что было дома, и что я считаю лучшим из этой серии (я её собираю). А «Гибель синего орла» – это действительно правда, хоть и выглядит весьма фантастично. Виктор Болдырев мой хороший друг, долго работал на Севере зоотехником-оленоводом. Мужик легендарный. Он это племя и открыл. Было это в 1954 году.

Ну, при случае расскажу.

Книги прочесть, положить в пакетик и написать. Адрес. За утерю голову оторву. Вот так прямо: возьму и оторву. Пусть потом судят, язвы их (судей) в душу. И в печёнку.

Можно книги заказывать ещё. Дарелл, за мной. Маленько очухаюсь и пришлю.

Что ещё? Живи, Света, хорошо.

Большое спасибо за фото. Повесил у себя над столом этот Эльбрус. Рядом с фотографией своей шхуны на чукотском берегу.

Возможно, в конце мая приеду с киношниками. Знакомые ребята (мы снимали по моему сценарию на Чукотке документальный фильм «Люди тундры и моря») зовут к вам. Они будут снимать на Безенгийском леднике. Ну а я... (вот именно).

Всего лучшего, Света. Если понесёт в Москву – чертовски буду рад тебя видеть. Свою последнюю книжку я Гальке [сестра Олега Куваева. – В.О.] выслал, можно взять у неё.

Это ещё не было началом романа. Просто два человека прониклись друг к другу симпатиями, стали регулярно обмениваться письмами. А разве это было мало?

Что было известно о новом адресате Олега Куваева?

Светлана Гринь родилась перед самой войной в Майкопе.

«Дорогой Вячеслав Вячеславович! – написала она мне в начале мая 2018 года. – Поздравляю вас, весь коллектив журнала «Мир Севера», работников культурного фронта, все ваши семьи, родных и близких, с Днём Великой Победы!

В этот День Великой Победы, не имея возможности лично принять участие в шествии Бессмертного полка, я мысленно присоединяюсь к этому торжественному сбережению народной памяти о своих родных и соотечественниках.

Мысленно идя в колонне Бессмертного полка, я несу в сердце своём сохранившуюся через всю жизнь память о нашем папе, Гринь Афанасии Афанасьевиче.

Когда началась война, папу, несмотря на тяжёлое заболевание сердца, как и всех мужчин страны, призвали в армию. Но не долгод был путь солдата на войне. В первые же дни – месяцы – годы войны, при повальном отступлении войск на фронте, он был взят в плен. Он долго числился в списке «без вести пропавших», но потом пришло сообщение из военкомата, что сердце солдата остановилось, и он в 1942 году умер в плену. Как и миллионы россиян, он отдал свою жизнь при защите Отечества от нацистской чумы, чтобы мы, его потомки, остались живы.

Это по его желанию меня, младшенькую из трёх дочерей, назвали Светланой, а хотели назвать Галиной. Когда мама показывала ему меня в роддоме, он сказал: «Какая же она Галя, она – Света, светленькая».

Любовь и тоска по папе осталась с нами на всю жизнь. С детства помню мечту, которой так

и не суждено было осуществиться. А мечтала я вот о чём: шёл бы папа с работы с кульком конфет, и тут же порой думалось, пусть даже в кульке были бы не конфеты, а просто камешки, но обязательно, чтобы с кульком из плотной светло-коричневой бумаги (так и стоит он до сих пор у меня перед глазами). А я, распахнув руки, бежала бы ему навстречу с радостным криком: «Папочка пришёл! Папочка пришёл! Папочка пришёл!», подпрыгнула, обняла бы его за шею и крепко-крепко расцеловала.

В военные годы, живя на оккупированной территории на Северном Кавказе, в Садах под городом Майкоп, мама, оставшись с тремя малолетними детьми, испытала все ужасы и тяготы жизни в оккупации: голод, холод, унижения; видела она всякие издевательства и насилие над детьми и женщинами. Поэтому она из всех сил оберегала нас от всяких случайностей, и, при появлении фрицев поблизости, прятала нас подальше и сама пряталась от них. А когда приходилось выходить на улицу, будучи статной красавицей блондинкой, она специально (как она рассказывала) мазала лицо сажей, чтобы своей внешностью не привлечь внимание фрицев, а вызвать у них отвращение.

Бесстрашно под носом у фрицев укрывала и спасала партизан. Многие жизни были спасены благодаря её бесстрашию и её заботам.

Сама неграмотная, но великая труженица и большая мастерица на все руки, мама хорошо шила и умела вкусно почти из ничего готовить, она вырастила нас, трёх дочерей, в голодное послевоенное время. Двое из нас получили высшее образование, а старшая сестра стала швейей высокого класса.

Светлая память и безграничная благодарность нашим родителям за наши состоявшиеся жизни».

Уточню: отец Светланы Гринь погиб в немецком плену.

После войны Светлану отдали в Майкопе в школу.

«Семья наша, – рассказывала осенью 2011 года её средняя сестра Людмила, – большого достатка не имела, мама не могла работать (из-за открытых трофических язв на голених ног), отчим получал низкую зарплату, я училась в институте в другом городе, старшая сестра имела свою семью и детей, поэтому Светлане больше всех досталось выполнять домашних дел. Так, преодолев «ложный стыд» перед сверстниками, юная красивая девушка вынуждена была иногда пасти корову – кормилицу семьи. После окончания средней школы Света в 1959 году устроилась на работу, на швейную фабрику подсобной рабочей (по существующему тогда закону школьники должны были обязательно

отработать два года, чтобы иметь производственную практику перед поступлением в институт). На швейной фабрике своим сотрудникам выписывали мерный лоскут красивых тканей на вес по низкой цене за 1 кг. Света тоже выписала и, когда я приехала на каникулы, мама шила нам нарядные платья из них, а мы учились у мамы шить. Ко всему, Света с самого детства была мастерицей по переделке старых платьев в «новые». Как младшей из нас, трёх сестёр, ей приходилось донашивать наши вещи, и у неё всегда было множество идей в этом плане, как говорится, «голь на выдумки хитра». Так что мы в молодости, при всей нашей бедности, всегда красиво и модно одевались».

Отработав два года на швейной фабрике, Светлана Гринь в 1961 году поступила в Пятигорский педагогический институт иностранных языков и одновременно занялась волейболом и увлеклась альпинизмом. В институте она влюбилась в студента Валерия Дурнова и уже на втором курсе выскочила за него замуж. Но этот брак оказался несчастливый. Супруга вскоре из института отчислили, а потом выяснилось, что он чуть ли не на следующий день после свадьбы стал жене изменять направо и налево.

После института Светлана Гринь получила распределение в шахтёрский городок Тырнауз. Правда, вместо нормального жилья ей дали комнатку в каком-то бараке на самой окраине города. Да и работа школьного преподавателя английского языка оказалась не для неё. Не поэтому ли она в 1968 году с радостью перебралась в курортный Терскол, устроившись переводчицей в Высокогорный геофизический институт?! В том же 68-м году в Терскол перебралась из Тбилиси и семья сестры Олега Куваева. Но она уехала из Тбилиси по другим причинам. Галина Куваева родила второго сына, который оказался очень болезненным, и врачи порекомендовали ей сменить климат.

Отправив Светлане Гринь в Терскол обещанные книги, Куваев почти сразу махнул в Минск, где по его сценарию Николай Калинин собирался снимать фильм «Идти за горизонт». А уже из Минска он рванул в Брест.

«В этом городе, Света, – писал Куваев в Терскол, – есть Брестская крепость. Но я к ней не ходил. Хожу я как раз в противоположную сторону, где течёт река Муховец. По берегам реки Муховец лежит белый песочек, на песочке лежат смуглые девочки. Сверху над всем этим солнце. Куда, по-твоему, я должен ходить? И вообще...

Надо бы ехать домой, да очень тут ещё библиотека хорошая. И вот днём я лежу на песоч-

ке, а вечером на диване с книжкой. Так что вот лежу я на диване, вспоминаю про белый песочек, который видел днём и размышляю: почему же я не в Терсколе.

И вообще...

Домой я вернусь к 1-му июля. И уж там буду решать: то ли я поеду на Памир в славную страну Кухистан, то ли в конце июля поеду на Чукотку, что пока не решилось и, значит, надо будет собираться: портянки сушить, сапоги чистить, ружья смазать. То ли поеду к горе Эльбрус, где высокие горы, знакомые девчонки.

И вообще...

Будешь писать – пиши домой. Книжки как прочтёшь – высылай туда же. Соберусь с силами и вышлю тогда тебе Дарелла.

Ну а за окошком деревья растут, вечер уже и брестские жительницы ходят. Так что письмо кончаю. Большой привет девчонкам. Спроси у Бэлы, купила ли она очки и насадку. Если нет, то буду считать за собой. Сейчас время у меня есть.

Привет. Пиши».

Гринь завязавшуюся переписку всерьёз ещё не воспринимала. Не поэтому ли первые письма Куваева она охотно показывала своим знакомым? Дала Гринь почитать куваевские письма и своей тогдашней подруге Анне Шацкой. Куваев, когда об этом узнал, сильно расстроился. Он не хотел, чтобы о его мыслях и чувствах знали чужие ему люди.

Повторю: у самой Гринь тогда в Терсколе всё складывалось очень непросто. Официально она ещё продолжала состоять в браке. Но с Валерием Дурновым её уже почти ничего не связывало – разве что штамп в паспорте. Никакой любви у Гринь с Дурновым давно не было.

Летом 1971 года Куваев попросил соседку своей сестры связать ему свитер. Та не отказалась.

«Свитер из белой шерсти, связанный жемчужной резинкой, – пишет в своих воспоминаниях Гринь, – получился очень симпатичный, но, после стирки, рукава оказались несколько длинноватыми. Когда ты [имеется в виду Олег Куваев. – В.О.] снова приехал в Терскол (в ноябре), я укоротила рукава, и всё стало нормально. Говорил, что в ЦДЛ [Центральном Доме литераторов. – В.О.] и в редакциях все были в восторге. Кстати, тогда у нас с тобой были ещё просто приятельские отношения, и ты заплатил мне за работу 25 рублей, от которых я вначале категорически отказывалась, но твоя настойчивость победила, и я согласилась их взять».

Были тогда у Куваева просьбы и к мужу Гринь (он ещё не знал, что соседка его се-

стры всерьёз подумывала о разводе). Писатель хотел, чтобы Дурнов профессионально поставил его на лыжи. Но у Дурнова оказались другие планы. Он уже договорился о поездке на заработки к геологам в Якутию.

«Перед его отъездом, – рассказывала Светлана Гринь, – я спросила его: «Тебя ждешь?» Он ответил: «Как хочешь». Вернулся он с магнитофоном «Комета», купил также красный финский спортивный костюм для меня, и прямо с порога спросил: «Ты меня ждала?» <...> Ответила я ему уклончиво: «Ты же сказал: «как хочешь»».

Окончательно Гринь выгнала Дурнова в начале весны 1972 года. А вскоре в Терсколе вновь нагрянул Куваев. И она неожиданно для себя взглянула на писателя другими глазами, увидев в нём не только интересного собеседника. Ей открылась мужская красота развитого, сильного, неленивого тела.

«А ты, – пишет она в воспоминаниях, – был сложен отменно! Атлетически. Хотя это и не сразу бросалось в глаза. Широкие плечи, узкие бёдра, талия. Голова посажена гордо. Ноги и руки по-мужски сильные, по-спортивно накачены. Гантели и штанга каждое утро. В 17 часов йога, стояние на голове, в 22 часа бег в толстом свитере, а потом этот свитер хоть выжимай. Руки, ладошки – добрые. Иногда, подетски, беспомощные. Ты здорово можешь передавать своё настроение жестами рук: печальный прощальный взмах руки на перроне, подбадривающий толчок в спину в Доме литераторов, превращающий меня из Золушки в Принцессу или шуточные прикосновения и жесты, передающие твоё веселье и заряжающие всех энергией и хорошим настроением на долгое время. К сожалению, природа не достаточно щедро наделила тебя ростом (мы были с тобой почти одного роста). Если бы она и здесь постаралась – то был бы идеал. Походка лёгкая, стремительная, бесшумная. То ли от природы это у тебя, то ли ты выработал её на длинных километрах тундровых кочек. Прыгаешь на скакалке быстро, легко, бесшумно опускаясь на пол, только слышен свист скакалки! И это при 70 килограммах! В тебе столько мужественности, чувства собственного достоинства и независимости, что рядом со своими даже более высокими, но несколько мешковатыми приятелями, выглядишь ладным, подтянутым, спортивным. Но! Главное у тебя – это, конечно же, глаза! До этого я никогда не замечала, какие они у тебя. Как-то, было это ранней весной, в очередной свой приезд в Терскол, ты колот дрова. В коттедже, где жила семья твоей сестры и я, печное отопление. Было морозно, солнечно.

Снег ослеплял своей белизной и яркостью. Ты глянул, поздоровался, как всегда улыбаясь. И тут меня на мгновение ослепил луч синевы. Я даже как-то немного ошалела от этого – что бы это могло быть?»

Первым, по словам Гринь, влюбился Куваев. Правда, она сильно сопротивляться не стала. Но и серьёзных чувств к Куваеву у неё ещё не было. После развода с Дурновым Гринь полагала, что все мужики – сволочи. Ей и в голову не приходила мысль, что с Куваевым у неё всё могло сложиться иначе.

К тому, что случилось 6 апреля 1972 года, Гринь поначалу отнеслась как к случайному эпизоду. Тем более, что через день Куваев собирался улететь в Москву. Но дальше на Гринь обрушился град писем и телеграмм.

«Не желаю я никого видеть, – написал ей Куваев 9 апреля 1972 года. – Желаю я видеть рукописи и тебя. И никого больше».

Он стал настойчиво зазывать Гринь к себе в подмосковное Болшево. А она заколебалась. Дело было даже не в том, что Гринь не знала, как попросить у начальства дополнительные дни для поездки в Москву. Она не была уверена, стоило ли ей всерьёз связываться с писателем. Каждый вечер Гринь бегала к своей подружке Шацкой, чтобы обсудить все варианты. А что подружка? Она убеждала, что нормальных мужиков было предостаточно и в Терсколе.

Решение пришло в конце апреля. Гринь купила билет на самолёт до Москвы. Но по дороге в аэропорт случилась страшная драма. Она оказалась жертвой насилия. А насильником оказался парень из компании её подружки Шацкой.

«Ты [Олег Куваев. – В.О.], – писала много лет спустя Гринь, – встретил меня с красными тюльпанами в руках, в штормовке, в рубашке в голубую полоску – очень симпатичный. Я тебе тут же, в такси, рассказала о своей беде. Назвав насилие – изменой. Стыдно было с первых же минут признаваться тебе, в том, что надо мной надругались таким грязным ужасным образом. Я тогда тебя ещё не достаточно хорошо знала. Поэтому просто сказала: «Я тебе изменила». Ты спросил: «Куда ехать». Я ответила: «Можешь отвезти меня к Григорьевым». – Но мы поехали к Балаевым. Твоему товарищу. Так ты решил. Потом поехали к тебе. Я осталась у тебя».

В подмосковном Болшево Светлана Гринь пробыла две недели. Вернувшись на работу, она сообщила Куваеву, что первой, кого она встретила в Терсколе, была его сестра – Галина, и ей показалось, что сестра сразу обо всём догадалась.

«Сейчас, – написала Гринь Куваеву, – только что поговорили с Галей о тебе и обо всём. И, по-моему, она уже обо всём догадывается, о том что если я даже и не жила постоянно у тебя, то уж точно пропадала с утра до вечера, и с вечера и до утра. Я слишком часто говорила: «Олег, Олег», как ты в письме: «Светлана, Светлана». Она, ведь, женщина умная, так что не очень-то нужно её обманывать, просто надо умолчать кое о чём до поры до времени. Тем более, если она, действительно, соберётся к тебе в конце мая, то соседи, первая же Нина, <не преминет – зачёркнуто> непременно проболтается обо мне. Я, конечно, говорила, что была довольно часто у тебя. Но если бы ты знал, как это говорилось, то точно можно было сказать, что я просто от тебя не выходила, а если выходила, то очень редко, например, за почтой. Я, ведь, Олежка, врать не могу, а вот это-то мы и не учли. В общем, со временем ей придётся всё рассказать, хотя бы просто потому что она не заслуживает того, чтобы её хоть кто-нибудь обманывал. Так ведь?»

Куваев тоже не находил себе места. Вернувшись после проводов Гринь домой, он тут же засел за письмо.

«Я люблю тебя, Светлана, – признался он. – Такие пироги».

Куваев убеждал Гринь, что все прежние мужики её не любили и что только он один разглядел в ней настоящую.

«Если ты действительно любишь меня, Светлана, – писал Куваев, – то пойми женским умом, что этим швыряться не приходится. И уж горький опыт научил тебя, что к тридцати с лишком у тебя это тоже всего второй раз, и ты говоришь, что сильнее, чем в первый. Тебе не надо меня завоёвывать, как ты говорила, не надо покорять. Единственное, что от тебя требуется, – быть безукоризненно верной. Без пятнышка даже. Тебе надо снова «стать девушкой», как ты сказала. Если ты сумеешь это – я весь твой без всяких завоеваний. И всё остальное не важно. Если не сумеешь – больно будет. Но пройдёт. Хотя и очень больно, но всё равно пройдёт. У меня прибавится «писательского жизненного опыта», тебе останется два пути: либо быть «станком» в Терсколе или где-либо в подобном месте, неважно где, быть им пока ещё есть тело, либо стать скушной женой какого-нибудь скушного Давида и изменять ему помаленьку. Обычная история. Совсем неоригинальная».

В другом письме, отправленном 19 мая, Куваев подчёркивал, что не собирается быть лишь любовником.

«...с кем попало, – писал Куваев, – я жить не хочу».

Точку Куваев поставил 26 мая 1972 года.

«Считай женой, – телеграфировал он в Терскол своей Светлане. – Целую. Олег».

Правда, сразу после телеграммы Куваев ушёл в очередной запой. Узнав об этом, Гринь, заняв деньги у сестры писателя, срочно взяла отпуск и вылетела в Москву спасать любимого человека. А потом Куваев и Гринь вместе отправились на Белое море, прихватив с собой по пути давнего товарища писателя – жившего в Ленинграде геолога Игоря Шаборова.

Вернувшись с Белого моря, Куваев вылетел на Север Якутии, где белорусские киношники снимали по его сценарию фильм о розовой чайке.

В Болшеве Куваев появился в начале июля 1972 года. Но там его никто не ждал. Куваеву стало очень грустно.

«Я же люблю тебя, Света, – написал он 8 июля. – Более того, суеверно думаю, что нас бог друг для друга предназначил. Я тебе писал об этом. Ну и если у нас не хватит человеческой щедрости, широты и умения простить – то нам (мне, во всяком случае) судьба это не простит».

Куваев считал, что ему и его музе надо уже было кончать с этой каруселью. Он полагал, что Гринь следовало переехать к нему в Болшево.

«Нечего нам тянуть, – писал Куваев Светлане, – нечего откладывать – всё равно ведь финал будет один – мы будем вместе».

Но сестра Куваева не считала выбор брата идеальным. Терскол ведь не такой большой город. Там все всегда у всех были на виду и все видели, как Светлана Гринь вела себя раньше.

Кстати, Куваев тоже многое что знал и о прошлом своей новой музы, и о её терскольских подругах.

«И не хочу, – написал он как-то Светлане Гринь, – я быть в чём-то обязанным Шацким, пропади она пропадом. В МГУ твоя «подруга» Шевченко, у которой ты Алёшу отняла, сравнилась, так сказать, не знаю насколько тебе это будет удобно. Мне удовольствия не доставит, как и

наезд зимой своры твоих бывших любовников. Радости мало».

Тут ещё Куваев вспомнил давнюю историю с другой своей музой – Аллой Федотовой, как та осенью 1964 года инсценировала попытку суицида. Девчонку тогда спасли, но в инстанциях перетряхнули всё бельё, и её, и Куваева, были найдены любовные письма, а потом началась травля, но не Федотовой, а писателя. Куваев не хотел, чтобы и теперь кто-то чужой начал копаться в его личной жизни.

«И буду, – написал он Светлане Гринь, – весьма благодарен, если ты не будешь хранить коллекцию моих писем. Рассматривай это как мою просьбу. Нет у меня желания веселить разных дур, которые к тебе без тебя вхожи».

Но повторю: несмотря ни на что, Куваев летом 1972 года стал из всех сил цепляться за новую музу. А его сестре это, похоже, не очень понравилось.

На этой почве у Куваева с роднёй возникли напряжённые отношения. Он стал думать, когда и как всё выложить своей сестре.

«...я, – писал он Гринь, – всё ей скажу. Скажу, что мы с тобой женимся (слово-то идиотские какое)».

Правда, не ясным оставалось, где влюблённым жить. У Куваева не было уверенности, что сестра разрешит Светлане поселиться в записанной на неё болшевской комнате. Он не исключал, что на зиму придётся снять жильё в подмосковной Рузе.

Впрочем, до зимы было далеко. Ещё даже лето не закончилось. А там должна была замаячить золотая осень.

Куваев очень хотел отдохнуть вместе со своей музой. Но где? В Терсколе? Но в сложившихся условиях он уже не мог остановиться в коттедже у сестры.

«Можно, – писал он 9 июля 1972 года, – приехать в гостиницу (отель по-научному). Но ведь опять надо будет прятаться, скрываться, пропади оно пропадом».

Гринь попробовала искать другие варианты. Она обошла весь Терскол – чтобы снять жильё для двоих. Но свободных комнат или не было, или за них требовали бешеные деньги. Ничего не найдя в Терсколе, Гринь отправилась в посёлок Эльбрус. Но и там подходящих вариантов не оказалось. А Куваев в это время вернулся к идее вступить в жилищный кооператив. Но для этого требовались немалые деньги.

После долгих поисков Гринь договорилась с каким-то интернатом.

«Нашла комнату в бывшем интернате, – сообщила она 20 июля 1972 года Куваеву. – Комната мало чем отличается от моей терскольской по своим удобствам, но, я думаю, лето и осень можно пожить. Мне кажется тебе лучше будет здесь работать. Здесь нет такой жары, да и вообще...»

Находится этот интернат почти около посёлка Эльбрус, в лесу. Плата – рубль с носа за сутки. Значит, 60 руб. в месяц. Дорого, конечно, она этого не стоит, но ничего не поделаешь. Курортная стоимость.

Встретиться с терскольцами никаких шансов, если сам не придёшь в Терскол. Интернат этот находится вдали от всех посёлков, турбаз, ВГИ. Единственно, что в ста метрах от него находится лагерь КБГУ. Но это не мешает. В том же здании, правда, находится экспедиция геологов и чумная лаборатория из Махачкалы. Надеюсь, не заразимся. И вообще это самое тихое место во всём ущелье, никаких туристов, балкарцев, щацких и т.д.

Так что бери машинку, билет на самолёт, сообщи когда будешь в Минводах; я обязательно приеду встречать. Очень соскучилась. Только обязательно сообщи, когда сможешь приехать. Постарайся, пожалуйста, побыстрее. У нас прохладно... Ага!!! И загорать можно.

Приезжай, Олежек. Ну пусть твои дела сложатся так, чтобы тебе можно было быстрее приехать. Хорошо?»

Но отъезд пришлось отложить. Куваев вскоре вновь сорвался и ушёл в запой. И только потом он ненадолго вырвался в Терскол. В рабочий ритм Куваев вошёл лишь в конце сентября 1972 года.

Коротая в Терсколе будни, Светлана Гринь взялась за изучение нового для себя языка – польского. Постепенно стали налаживаться дела и у Куваева.

«Жисть моя, – признался он 12 октября 1972 года в письме к Гринь, – помаленьку светлеет».

Но плохо было то, что Куваев и Гринь находились далеко друг от друга. Им всё тяжелее становилось переживать разлуку. Их всё сильнее тянуло друг к другу.

Первой не выдержала Гринь. На ноябрьские праздники она всё бросила и рванула на неделю в Подмосковьё. А после Нового года уже Куваев засобирился в Терскол.

Весной 1973 года тяжело заболела старшая сестра Светланы Гринь – Евгения Канищева. У неё обнаружили рак. Гринь срочно помчалась к родне в Ростов-на-Дону. Она

надеялась, что в Ростов сможет выбраться и Куваев. Но у писателя ничего не получилось.

Потом у Куваева забрезжили планы вновь сплавиться по Омолону.

«...я, – писал он в феврале 1973 года своему омолонскому приятелю Станиславу Птицину, – по-прежнему нацеливаюсь на Омолон. Здоровьишко стало барахлить, сердце и прочее. Но думаю, что при нормальной жизни через пару недель я восстановлюсь и буду человеком. Проблемы главные две, и они прежние: куда девать Светку на это время и как быть с работой».

Птицин тут же навёл справки, где могла бы Гринь на Омолоне пригодиться.

«За сбор информации для моей девчонки – спасибо, – благодарил Куваев приятеля. – Самое главное куда-либо её просто пристроить. Она может печатать на машинке, работать секретаршей, кем угодно. Кстати, сейчас она и работает в системе Гидрометслужбы, лаборантом в Высокогорном геофизическом институте (это система Гидрометслужбы). Она там лаборант и переводчик, не хочет работать учителем. Девка она простая и своя».

Но в тот раз вылет на Чукотку сорвался.

Весной 1973 года вторая сестра Светланы Гринь – Людмила Чайко и её муж Анатолий Чайко узнав, как их родственницу затюкали в Терсколе, предложили ей уволиться и насовсем переехать в Ростов. Сами супруги Чайко планировали перебраться в Переславль-Залесский (там Анатолию Чайко предлагали хорошую работу на строившемся химическом заводе), а Светлане Гринь оставить свою ростовскую квартиру.

Позже Светлана Гринь рассказывала, как Анатолия Чайко настойчиво зазывали в Переславль.

«Приглашали, – писала она, – на строительство «Славича» самых достойных высококвалифицированных работников из всех уголков страны.

Чайко Анатолий Григорьевич – краснодипломник, был приглашён тогдашним главным инженером Московского Госниихимфотопроекта в комплексный отдел № 4. Он его знал как опытного конструктора, обладающего творческим потенциалом, по работе в Ростове-на-Дону. И не ошибся в выборе.

Анатолий Григорьевич, приехав в Переславль для ознакомления с будущим местом работы и увидев этот прекрасный город с его древними памятниками старины: соборами, монастырями и церквями, с его исконно русскими людьми, живущими в нём, решил выбрать именно этот город из двух предложенных, ибо сердце его, прирождён-

ного фотохудожника, навсегда было покорено им. И с тех пор всё свободное от работы время, которого в наше время у всех в обрез, Анатолий Григорьевич отдаёт своему любимому занятию – фотографии. С самых первых дней лета 1973 года он начал фотолетопись Переславля, и теперь имеет в своём архиве снимки, уже ставшие уникальными.

Чайко Людмилу Афанасьевну, окончившую школу с медалью, приглашённую тем же руководством, также знали как хорошего специалиста-инженера по КИПиА. Вначале она работала в комплексном отделе № 4 Госниихимфотопроекта, и её как опытного специалиста посылали в составе других инженеров в Финляндию для принятия документации в части КИПиА к финской машине «Юльхаваара».

В письмах Светлана Гринь спрашивала Куваева, что делать, увольняться из Терскола или подождать? Писатель посоветовал для начала взять отпуск.

«А из ВГИ [Высокогорного геофизического института. – В.О.], – написал он Гринь в мае 1973 года, – увольняться надо тогда, когда у тебя будет чем в Ростове заняться».

В июле 1973 года супруги Чайко ускорили подготовку к окончательному переезду в Переславль. Уже решился вопрос и с выделением им на новом месте двухкомнатной квартиры. Оставалось уладить какие-то формальности.

Ради этого Людмила Чайко в конце месяца отправилась в Москву. Остановилась она в подмосковном Болшеве у Куваева. И в этот момент писатель вновь слетел со всех катушек. Людмила Чайко не знала, что делать. Она дозвонилась до сестры.

Гринь, когда узнала об очередном срыве Куваева, тут же всё бросила и на всех парах помчалась в Москву.

«Прилетела я к тебе, – писала она, – с магнитофоном и полным рюкзаком книг. И! С половником! – А как же! Куда я без него?! Приехала я к тебе навсегда».

Это стало известно сестре Куваева. Но ей такой исход не понравился. Будучи главной хозяйкой болшевской комнаты, она сказала, что Светлана, конечно, может в Болшево иногда приезжать и даже на короткое время там останавливаться, но только не жить постоянно.

Что делать? Людмила Чайко позвала Светлану к себе. Она пообещала сестре помочь на новом месте и с работой.

Переезд в Переславль состоялся осенью 1973 года.

«Светлана, – сообщил Куваев в сентябре родной сестре, – сотрудничает в химической промышленности. Довольна. Публика, говорит, проще, рабочий класс. Вообще же все они несколько ошарашены и даже жалеют о переезде».

Впрочем, жалели супруги Чайко, а вместе с ними и Гринь, недолго.

«Каждую субботу и воскресенье, – писала в 2011 году Людмила Чайко, – Светлана уезжала к Олегу в Болшево, а в понедельник – на работу в Переславль. Олег тоже часто приезжал к нам и спокойно занимался своим писательским трудом».

В Переславле супруги Чайко выделили сестре и Куваеву одну из комнат. Но это был не выход.

Куваев и Гринь мечтали о своём жильё. Писатель вновь стал хлопотать о кооперативе. И ему вроде даже пообещали квартиру в новом доме в Москве возле станции метро «Аэропорт». Но потом выяснилось, что с этим кооперативом – одни проблемы.

Ещё в первые приезды в Переславль Куваев тесно сошёлся с родней своей музы.

«Олег, – вспоминала сестра Светланы Гринь Людмила Чайко, – был инициатором романтических путешествий по выходным дням. Как-то предлагает попить чаю на берегу Плещеева озера, а на дворе ночь, спать пора. Светлана и Анатолий поддержали затею, а мне не очень-то хотелось выбираться в такую даль, ведь потом, после бессонной ночи надо было поспеть за продуктами на рынок: он работал лишь по воскресеньям. Увидев, как удивительно легко и быстро Олег собрал в рюкзак чай, сахар, хлеб, печенье, я слась. Машины у нас не было, все прогулки совершались пешком. Шесть с лишним километров по просёлочной дороге. Добрались к полуночи.

Существует поверье: чтобы быть счастливым, надо дотронуться до Синего камня на берегу Плещеева озера. Дотронулись. Олег набрал воды для чая из ключа неподалёку. Отдал нам: несите. А сам отыскал большую сухостину, взвалил на плечо и потащил на Александрову гору. Там по преданию разбивал шатёр Александр Невский. Мы все уговаривали Олега бросить тяжеленное бревно. Он не отступился – донёс до вершины. И кстати: там вымахала высокая трава, и сидеть было бы не на чем, если бы не Олег. Он быстро разжёл костёр, приготовил чай «по-куваевски» – две щепотки и ещё четверть заварки в литровую кружку кипятка. Попив чаю, в четыре утра пошагали домой. А в шесть мне на рынок. Прилегла на

минутку и проспала до семи. Протираю глаза, а Олег уже возвратился с рынка с полной сумкой продуктов.

Летом ходили купаться и загорать. Несмотря на то, что в Переславле есть и Плещеево озеро, и полноводная река Трубеж, мы выбрали дамбу на окраине города, там глубина и от дома близко. По жаре продирались сквозь заросли сиреневого иван-чая, полевых ромашек и васильков до воды. Олег не вылезал из воды или сидел на приволье с обязательной книжечкой (завёрнутой в газетку, чтобы не запачкалась). Мы с сестрой загорали, муж бродил с фотоаппаратом в поисках выигрышного ракурса.

Зимой выходили на лыжах – мы на беговых, а Олег на горных, красного цвета, «Металл», польского производства. Они были популярны, по сравнению с другими марками с запредельной ценой. Спускался с крутых склонов у Плещеева озера, скучая, должно быть, по горнолыжным трассам Кавказа».

Там же, в Переславле, Светлана Гринь уговорила Куваева всерьёз взяться за изучение английского языка – хотя бы для чтения писем канадского биолога и литератора Фарли Моуэта.

«Она [Гринь. – В.О.], – сообщил Куваев в одном из писем Фарли Моуэта, – заставляет меня учить английский, было бы мне приятно учить его по полярной литературе, которую я люблю и отчасти знаю».

Но главным для Куваева в Переславле стала, конечно, работа над новым романом о бичах Севера.

Людмила Чайко рассказывала, как Куваев в их квартире корпел над книгой, а в перерывах отводил душу в разговорах с её мужем.

«Во время перерывов на «нейтральной территории» – кухне проходили задушевные разговоры с Анатолием. Кстати, без единой капли спиртного. Мой муж – один из редких трезвенников, шутит: «Курить я бросил в 1-ом классе, а пить – во 2-ом, после серьёзной отцовской взбучки». Беседы на кухне, конечно же, «сдабривались» вкусной едой – результатами моих кулинарных стараний. Однажды пеку я коржи для торта «Наполеон». Олег рядом, отщипывает от коржа. Я ему: подожди, мол, намажу кремом. «Люда, а нельзя ли торт съесть так – коржи отдельно, а крем отдельно? Так быстрее и вкуснее!» Мы все рассмеялись, и я отдала сухой корж на «раздельное поедание».

Кухонные беседы становились не только разрядкой, но и источником информации для писателя. Эпизод о колбасном умельце

в «Правилах бегства» взят из очередной беседы. Муж как-то рассказал Олегу о своём отце, и этот эпизод лёг в начало повествования. Все записи «кухонных бесед» о городе Тульчине на Украине – родине Анатолия вошли в роман почти без изменений.

Часто велись разговоры о морских и речных путешествиях. С увлечением Олег читал оказавшиеся под рукой журналы «Катера и яхты» (у Анатолия была полная подборка). Однажды увидел у Анатолия удостоверение о вождении моторной лодки, и тут же загорелся желанием получить такое же, заходил в ОСВОД на предмет его получения, но потом, всё же из-за недостатка времени, эту затею оставил. Здесь, на берегу Плещеева озера, Олег вынашивал планы новых путешествий, сплавов. Планировал со следующей весны на год-полтора ехать на Север (Чукотку, Колыму). Не раз говаривал: «Душа в море просится, да и осталось на востоке ещё три реки, по которым я не сплавливался. По двум вообще никто не сплавливался».

Известный (последний в жизни) портрет Олега с трубкой (где он в спортивной домашней одежде, кстати, в тёмно-синей футболке Анатолия), сделан у нас на балконе. Спустя несколько дней в тот приезд, после несостоявшегося плавания на паруснике, Олег стоял на балконе с удивительно безнадежно печальными глазами. Было с чего: не шла работа. Олег был в отчаянии: «На месте будущего романа, контуры которого намечались – одна сплошная чёрная дыра, и по краям лохмотья», так он говорил.

Анатолий попросил разрешение снять Олега, тот пожал плечами. Анатолий сказал, что делает всего один кадр, чтобы проверить новый объектив. Олег согласился.

Анатолий вспоминает: «Вдруг через видеоискатель я заметил, что Олег посмотрел на меня таким отстранённым взглядом, когда душа его полностью погружена в работу, а его вынуждают отвлечься. От неожиданности я машинально нажал на спуск...».

И тут Светлана, стараясь как-то взбодрить, отвлечь Олега, принялась дурачиться: «Да что же это такое? Если ты писатель, так тебя всё снимают и снимают! А когда же очередь дойдёт и до нас, простых смертных?» Прислонилась плечиком, получился и второй снимок – и на нём глаза Олега потеплели. Вот так были отсняты последние в жизни Олега фотокадры».

Не сидела без дела и Светлана Гринь. Днём она работала переводчицей на заводе, а по вечерам и в выходные перепечатывала рукописи Куваева или переводила ему пись-

ма зарубежных коллег. Правда, ей этого было мало.

«Работая на химзаводе в Переславле-Залеском, – вспоминает она в своих неизданных мемуарах, – я хотела устроиться внештатным переводчиком с английского языка во Всесоюзный Центр переводов в Москве. Экзамены я успешно сдала, но, при оформлении документов, из-за отсутствия московской прописки, мне отказали в работе».

Было ли Светлане Гринь скучно с Куваевым?

«С тобой было по-всякому, – утверждает сейчас Гринь, – но только не скучно».

Она рассказывает:

«Вообще, ты любил дурачиться и перевоплощаться в другие образы, и получалось у тебя это мастерски. Помню, как ты однажды очень забавно станцевал шуточный чукотский танец «В магазин привезли одеколон», а также показал сценку «холить зверя» и пр. Вообще, тебе присущ был артистизм. Как-то вернувшись из театра, смотрели мы постановку с Михаилом Ульяновым в главной роли, ты дома, за кухонным столом, так здорово изобразил некоторые сценки из этой постановки, что я даже сказала тебе: «Театр потерял в тебе хорошего актёра».

Но иногда Гринь всё же испытывала тоску по Терсколу. Куваев уверял, что больше в Терсколе ей делать нечего.

«Нету того прежнего твоего Терскола, – написал он Гринь в марте 1974 года, – нету. Что-то всё тут полиняло. Подружка твоя по приключениям – Шевченко попала под какой-то самосвал, руки-ноги поломала, Серёга Шацкий – спился, дошёл до белой горячки и вроде вторая твоя подружка-сводница Шацкая собирается с ним разводиться. Наталья со своим Хлудовым тоже собирается разойтись».

Но всё ли было замечательно в отношениях Куваева с Гринь? Нет. Случались и размолвки, и стычки.

Гринь вдруг взревновала писателя к его бывшей подруге – Алле Федотовой. Она испугалась, что Куваева у неё могли отнять. Но Куваев просто написал бывшей музе пару писем. Он не собирался с ней снова сходитьсь. А Гринь бог знает что напридумывала.

«Не хочу никаких недомолвок, – написала она в порыве отчаяния Куваеву. – Мне очень горько, что моё появление в твоей жизни не заполнило, вернее не вытеснило ту потребность

общения с прежними женщинами, которую ты испытываешь. Боже упаси меня от штемпелей, копаний в душе, привязанностей и так далее с мужиками, с которыми я спала между первым моим мужем и тобой. Там была простая плотская потребность, а, если ещё правильнее – попытка вылечить себя от бесплодия. Вот так! Если хочешь знать, в чём даже себе не хотела признаваться. Использовала рецепт врача, не самый лучший, конечно, если учесть духовную сторону жизни. Я как раз тогда лечилась в Нальчике, а мне очень хотелось ребёнка. Пусто мне как-то самой жить. А тут с тобой закрутилось... А тормоза не сработали. Но, честно говоря, если бы я знала, что и с тобой будет присутствовать «третий», у нас бы <ничего> не закрутилось. Не могу я так – наполовинку. Лучше ничего.

Ради бога, не расценивай письмо, как претензия или что-нибудь в этом роде, просто мне надо поделиться с кем-то своей болью, скопившейся за эти два года, а не с кем. Лучше я это сделаю с самим тобой. Из разговора ничего не получалось, какое-то одно бормотание с моей стороны и вспышки с твоей. И ещё что угнетает меня, так это «вокзальная жизнь», но этим я расплачиваюсь за «старую грязь».

Написала тебе письмо «тоненькая Светка», которую ты только произвёл на свет, и тут же отказался от неё. Пишу письмо ещё и затем, чтобы не отвлекать от работы. Да что там говорить, всё равно ничего нельзя обусловить. Просто горько мне от твоей измены».

Куваев не раз пытался объяснить с Гринь.

«То, – пишет она теперь, – что разговор на эту тему на повышенных тонах у нас с тобой был, я помню хорошо. Также помню хорошо, как ты предлагал мне прочесть вашу переписку с ней, но я отказалась, и только спросила тебя: «Зачем ты это делаешь?» Ты ответил: «Хочу посмотреть, чем всё это кончится». Меня это как-то успокоило. И только теперь я поняла глубокий смысл этих твоих слов. Слов равнодушного к своему прошлому человека. Человека-писателя, душа которого всегда открыта для отклика и поддержки другого человека, тем более женщины, с которой тебя связывали непростые отношения в прошлом».

В какой-то момент Светлана Гринь винила во всём себя. Ведь она была лишена возможности родить. Спустя много лет Гринь пишет:

«Какое счастье иметь интимную близость с любимым человеком, от кого хочешь иметь ребёнка – продолжателя рода твоего. Я, дитя опалённое войной, поэтому и не сменила свою

девичью фамилию в браке, ибо хотела и очень надеялась иметь ребёнка».

Я так хотела иметь детей!!! Я начала лечение от бесплодия с первых же лет жизни в замужестве с Валерием Дурновым, когда мы оба были ещё студентами. Все годы жизни с ним в течение восьми лет, хотя последние два-три года мы были уже в официальном разводе, я продолжала лечение вначале в Пятигорске, где мы учились, а потом в Нальчике (Кабардино-Балкарской республике), куда меня направили работать после окончания ПГПИИЯ. Ездил я также в Москву на консультацию к врачам. Но все мои попытки вылечиться оказались напрасными.

Бог не дал мне детей. И я не испытала счастья материнства даже в зародыше. А секс ради улады, удовлетворения своих плотских желаний – это грех. Большой грех. И никакой цинизм, никакое самооправдание не спасут твою душу от разрушения. От бесплодия. От мысли: «Бог не дал тебе ребёнка! За грехи!» И никакое покаяние за твои личные грехи тебе уже не поможет в этом. Продолжателя твоего рода от тебя – нет!»

Последнее утверждение, как выясняется, не совсем верно. Но это – совсем другая история.

Чаще всего срывы происходили во время страшных загулов Куваева.

«И в нашей жизни, – пишет в своих воспоминаниях Гринь (эта часть её мемуаров ещё никогда не публиковалась), – было пресловутое ружьё в твоих руках, о котором ты не раз говоришь в письмах своим адресатам. Дважды. Когда ты был в запое».

Один раз – я была на кухне, захожу в комнату, а ты сидишь в кресле (у двери) и целишься в себя. Я была в шоке! Я не помню, какие нашла слова, которые произнесла спокойно, без паники. Но ты повесил ружьё на место. На стену напротив, у дивана. Где висит шкура белого медведя, а на гвозде бинокль и ещё одно ружьё.

Второй раз, я была на диване, ты в том же красном кресле напротив. Смотрю, ты целишься в меня и говоришь: «Давай сразу покончим со всем этим. Вместе умрём. Вначале ты. Потом я. Как скажешь, так и будет». Я подумала немного, и потом, слава Богу, хватило ума и воли спокойно сказать: «Не надо». Ты тут же перестал целиться. Отложил ружьё в сторону, а потом повесил на стену».

Светлана Гринь считала, что Куваев был серьёзно болен и нуждался в лечении. По хорошему ему следовало лечь в клинику. Но писатель торопился доделать задуманные романы.

В январе 1975 года Куваев послал «слезную» бумагу председателю Союза писателей

России Сергею Михалкову. Он просил помощи в обустройстве своего быта.

«Мне надо немного, – писал Куваев. – Мне нужна двухкомнатная квартира, где я имел бы свой угол для работы. Замыслы подпирают, и время уходит до дикости бесхозьяственно, ибо живу я в коммунальной квартире, кроме меня в комнате 18 м² ещё три человека. Дикость, а куда денешься? Я давно бы махнул в Магадан, где прожил достаточно долго, или в иной удалённый город, но моя «московская программа» выполнена лишь на треть: после романа «Территория» подпирают ещё два «Правила бегства» и «Последний охотник». Чтобы работать, приходится мотаться по друзьям в разных местах Союза, ну а так как в течение пятнадцати лет жизнь моя была связана с геологией, то устаёшь мотаться-то.

Вот в принципе весь печальный вопрос. Прошу извинить, что обратился непосредственно к Вам. Но мне осточертело с шапочкой на коленях сидеть в приёмных наших литературных чиновников – пустое занятие».

Михалков тут же подмахнул обращение в Калининградский горком партии, чтобы писателю помогли с жильём в подмосковном Болшеве. У Куваева и Гринь появились надежды занять наконец собственный угол. Но очень скоро эти надежды угасли. Куваеву сказали, чтобы вступал в кооператив и вносил первый взнос.

В марте 1975 года Куваев взял с собой Светлану Гринь в Душанбе. Там худсовет киностудии «Таджикфильм» должен был обсудить возможности экранизации рассказа писателя «Телесная периферия». 10 марта Гринь сообщила сестре и её мужу:

«Дорогие Любочка и Толик, здравствуйте!

Пишу вам из Душанбе. Погода – прекрасная, отдыхаю очень хорошо. Вчера ездили в горы. Просто посмотреть. Живём в гостинице в городе – вот что плохо, так как в горах сошла лавина и завалила турбазу. А мы собирались там поселиться. Едим национальную еду и зелень. Ели виноград и дыню старую. Всё очень вкусно. Получили ли вы бандероль и передали ли её по месту назначения?

Скоро двинем домой. «В гостях – хорошо, а дома – лучше». Олег работу по первому варианту сценария закончил. Написала письмо и Ногуту отсюда. Здесь уже цветёт урюк, т.е. абрикосы, но ещё не везде. Прилетели в дождь, а сейчас погода хорошая.

Привет от Олега. Может быть, поедем в Терскол из Москвы.

Вот и всё. Целую вас.
Света».

После Душанбе Куваев собирался вернуться к роману «Правила бегства». Чтобы избавиться от московской суеты, он в начале апреля перебрался к своей музе в Переславль. Там ему 8 апреля неожиданно стало плохо. Врачам скорой помощи спасти писателя не удалось.

После похорон любимого человека Светлана Гринь вернулась в Переславль. Сестра Куваева вернула ей часть внесённого братом взноса на кооперативную квартиру.

«...я, – рассказывает Гринь, – категорически отказывалась. Но потом, поддавшись на её уговоры, решила, всё же, взять, чтобы трагичность их только на твои дела. Чтобы не возить твою печатную машинку из Болшево в Переславль, купили для меня машинку «Оптима», такую же как у тебя, за 400 рублей. На ней я перепечатала роман «Правила бегства» и многое другое из твоего архива. Остальные деньги, как и у многих других людей в те времена, сгорели во время денежных реформ, проводимых в нашей стране при распаде СССР».

Гринь осталась работать на химическом заводе.

«Японцы, – вспоминает она, – уехали. Техспецотдел ликвидировали за ненадобностью. Меня перевели в техотдел. По инерции живу, работаю. По инерции продолжаю переводить оставшуюся техдокументацию для ЭПЦ-1. Долго это, конечно, не могло продолжаться, так как числюсь в штате техотдела, получаю там зарплату и сижу там, а работаю для цеха. Кириллова Мария Ивановна, начальник техотдела, однажды говорит: «Нам переводчики не нужны. Или занимайся технической работой, или переходи в другое подразделение завода, где нужны переводчики». А они в то время не нужны были уже нигде! Вот так в один миг я лишилась всего: ни личной жизни, ни работы. Жить не хотелось...».

Своё жильё Гринь получила только в 1981 году. Ей дали однокомнатную квартиру на пятом этаже в девятиэтажке.

Все годы после смерти Олега Куваева Светлану Гринь на работе загружали всем, чем только могли. Но она все вечера, выходные и отпуска отдавала и продолжает отдавать перепечатке рукописей Куваева и сохранению наследия писателя. И уже много лет Светлана Афанасьевна работает над воспоминаниями об Олеге Куваеве (написаны четыре объёмистые части, но опубликованы пока лишь несколько небольших фрагментов).

ОСТРОВА МЕЧТЫ

Есть на Севере в Баренцевом море два небольших острова – Большой и Малый Айновы острова. Чтобы не интриговать читателя, сразу скажу, что они расположены к западу от полуострова Средний, в заливе Варангер-фьорд. Сегодня они административно входят в Печенгский район Мурманской области, но по принадлежности относятся к Кандалакшскому заповеднику.

Когда я служил на Севере в прошлом веке, слышал об этих островах больше как о географических объектах, чем какой-то достопримечательности. Но когда уже в Москве, работая в Исторической библиотеке, прочёл книгу публициста и художника Николая Васильевича Пинегина (1883-1940 гг.) «Из путевых воспоминаний о Севере», издания 1909 года, у меня зародилась мечта побывать на них, тем более я планировал поездку на Север в места моей службы.

Вот как начинал своё описание этих островов Н. Пинегин более ста лет назад: *«В течение лета 1909 года пришлось побывать во многих пустынных и необитаемых местах наших берегов Ледовитого океана; удалось быть два раза и на Айновых островах. По курсу парохода, обыч-*

но рейсирующего до Вардэ, видны эти кусочки земли, поднимающиеся невысокими пятнами из пены чернильных вод моря, но никогда пароход не подойдёт к ним, не остановится – незачем: нет на них ни человеческого жилья, ни промысла; только по путеводителю пассажиры могут справиться, что влево остались Айновы острова, где водится редкая птица – тупик, морской попугай....»

На первый взгляд, ничего интересного – тундра она и есть тундра. Но когда познакомишься с островами поближе по тем же описаниям Н. Пинегина, к слову, книга «Из путевых воспоминаний о Севере» актуальна и сегодня, а тем более побываешь на них лично, то тебя больше не потянет на Канары, где впечатлений меньше, чем на северных Айновых островах.

Свою мечту мне удалось осуществить только в 2009 году, через сто лет после того, как на островах побывал Н. Пинегин. Летом 2009 года, наконец, осуществил свою поездку на Север. Задав вопрос друзьям об Айновых островах, узнал, что туда не так-то просто попасть, пограничная зона, но пообещали устроить их посещение. Не буду рас-

сказывать о всей этой процедуре, расскажу только о своих впечатлениях от посещения этих островов.

Два небольших кусочка суши у берега Кольского полуострова стали пристанищем для многочисленных колоний всевозможных морских птиц. Гага обыкновенная и чайки, тупики и гуси, и ещё много видов гнездящихся здесь птиц. Острова дают временный приют и прокорм стаям, которые летят на гнездовья весной и возвращаются осенью на зимовку в южные широты по своим традиционным путям, многим видам птиц, населяющим тундры восточнее Кольского полуострова.

Вся эта масса птичьего царства не только кормится с островов, но и удобряет их, поэтому острова всё лето окрашены яркими красками. Чего только тут нет – роскошные пёстрые заросли жёлтой купальницы и лиловой герани, ярко-малиновые поля красной дрёмы, белоснежные, как морская пена, кудрявые заросли ромашки.... Кроме того, здесь встречаются удивительные папоротниковые заросли.

И над всем этим привольем неумолкаемый птичий гомон круглый полярный день. Ты стоишь удивлённый, а вокруг тебя тундра, согретая лучами летнего солнца, солёный ветер, шум прибоя, дополненный криками тысяч чаек и смешные тупики, похожие на птиц из мультиков, то ли это летающие пингвины, то ли полярные попугаи? И всё это почти на краю Земли.

На Большом Айнове от берега в глубь острова к маяку вела тропа. Не успеешь пройти и десятка метров, как наткнёшься на потемневший сруб колодца. Колодец вырыт ещё печенгскими монахами. Они приплывали сюда на лето – охраняли птиц, собирали их пух и яйца, заготавливали сено, собирали ягоды. Вкуснее варенья, чем из морошки, я не едал. Дно колодца выложено камнем так искусно и надёжно, что и через столько лет, можно из него летом кружками пить воду и набирать воды для чая и варева.

История Айновых островов интересна и её стоит изучать тем, кто любит необычные интересные путешествия. Я нашёл в Интернете отчёт А. Осокина об экспедиции на Айновы острова в 2018 году и с интересом прочёл. За девять лет с моего посещения на островах почти ничего не изменилось. Оно и понятно. Если до 2000 года там ещё работали учёные, то потом, как пишет А. Осокин, «дураков нет» жить вне цивилизации. Пропадает интерес у современных людей жить в ладу с природой. А зря!

Своё небольшое повествование о двух небольших братьях, островах Большой и Малый Айновы, я позволю себе закончить словами, перефразировав А. Осокина: мой материал об островах – малая капля в море, но пусть в этом море на одну каплю станет больше!

Вадим КУЛИНЧЕНКО

Вероника ВОРОНИНА

Поморский Гомер и Поморский Харон

«Сказывать и писать о Русском Севере, о его древней культуре я считаю моей миссией»

Б.Шергин

Борис Шергин (1893–1973) – один из старейших советских писателей-фольклористов. Он известен в первую очередь историями из жизни поморов, Русского Севера. Его, самобытного сказочника и уникального рассказчика, называли «Поморским Гомером».

Борис Викторович Шергин родился в Архангельске в семье коренных поморов. От родителей ему достался дар рассказчика и знание народной поэзии Русского Севера.

Со школьных лет Шергин собирал северные народные сказки, былины, песни; срисовывал орнаменты и заставки старинных книг, учился писать иконы в поморском стиле, расписывал утварь.

«От юности моей, – говорил он, – увлекался я «святою стариной» родимого Севера. Любовь к родной старине, к быту, к стилю, к

древнему искусству, к древней культуре Руси и родного края, сказочная красивость и высокая поэтичность этой культуры — вот что меня захватывало всего и всецело увлекало».

Шергин-сказитель и сказочник сформировался и стал известен раньше, чем Шергин-писатель. Он часто выступал с устным исполнением народных сказок, былин, баллад и собственных произведений, с рассказами о народной культуре Севера.

Известность Шергина началась с первой же его книги, вышедшей в 1924 году – «У Архангельского города, у корабельного пристанища». В ней автор рассказал шесть архангельских старин, услышанных от матери. Всего было опубликовано девять его книг.

Немало произведений Бориса Шергина экранизировали после его смерти. Многим известны мультфильмы «Волшебное кольцо», «Смех и горе у Бела моря», «Про Ерша Ершовича», «Поморская быль», «Mister Пронька».

Как отмечает один из исследователей творчества писателя А.В. Петров, «книги Б.В. Шергина – прежде всего хранители подлинного русского северного слова, они обладают почти фантастическим свойством — звучать, будто это не листы бумаги с нанесёнными на них типографскими знаками, а звуковые дорожки, доносящие до слушателей тончайшие нюансы «северной речи».

Привычный русский поморский быт, который живописует Борис Шергин, основан на православной вере. Сам Шергин был глубоко верующим человеком. Он воспринимал святых не просто как героев житий, а как реально участвующих в жизни мира здесь и сейчас, для него они — «вечные современники»: «Мы живём в иные времена. Но это не значит, что иное время – «иные песни». Нет! Правда, святость, красота вечны, неизменны. Мы проходим, а великие носители святости и красоты живы, как живы звёзды».

Не случайно среди интереснейших фольклорных текстов, записанных Борисом Шергиным, есть сказание, посвященное одному из самых почитаемых святых на Карельском берегу Белого моря и Кольском полуострове. Поморская былина «Старина о Варлааме Керетско» была опубликована в сборнике «Древние памяти: поморские были и сказания» (1957 года).

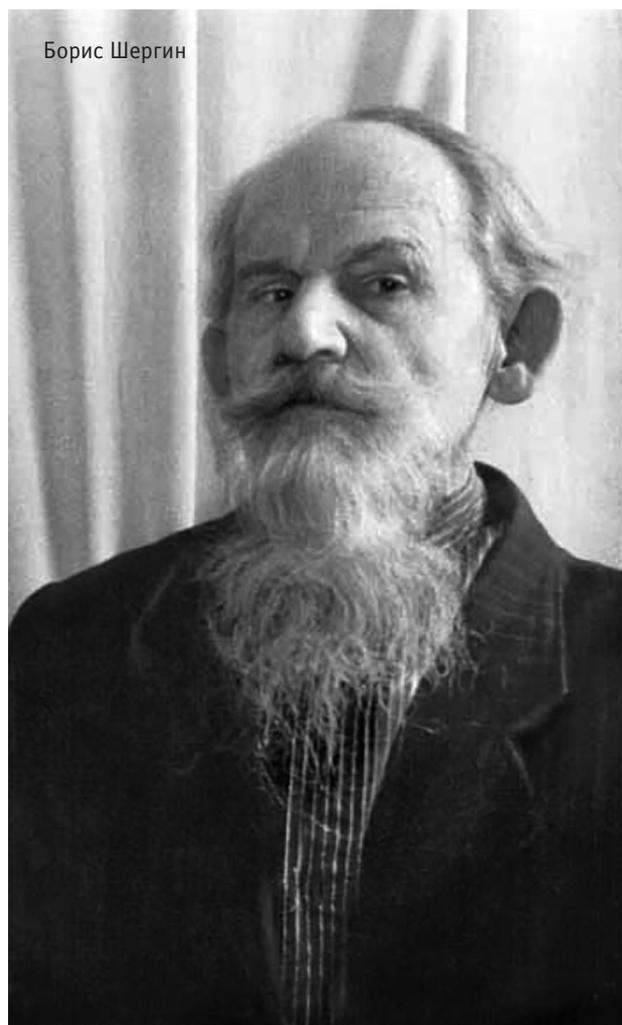
Варлаам Керетский занимает особое место среди поморских святых. В народных представлениях, он покровительствует северным мореплавателям как в жизненном житейском море, так и в загробном мире.

Преподобный Варлаам — весьма необычный персонаж. И его житие было вопиюще «не соответствующим» требованиям, предъявляемым к «идеальному святому».

Согласно церковно-народному преданию, Варлаам жил в XVI веке и был православным священником в Коле. Известно, что он убил свою жену. По одной версии, в припадке ревности, по другой — при попытке изгнать беса, поработившего её душу.

Варлаам Керетский принял на себя необычную и неимоверно тяжёлую епитимью — возить гроб с мёртвой женой в карбасе (большой гребной и парусной лодке), проходя путь от Керети до Колы и обратно. Несколько лет он плавал по бурному морю, «псалмы Давидовы пояше» и моля Бога об отпущении греха.

Хотя житие преподобного говорит о трёх годах его морских скитаний, Борис Шергин отмечает, что в поморских преданиях Варлааму Керетскому определено вечно плавать с гробом во искупление греха. Так появляется мотив бесконечного странствия погребальной ладьи.

Борис Шергин

Как повествует предание, записанное Шергиным, преподобному была дана власть над воздушной стихией. И северные мореходы молились ему, прося попутного ветра. Старики напутствовали молодых поморов перед выходом в море: «Смотри – неладное что выйдеет тебе: поветерья что ли долго не будет, в бурю ли страх обует тебя, в великое ли сомнение впадешь и соскучишься крепко, – молитву свою Варлааму Керетскому посылай».

В поверьях северных мореплавателей, сохраненных Борисом Шергиным, святому подчиняются не только ветра. С его призрачным карбасом, блуждающим между небом и землей, стал ассоциироваться туман: «Когда весною к тому или другому берегу Белого моря наносило марево, старики говорили: «Варлаамьева лодья подошла». Известна сходная пословица норвежских рыбаков. Когда с Мурманского берега подходит туман и погода начинает портиться, они говорят: «Русский поп жену привёз».

Символически туман означает неизвестную «серую зону» между реальностью и нереальностью. Это «пороговое» состояние; в

густом тумане два мира сближаются и переплетаются один с другим, поэтому в сказочных историях иногда волшебные существа появляются из него или таинственной дымки.

Со временем святой сделался почти мифологическим персонажем. В народном предании о Варлааме Керетском отчётливо проступает глубинный архаический пласт, соотносимый со славянскими и, шире, индоевропейскими мифопоэтическими древностями.

В другом своём тексте – очерке «Двинская земля» – Борис Шергин писал: *«А в нашей стране – вода начало и вода конец. Воды рождают и воды погребают»*. Студёные северные моря становятся и последним пристанищем поморов, местом их погребения. Смерть в море подстерегает каждого из живущих на его берегах. И морское дно, и побережье – место упокоения «взятых морем» рыбаков и зверопромышленников.

Преподобный Варлаам Керетский, указывающий поморам пути спасения, воспринимается народным сознанием как проводник душ в пограничном морском пространстве между жизнью и смертью. Его образ в скорбной погребальной ладье сближается в этом смысле с образом Харона.

Многим культурам известны архетипы водного пространства, отделяющего мир живых от мира мёртвых (например, Стикс древних греков), и «корабля мертвецов», перевозящего души на «ту сторону». В

сюжете переплыwania пограничных вод перевозчик (например, древнегреческий Харон) на ладье переправляет душу умершего в преисподнюю. С этим же образом связана роль «лодки смерти» в погребальных ритуалах: в ней сжигали, погребали, отправляли тело в море или по реке, судно изображали на погребальной утвари и могильных камнях. Иногда «корабль мертвецов» фигурирует в эсхатологических мифах (например, Нагльфар, скандинавской мифологии).

Варлаам Керетский покровительствует не только поморским мореходам. Считается, что под его защитой находится морское пространство, по которому проходило его бесконечное скитание – от Керети до Колы – и особенно – мыс Святой нос.

Известно, что в дореволюционной России как житие Варлаама Керетского, так и разнообразные устные предания о нём широко распространялись на Русском Севере. Между тем в советский период и официальная традиция поминовения святого, и устная фольклорная традиция были практически утеряны.

Возрождение памяти о преподобном началось в XXI столетии. Как показывают данные фольклорной экспедиции, устные рассказы о святом возобновили свою жизнь среди поморов после десятилетий забвения. В этом определёнno есть и заслуга замечательного русского писателя, фольклориста и художника Бориса Шергина.

Александр ЗИНОВЬЕВ

На Мандриково

«Я знаю, город будет, я знаю, саду цвёт, когда такие люди в стране советской есть». Сашку трясло, и он, в тумане сознания, про себя чеканил Маяковского. Маяковского Сашка любил за его твёрдое мужество и стихи. Клацало всё, что может в человеке клацать. Сашка замерзал и понимал это.

– Распишись вот здесь и здесь, – показал пальцем место в путевом листе начальник партии, молодой бородатый симпатыга, Игорь Седов. – Молодец, а теперь не тяни. Буровая уже вчера там должна была быть, а она до сих пор в боксе.

– Так она вчера уже и есть, – подытожил Сашка Игореву просьбу. – Считаю, уже там.

Как-то так получилось, что буровую на базе Газ 66 некому было перегнать в посёлок Мандриково. Из посёлка уже вовсю ругались. В трубке только и слышалось: «срываете, срываете...» И начпартии Игорь решил на это дело поставить своего универсала – Александра Панкова, инженера-геофизика. Весь Сашкин универсализм собрался в его умении много чего уметь по рабочим профессиям – от сварки до всяких токарно-винторезных и про-

чих станков! Машины все, какие в отечестве водятся, знает и водит, и катера и даже самолёт. Опять же играет на гитаре, подрабатывает как журналист и ещё играет на сцене. Энергия так и прёт!

Буровая с опущенной на кабину мачтой одиноко стояла в высоком, просторном и, средне обогреваемом проложенными по стенам толстыми густо-зелёными трубами, как везде в гаражах на Чукотке, боксе. Александр закрыл за собой огромные ворота, присмотрелся в темноте, нашёл включатель света, щёлкнул и, увидев одиноко стоящую буровую, подошёл к ней и вполне серьёзно спросил:

– Ну что, поедешь?

Буровая дипломатично промолчала. Не жалея обуви, потыкал носком кирзового, с войлоком в голенище, сапога, по баллонам, надо ли подкачивать, задрал кабину, внимательно посмотрел, что там водители оставили, проверил щупом масло, помял ремешки за вентилятором. Смотрел внимательно. Не капает ли с краников, все ли гайки на месте. У большого водяного патрубка заметил деревянный клин, непонятно как держащийся между патрубком

и приёмной трубой на блоке. Подумал, зачем, но трогать не стал, стоит и стоит... Раз водители поставили.

За огромными и толстыми воротами бокса – Чукотка. На Чукотке зима. Утром по радио передавали минус 47. Да так и есть, жмёт, аж побрякивает, а тут ехать на чужой, незнакомой машине. Сашка обошёл буровую, позаглядывал, куда и не надо бы было! Примерно, как лётчики перед вылетом оглядывают машину – мало ли что! Опустил кабину, защёлкнул на крюк и полез на бампер, смотреть воду в радиаторе. В боксе было полутемно, поэтому открутив пробку, Сашка, сунув в радиатор палец, нащупал воду. В кабине нашёл десятилитровую пластиковую канистру, отметил: «молодцы, искать не надо», покачал её – полная, пощёлкал тумблерами мотор печки, дворники, всё работает.

– Опять же, молодцы водители! Прямо невеста, а не буровая, – шептал Александр, подмазываясь к буровой. Молчащая буровая похоже, согласилась с таким определением. Сашка произнёс это громче и закончил вопросом:

– Ну, что молчим? – И так как не услышал ответного слова, решил, что стесняется. – Ну, стесняйся, стесняйся...

Проверил нажатием тормоза и, вытянув подсос, запустил движок. Двигатель как будто только этого и ждал. Бокс затянуло слоёным сизым дымом и плотным ровным звуком доведённого до совершенства двигателя. Саша послушал ровное гудение, и ему это очень понравилось. Пока двигатель нагревался, Александр слегка открыл створку ворот, вспомнил, что не посмотрел, есть ли какой инструмент, открыл ящик, порылся в нём. Необходимое есть – опять же, молодцы! Распахнул полностью ворота, отодвинул в сторону толстый, набитый речным песком, чулок, ка-

ким прикрывают щель внизу двери, забрался в кабину, хлопнул обитой изнутри войлоком дверью, включил скорость и поглядывая в зеркала, выехал на улицу. Во дворе экспедиции увидел механика:

– Михаил Иванович, не в службу, закрой ворота!

На заправке, на вылете из посёлка, знакомой тёте Клаве «похвастался», что вот командируется на Мандриково – буровую отогнать послали.

– Ну, ты поосторожнее, – буркнула в ответ заправщица, – перевал там скаженный.

Заправка на самом краю посёлка светила одиноким фонарём у самого выезда в долину невеликой речки Встречной. Слева и справа естественно тянулись сопки. Солнца не было, потому как зима, не сезон ему светить. Саша заправил бак, второй был полон. Сизый в полумраке бензин покачивался, как холодец в горловине бака. С усилием закрыл крышку бака и вставил в петлю для замка, висящую тут же («запасливые какие», – подумал о водителях) мягкую проволоку, закрутил на один оборот и сев в кабину, пибикнул тёте Клаве и вырулил на дорогу.

В кабине тепло, впереди несколько часов относительного безделья, можно было подумать, помечтать, вспомнить былое! Буровая установка тяжёлая для ГАЗ 66, поэтому машина качается, как корабль на волне, рессоры под ней так и ходят. Ну да, не для гонок же, доехать до устья скважины можно и не торопясь. Зимник зимой лучше любого асфальта. После снегопада прочищенный Кальмарами с пристёгнутыми с нему треугольником самыми настоящими рельсами, просто блестел в лучах фар. На щитке зелёным светом подсвечивали приборы и среди них самый главный – температура воды. Саше нравилось, когда тепло и когда всё хорошо работает, когда вот

так предоставляется возможность оторваться от привычных дел. Мотор делал своё дело уверенно, и дорога, освещённая ярким светом фар, сама катилась под колёса. Зимники на Чукотке, да и вообще на северах, очень хороши. Ветер всё с них выметает, и они блестят в лучах фар, как новенькие. Кабина уже так нагрелась, что Александр остановился и, покрутившись на сидении, снял с себя тёплую курточку, а меховая полярная шапка пушистым зверем давно лежала на капотной крышке, на дисках манометров воздушного давления. Без курточки рулить просторнее.

Потянулись километры и мысли. Ни встречных, ни попутных машин, только краем света фар высвечивает склоны сопки, причудливые снежные козырьки на обрывах. Всё на земле белое-пребелое! А неба не было видно, но Саша знал, что над всем этим белым горят яркими фонариками звёзды. Их много! Сколько не придумывай, всё равно их будет больше! Красота! В полярной ночи даже как-то так всё очень по-театральному. Вернулся мыслями к работе, несколько раз продумал, правильно ли они идут, не ожидается ли чего непредвиденного. План, годовой план, конечно с расчётом и на погоду, и на всё что угодно, выполняется. Коллектив и кадры старые, опытные! Даёшь план, и всё тут!

На просторах Чукотки, в строго привязанных к картам точках, несколько бригад экспедиции круглый год, и зимой тоже, вели буровые разведочные работы. Если всё идёт хорошо, то со временем выложится карта, по которой можно будет судить: перспективный район или нет, начинать ли добывать золото или погодить. Это в Лондоне унции чего-то в

фунтах стоят, а у нас на северах и в геологии только труд и стоит чего-то. Александр, когда первый раз набрал пригоршню матово блестящего золота, с атомным номером 79, который ещё и Аурум 197, почувствовал его неожиданный вес, почти как свинец, пошевелил пальцами. Мгновенно промелькнула мысль, что редко кому вот так выпадает, чтобы золото посыпалось между ними. Внутренне удивился: и из-за этого-то добра столько у людей и горя, и счастья! К золоту на Чукотке, да и на приисках, относились, конечно, с уважением, но та же пшёнка или куриные яйца ценились куда более, чем металл. Да и звали его просто – металл! Не сталь конечно, но золото. Да и добыча его по-своему интересна. Хоть подземная, хоть вскрышная. А если ещё в тонне руды содержится всего 2-3 г. золота, то и выгода светила для производства добычи.

Пока он думал, дорога потянула из долины в гору – значит, уже вёрст двести отмахал и не заметил. Только мелькали в особых, где хорошо в непогоду задувает, в опасных местах дорожные красные отражатели на воткнутых в зимник столбиках красным, отражённым катафотным светом. Подумалось: хорошо, что стоят, всё веселее! А вот в пургу от них толку не особенно. Заметают. Но всё же. Выйдя на подъём, переключил, перегазовав по старинке, коробку на третью скорость. Буровая под своей тяжестью на секунду осела, но пошла живее. Только мотор загудел иначе, быстрее. В машине было уже даже жарко, и поэтому не верилось, что за окном космический холод. А звёздочки-то помигивают – Саша скосил глаза влево и посмотрел в дверное стекло вверх. Ни облачка. Даже на Чукотке это признак, что

ночью холоднее, чем днём. А куда уж! И так хватает! Странно! Круглые сутки темно, но в ночные часы становится обязательно холоднее. И как там вверху Боженька всё это улаживает?

Перед самой верхней точкой перевала переключил на вторую скорость, и тут Александр заметил, что вода в радиаторе, если судить по стрелке датчика, как-то взъерепенилась. В такую погоду и кипеть – глупость какая-то. Стрелка легла направо. Саша взял вправо, натянул ручник, отпустил педаль тормоза, обрадовался, что техника не катится, можно смело вылезать. А в кабине появился специфический запах, как чем-то прелым пахнет, палёной воды. Саша про себя подумал: «Ещё не хватало», – и, взяв вправо, остановился, выключил двигатель. В кабине запахло сильнее. Натянул шапку, и как был, без курточки-полярки выпрыгнул из кабины. Холод клещами охватил тело! Саша присел перед бампером и увидел выбивающийся из-под крыльев над колёсами парок. А под мостом тут же замерзающее пятно выливающейся воды. «Хреново, однако», – на чукотский манер, с тревогой оценил увиденное Александр! С трудом, оттого, что машина стояла вверх по склону, поднял до зацепа замка кабину. Из-под кабины резко пахнуло теплом и запахом парной водой, и тут же Саша, сквозь пар, увидел, что большой патрубок, что соединяет двигатель с радиатором, слетел с двигателя. А этот деревянный клин лежал тут же. Саша даже обрадовался, что всё так просто! Клин от тряски выполз, патрубок сполз, и лейся песня на просторе. Саша тут же натянул ещё тёплый патрубок обратно, но

он, хотя и натянулся, но не хотел держаться, короток. Вот зачем водители клин приспособили...

Александр нашёл отожжённую проволоку-катанку, видел её ещё в гараже, быстро скрутил скрутку, натянул патрубок и стал плоскогубцами затягивать петлю проволоки. И тут заметил, что холод озверевает. Что грудь, плечи уже замёрзли. Саша тут же отметил, что ему никак нельзя ни в чём ошибиться. Ноги в брюках и спина уже околели. Только он закрутил проволоку, как патрубок сам сполз с трубы. Странно! Саша вновь его насадил, слегка открутив проволоку, и тут заметил, что патрубок не стандартный, что его изгиб не подходит под этот двигатель и поэтому его тянет, стягивает с трубы. «Так вот что тут за клин стоит», – догадался Саша и пожалел, что не надел полярку. Тихо ругая хозяина буровой, Саша ещё раз собрался с мыслями, чтобы, уже точно не ошибаясь, натянуть окаменевший патрубок на место и затянуть его проволокой. А тут ещё плоскогубцы соскользнули и упали на снег. Поднял их и как можно быстрее, пока патрубок не успел сползти, осторожно закрутил проволоку. Попытка оказалась успешной, и Саша совершенно немыми, не слушающимися пальцами вставил клин, как мог сильнее ударил по нему плоскогубцами и ещё раз крутанул катанку. На всякий случай, подталакиваемый шоферской практикой, покачал уже закреплённый патрубок. Стоит крепко. «Теперь надо...» – мысли уже текли медленно, – «налить воды». Саша вылез из-под кабины. Холод схватил всё его тело и принуждал всё бросить! Но никак нельзя. Это будет вот такая

глупая смерть. Повиснув на запорном рычаге кабины, не сразу, но дёргаясь, Саша стронул её с места, и она начала опускаться. Сашка подобрал ноги, повис на ней, чтобы уж точно защёлкнуть на замок и, в уже наваливающемся безразличии, отпустил рычаг запора, опустил кабину и полез за канистрой.

В кабине нашёл совершенно ледяные варежки, непонятно каким образом и зачем натянул их на руки, выдернул из-за спинки сидения канистру с ещё булькающей водой, опустил на дорогу и полез с ней на бампер, заливать. Старался не ошибиться, не соскользнуть, не упустить ни капли, упершись как можно устойчивее, тонкой струёй лил воду и думал: «Только бы хватило!» Хорошо бампер как стол, просторный. Мелькнула мысль, что за всё время на дороге никто не проезжал. Замёрзнешь тут к чертям, и никто не поможет! Воды хватило, даже осталось. Сумел закрыть крышкой радиатор, даже на канистру наверхнул, отметил, как всё быстро каменеет. Спрыгнул с бампера на землю, но совершенно деревянные ноги не подвели, не упал. Посто-ял, собираясь с силами. Непонятно как, но забрался в кабину, канистру положил на правое сидение, снял, стряхнул с себя варежки, левой рукой потянул дверь, ледяными пальцами коснулся ещё более ледяного ключа в замке зажигания и, преодолевая боль, повернул его. Стартёр щёлкнул и как-то так легко крутнул двигатель. Сашка даже не обрадовался. Просто услышал, что он завёлся, значит, не всё пропало. Включил габариты. Посмотрел туманными глазами, что показывают приборы. Датчик давления масла показывал троечку, хорошо, а стрелка датчика воды пока лежал на левом боку. Саша погазовал, разгоняя мотор,

и вдруг заметил, что трясётся. Посмотрел на руки – трясутся, ноги ходуном, да и всё тело тряслось странной незнакомой вибрацией. Вот в эту минуту он стал трясушимся голо-сом читать Маяковского. «Когда такие люди в стране советской есть». Стрелка температу-ры воды слегка подалась вправо. «Не замёрзла водица-то», – ещё раз обрадовался Алек-сандр и стал, изучая себя, удивляться, как его трясёт. Улыбнулся совершенно не ориги-нальной мысли, что это от холода. Сильно так замёрз, поэтому и трясёт! Мысли в трясушем теле текли хотя и странно медленно, но текли, и Саша даже подумал, что как-то бы собрать тепло вокруг себя. Кабина большая, пока всё внутри нагреешь, истрясёшься! Трясущейся рукой (отметил, как смешно она трясётся, как у балалаечника над струнами) дотянулся до своей полярки, потянул к себе и стал натяги-вать её на голову и плечи, чтобы получился кокон. Саша наклонился и левой щекой лёг на неподвижный и прохладный руль. Рулевая баранка оказалась как-то особенно холодной, как сталь. Тогда Саша снял с головы шапку и положил её на руль, под лицо. Заметил, что дальше строчки «Когда такие люди в стране советской есть», стихи не шли, – стал подты-кать курточку вокруг тела! Тряслось не только тело, зубы тоже смешно постукивали. Быстро так. Морзянка! Но благодатное тепло пошло – Саша сначала почувствовал его губами, затем грудью. Тряска же продолжалась, но теперь не страшная, потому как тепло уже было рядом! И тут вспомнил, и прошептал «Через четыре года здесь будет город-сад!» Ну и пусть трясёт, даже интересно. «И будет город сад». А как дальше-то?... Вспомнил, как в школе удивил-ся, что написал Маяковский: «Мы в сотню

солнц мартенами воспламеним Сибирь. Здесь дом дадут хороший нам и ситный без пайка, аж за Байкал отброшенная попятится тайга».

Ни о чём, кроме тряски и радости тепла, не думалось, строчки Маяковского как-то успокоили Сашу, и он заснул. А когда проснулся, мотор, молодец какой, работал ровно, как положено, не подвёл. Саша поднял голову от руля, не сразу понимая, что делается, улыбнулся и, снимая с головы горячую курточку, вспомнил, как чеканил Владимира Владимировича, уже вслух ясным, театральным баритоном закончил: «По небу тучи бегают, дождями сумрак сжат, под старую телегою рабочие лежат. И слышит шепот гордый вода и под и над: «Через четыре года здесь будет город-сад! Темно свинцовоночие, и дождик толст, как жгут, сидят в грязи рабочие, сидят, лучину жгут».

Александр вспомнил, как он в школьные годы учил стихотворение, и нарисовал себе эту картину с лучиной, как его всего это взволновало. А уж потом, учась и в геологоразведочных полях, сколько было таких лучин, не сосчитать...

А спал, Саша посмотрел на часы, больше часа. Ещё раз и уже совершенно чистым и счастливым, не замёрз же, голосом продекларировал: «Здесь будет город-сад!» Посмотрел на мирный пейзаж за окном, вспомнил, где он, положил уже не нужную курточку на бадейку с остатком воды, посмотрел на дорогу, оглянулся по кабине. Всё работало, циферблаты приборов светились, значит и габариты включил. И кабина была тёплой и уютной. Радостно потянулся, заложил руки за голову и подал локти вперёд – хорошо! Ещё раз посмотрел на циферблат: мать честная, уже четыре утра... Почесал затылок, в Мандриково должны бы

уже волноваться за него. Аккуратно включил скорость и медленно отпустил сцепление, спустил ручник. Нехотя, на замёрзших подшипниках, буровая пошла в гору, немного осталось до верха, должно немного. Руль опять был тёплым и родным. Верхняя часть мачты миролюбиво торчала над кабиной. Переключил на вторую скорость – едем! Едем, ёлочка зелёные.

В посёлок золотодобытчиков на мощной реке Омолон, Мандриково, имя которому дали в память о руководителе Анадырского Ревкома, белорусе, сыне крестьян, революцией занесённом на Чукотку, Михаиле Сергеевиче и расстрелянном белогвардейцами, Александр приехал в десять утра. Начальник партии Чижов Иван Егорович, старый, кряжистый, широкий в плечах полярный геолог, встал из-за заваленного картами и разложенной схемой участка, протянул руку, улыбнулся Саше и спросил:

- Чего так долго?
- Да патрубок слетел, – ответил Сашка.
- Какой?
- Верхний!
- А чего слетел?

– От другого двигателя патрубок натянули и деревянным клином заклинили! Клин слетел, и патрубок тоже слетел, – объяснил Саша. Помолчали...

– Ладно, иди, завтракай, столовая сегодня пирожками порадовала. А патрубок найдём, поменяем. Да поспи, обрат машина днём пойдёт, толкну.

Чижов опустил на стул и стал набирать номер телефона. Уже в дверях Саша услышал:

– Игорь, Панков приехал. Живой. Куда он денется!

*Чтобы добиться успеха в этом мире,
недостаточно быть глупым – нужно ещё
иметь хорошие манеры*

Вольтер

Автобиография

Князь Александр Васильевич Зиновьев.

Родился 29 марта 1946 года.

Не судим, не привлекался.

Русский. Православный. Пионер. Комсомолец. Член партии «Единая Россия». Почётный донор России. Член союза кинематографистов «КиноСоюз». Драматург, поэт, писатель, сценарист, актёр.

29 марта 2018 года имел честь быть награждённым Главой Российского Императорского Дома медалью «В память 400-летия дома Романовых 1613-2013 г.». Женат. Есть дети, внуки и внучки.

Работаю с 16 лет.

Служил в Советской Армии (1965-1968 гг.) на архипелаге Новая Земля. Начальник радиолокационной станции П-15. Секретарь комсомольской организации роты.

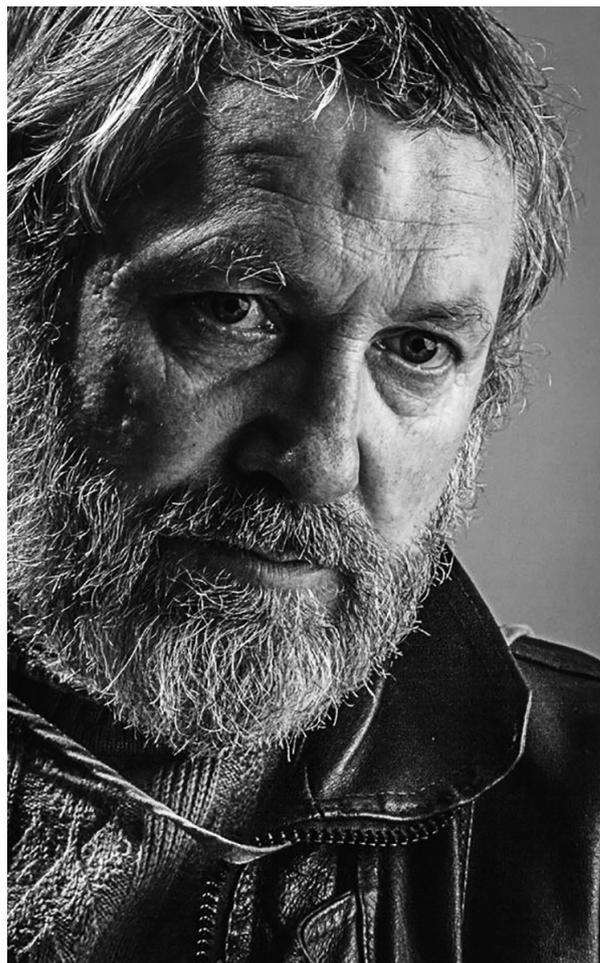
Учился в школе, институте – геолог геофизик, на курсах водителей, радистов и капитанов маломерного флота. Театральная студия при театре Советской Армии.

Первая профессия – токарь. Любимая работа – геолог-геофизик. Боль моя – театр и кино, и литература. Первая геологоразведочная экспедиция – 1961 год – Якутия.

География работ: Москва, Якутия, Киргизия – Тянь-Шань, Кавказ, Казахстан, Узбекистан, Крым, Коми АССР, Ямал, Таймыр, Тазовский, Чукотка, Дальний Восток. Тридцать полевых лет, из них пятнадцать в Заполярье.

Профессии: токарь, рабочий геологоразведочной экспедиции, техник-геофизик, дворник, старший техник-геофизик, инженер-геофизик, начальник отряда, заместитель начальника партии. А также – водитель-механик, старатель, фотограф, телеоператор, журналист, лесник – мечта детства, актёр, режиссёр, продюсер, писатель, драматург.

Неожиданные работы: «Акция возрождения Храма Христа Спасителя» – коммерческий директор.

Всероссийское движение «Мой мир без наркотиков и табака» – директор Московской Штаб-квартиры. Закрыта.

Печататься начал в 1970 году в газете «Дудинка».

С тех пор:

Газеты: «Золотая Чукотка», «Советская Чукотка», «Магаданская Правда», «Правда», «Учительская Газета», «Труд», «Московский комсомолец», «Красное знамя», «Калачеевские зори», «Он плюс Она», «Вечерний Клуб», «Торговая газета», «Женщины России», местная городская пресса.

Журналы: «Огонёк», «Советский Экран», «Женский клуб», «Я Модель», «Геодекор», «Красное знамя» – Киржач.

Радио: радиоэфиры на радио «Чукотка». «Юность», «Маяк», «Радио России», «Эхо Москвы» – выходил в эфиры как журналист и гость.

Телевидение: брали интервью журналисты РФ, Японии, США.

Мною сняты: телефильм к столетию М.Булгакова. Телефильм «Апрельские тезисы 93 года». Документальный фильм о конфликте Осетия – Ингушетия полу-

чил первую премию на конкурсе документальных фильмов в Праге. После показа в Останкино снят с должности Егор Яковлев – ВГРТК. Ряд моих сюжетов были использованы на отечественном ТВ. Три идеи телепередач сворованы. ТВЦ 1994 г. «Возвращение к душе».

Кинофильмы: снялся в более чем шестидесяти кинофильмах – эпизодические роли. Грамматиков, Шахназаров, Сидоров, Зайцев, Хотиненко, Рязанов, Хван, Досталь. Два – у студентов ВГИК-а.

Литература: в 2018 г. выпущен сборник «Лучшие современные одноактные пьесы» с моей пьесой «Афган точка ру».

Написан сценарий «Яшин» – две серии. В.В. Путин поддержал меня в этом. Работаю над сценарием художественного кинофильма о первых героях полярниках. Папанин, Кренкель и так далее. Стихи 4 мая 21 года – 538, и рассказы, около ста. Несколько песен. Вышла в свет и продажу повесть «Первое поле, не во всём геологические рассказы». Скромный сборник стихов «Про не то это!»

На ТВ: К. Прошутинская и Л. Новожёнов. Работал журналистом с собственными сюжетами у Кирилла Молчанова.

Лауреат Премии Ленинского комсомола – получена за спектакли «В списках не значился» Б. Васильева и за «Диктатуру совести» М. Шатрова, поставленные в Билибинском Народном Драматическом Театре, в труппе которой я имел честь состоять. Президент Клуба Самодеятельной Песни (КСП) – Билибино. Вёл с детьми занятия по актёрскому мастерству и песне. Стопроцентная социальная ответственность!

Форма секретности – первая!
 Любимая еда – пшённая каша!
 Любимая порода собак – боксёр!
 Покойная Анастасия Ивановна Цветаева (дружили) убедила меня, что я поэт.

Но я, скорее, писатель и гражданин. И... патологический романтик!

В основе моего понимания русских людей и России в целом лежит монархия.

Вера, Царь, Отечество – в них правда и смысл России.

В 2012 году перебрались жить в деревню под г. Киржач. То есть стал крестьянином в д. Илькино. В городе два года вёл поэтические вечера «Разговор по душам». Участник местных фестивалей авторской культурной жизни района и области. Местное ТВ сделало со мной передачу. Вот как-то так и живу.